

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО 23 февраля 1944 г. № 16, г. Москва	3
Красная Армия — армия боевого единства и дружбы народов СССР	7

СТАТЬИ

Горбунов Т., секретарь ЦК КП(б)Б — Ленин и Сталин в борьбе за свободу и независимость белорусского народа	15
Чебаевский Ф. — Волжская военная флотилия в гражданской войне (1918—1920) .	22
Федяева А. — Борьба народов Прибалтики против германских оккупантов в 1918 г.	28
Баевский Д. — Начало восстановления Донбасса (1920 г.).	36
Кокнев Д. — Об одной фашистской фальсификации истории осетин	43
Молок А., проф. Ленингр. ун-та — Вольные стрелки во Франции во время войны 1870—1871 годов	48
Архангельский С., проф. Горьковского пед. ин-та—Английская дипломатия и вене- цианско-турецкая война (40—50-е годы XVII в.)	57

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Штейн Б., проф. Высшей дипломатической школы. — Из истории подготовки уста- ва Лиги наций	63
Бахрушин С., чл.-корр. АН СССР — Юрий Владимирович Готье	74
Савицкая Н. — Важнейшие труды акад. Ю. В. Готье	79
Звягинцев Е. — Слободы иностранцев в Москве XVII века	81

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры	87
Сидоров А., проф. МГУ—«Организация Красной Армии» 1917—1918». Голант В.— «Освобождённый Тихвин». Олексина В.—«Документы обвиняют». Воро- нин Н.—«Краткие сведения о докладах и полевых исследованиях Инсти- тута истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР».	

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР	101
Иванов Л.—Институт истории АН СССР в 1943 г. Цветков Г.—Работа кафедры истории Башкирского государственного педагогического института в годы Великой отечественной войны.	

Ем. Ярославский.

Редакционная коллегия:

Б. М. Волин.
И. А. Кудрявцев.
И. И. Минц.
А. М. Панкратова.
С. И. Гопнер.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Д 3-31-04, Д 3-36-50.

А5126. Изд. № 215. Зак. № 244. Тираж 20.000.

Подписано к печати 29/III 1944 г. 68.000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

23 февраля 1944 г.

№ 16

г. Москва

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы, партизаны и партизанки!

26 годовщину Красной Армии народы нашей страны встречают в обстановке исторических побед советских войск над немецко-фашистскими войсками.

Свыше года Красная Армия ведет победоносное наступление, гремя армии гитлеровских захватчиков и сметая их с советской земли. За это время Красная Армия успешно провела зимнюю кампанию 1942—43 г., выиграла летние сражения 1943 г. и развернула победоносное зимнее наступление 1943—44 года. В этих беспрецедентных в истории войн кампаниях Красная Армия с боями прошла на запад местами до 1.700 километров, очистила от врага почти $\frac{3}{4}$ захваченной им советской земли.

В ходе нынешней зимней кампании Красная Армия ликвидировала мощную оборону немцев на всем протяжении Днепра от Жлобина до Херсона и тем самым опрокинула расчеты немцев на успешное ведение затяжной оборонительной войны на советско-германском фронте.

За три месяца зимней кампании наши доблестные войска одержали крупнейшие победы на правобережной Украине, завершили освобождение Киевской, Днепропетровской, Запорожской областей, освободили всю Житомирскую, почти полностью Ровенскую и Кировоградскую области, ряд районов Винницкой, Николаевской, Каменец-Подольской и Волынской областей. Решительными действиями Красной Армии ликвидированы попытки немецкого контрнаступления в районах Житомира, Кривого Рога и Умани. Советские войска устроили немцам новый Сталинград на правобережье Днепра, окружив и уничтожив в районе Корсунь-Шевченковский 10 немецких дивизий и одну бригаду.

Большая победа одержана советскими войсками под Ленинградом. Наши войска взломали мощную систему долговременных, глубоко эшелонированных укреплений противника, разгромили сильную группу немецких войск, полностью освободили Ленинград от вражеской блокады и варварских артиллерийских обстрелов. Советские воины завершают очищение от фашистских извергов Ленинградской и Калининской областей и вступили на землю советской Эстонии.

Развернулось массовое изгнание оккупантов из советской Белоруссии: освобождены почти полностью Гомельская и Полесская области, ряд районов Могилевской и Витебской областей.

В неблагоприятных условиях нынешней зимы наши войска, преодолев мощные оборонительные полосы врага, за 3 месяца зимней кампании очистили от захватчиков около 200 тысяч кв. километров советской земли. Красная Армия отбила у врага свыше 13.000 населенных пунктов, в том числе 82 города и 320 железнодорожных станций. Из фашистской неволи вызволены новые миллионы советских граждан. Нашей Родине возвращены важные сельскохозяйственные и промышленные районы с богатейшими запасами железной руды и марганца. Немцы лишились этих экономически важных районов, за которые они так отчаянно цеплялись.

Теперь уже всем, должно быть, ясно, что гитлеровская Германия неудержимо движется к катастрофе. Правда, условия ведения войны в этой войне более благоприятны для Германии, чем в прошлой мировой войне, когда она с самого начала и до конца войны вела борьбу на два фронта. Однако большим минусом для Германии является тот факт, что Советский Союз в этой войне оказался много сильнее, чем старая царская Россия в прошлой войне. В первой мировой войне против германского блока воевали на двух фронтах шесть великих держав — Франция, Россия, Англия, США, Япония и Италия. В нынешней войне на сторону Германии перешли Италия и Япония, присоединилась к фашистскому блоку Финляндия, перебежала Румыния, воевавшая в прошлой войне против Германии, при этом основные силы Германии до сих пор действуют на одном фронте против Советского Союза. Из истории известно, что Германия всегда выигрывала войны, если она дралась на одном фронте и, наоборот, проигрывала войну, когда она вынуждена была воевать на двух фронтах. В нынешней войне Германия, воюя основными силами на одном фронте против СССР, тем не менее не только не смогла одержать победу, но мощными ударами вооруженных сил Советского Союза оказалась поставленной на край катастрофы. Если Советский Союз один на один не только выдержал натиск германской военной машины, но и нанес немецко-фашистским войскам решающие поражения, то тем более будет безнадежным положение гитлеровской Германии, когда вступят в действие главные силы наших союзников и против гитлеровской Германии развернется мощное и нарастающее наступление армий всех союзных государств.

Немецко-фашистские разбойники мечутся теперь в поисках путей спасения от катастрофы. Они снова ухватились за «тотальную» мобилизацию в тылу, хотя людские ресурсы Германии исчерпаны. Фашистские заправилы предпринимают отчаянные попытки внести разлад в лагерь антигитлеровской коалиции и тем самым затянуть войну. Гитлеровские дипломаты носятся из одной нейтральной страны в другую, стремятся завязать связи с прогитлеровскими элементами, намекая на возможность сепаратного мира то с нашим государством, то с нашими союзниками. Все эти уловки гитлеровцев обречены на провал, ибо в основе антигитлеровской коалиции лежат жизненно важные интересы союзников, поставивших задачу разгромить гитлеровскую Германию и ее сообщников в Европе. Именно эта общность коренных интересов ведет к укреплению боевого союза СССР, Англии и США в ходе войны.

Близится час окончательной расплаты за все злодеяния, совершенные гитлеровцами на советской земле и в оккупированных странах Европы.

Победоносное наступление Красной Армии стало возможным благодаря новым трудовым подвигам советских людей во всех отраслях нашего народного хозяйства. Трудящиеся Советского Союза подкрепили летние победы Красной Армии на фронтах новыми производственными победами в тылу.

Рабочие нашей промышленности досрочно выполняют и перевыполняют установленные государством планы, вводят в строй новые заводы, доменные печи и электростанции, восстанавливают в невиданно короткие сроки в освобожденных районах разрушенную оккупантами индустрию. Героические усилия рабочего класса еще более укрепляют военноматериальную базу Красной Армии и приближают тем самым час нашей окончательной победы.

Советское крестьянство дает государству продовольствие для армии и городов, сырье для промышленности, оказывает самоотверженную поддержку Красной Армии.

Советская интеллигенция оказывает прямую руководящую помощь рабочим и крестьянам в деле разворота производства и удовлетворения нужд Красной Армии.

Трудящиеся освобожденных районов с каждым днем расширяют помощь Красной Армии — своей освободительнице, включают в общий поток грузов, идущих на фронт, продукцию восстанавливаемых заводов и сельского хозяйства.

Нет сомнения в том, что советский народ и впредь своим героическим трудом и напряжением всех своих усилий обеспечит непрерывный рост производственных сил страны для скорейшего и окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Создание новых войсковых формирований в союзных республиках, подготовленное боевым содружеством народов СССР в Отечественной войне и всей историей нашего государства, еще более укрепит Красную Армию и вольет в ее ряды новые, боевые силы.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы! Товарищи партизаны и партизанки!

В великой освободительной войне за свободу и независимость нашего Отечества вы проявили чудеса героизма. Красная Армия добилась решительного поворота в войне в нашу пользу и ныне уверенно идет к окончательной победе над врагом. Враг терпит поражение за поражением. Однако, он еще не разбит. Гитлеровские разбойники, видя приближение своей гибели и неизбежность возмездия за все чудовищные злодеяния, совершенные ими на нашей земле, сопротивляются с яростью обреченных. Они бросают в бой последние силы и резервы, цепляются за каждый метр советской земли, за каждый выгодный рубеж.

Именно поэтому, как ни велики наши успехи, мы попрежнему должны трезво оценивать силы врага, быть бдительными, не допускать в своих рядах зазнайства, самоуспокоенности, беспечности. Не было еще в истории войн случая, чтобы враг сам прыгнул в пропасть. Чтобы выиграть войну, нужно подвести противника к пропасти и столкнуть его туда. Только неуклонно нарастающие в своей силе сокрушительные удары могут сломить сопротивление врага и привести нас к окончательной победе. Для этого необходимо продолжать совершенствовать боевую выучку бойцов и военное мастерство командиров нашей армии. Долг Красной Армии — каждый день поднимать выше свое военное искусство, непрестанно и тщательно изучать тактику врага, умело и во-время разгадывать его коварные уловки, противопоставлять вражеской тактике нашу более совершенную тактику. Необходимо, чтобы боевой опыт и достижения передовых частей и соединений Красной Армии стали достоянием всех наших войск, чтобы вся Красная Армия, все ее бойцы и офицеры научились бить врага по всем правилам современной военной науки.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы, партизаны и партизанки!

Приветствуя и поздравляя Вас с 26-й годовщиной Красной Армии, приказываю:

1. Всему рядовому и сержантскому составу — пехотинцам, минометчикам, артиллеристам, летчикам, танкистам, саперам, связистам, кавалеристам — продолжать неустанно совершенствовать свое боевое мастерство, полностью использовать нашу прекрасную боевую технику, бить врага, как бьют его наши славные гвардейцы, точно выполнять приказы командиров, укреплять дисциплину и порядок, повышать организованность.

2. Офицерам и генералам всех родов войск — совершенствовать искусство вождения войск, тактику маневрирования, дело взаимодействия всех родов войск в ходе боя, смелее и шире внедрять в боевую практику опыт передовых гвардейских частей и соединений, поднять на выс-

шую ступень культуру работы штабов и войсковых тылов, всемерно улучшать и развивать нашу разведку.

3. Всей Красной Армии — умелым сочетанием огня и маневра взламывать вражескую оборону на всю ее глубину, не давать врагу передышки, своевременно ликвидировать вражеские попытки контратаками задержать наше наступление, умело организовать преследование врага, не давать ему увозить технику, смелым маневром охватывать фланги вражеских войск, прорываться в их тылы, окружать войска противника, дробить их и уничтожать, если они отказываются сложить оружие.

4. Партизанам и партизанкам — усилить помощь Красной Армии, нападать на штабы и гарнизоны противника, громить его тылы, разрушать его коммуникации и связь, лишать его возможности подтягивать резервы.

5. В ознаменование великих побед, одержанных вооруженными силами советского государства в течение истекшего года, сегодня, 23 февраля, в день 26-ой годовщины Красной Армии, в 18 часов, в Москве, Ленинграде, Киеве, Днепропетровске, Гомеле, Ростове салютовать доблестным войскам Красной Армии двадцатью артиллерийскими залпами.

Слава нашей победоносной Красной Армии!

Слава советскому оружию!

Слава нашим отважным партизанам и партизанкам!

Да здравствует наша великая Советская Родина!

Да здравствует наша Всесоюзная Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор великих побед Красной Армии!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. СТАЛИН.

КРАСНАЯ АРМИЯ—АРМИЯ БОЕВОГО ЕДИНСТВА И ДРУЖБЫ НАРОДОВ СССР

В своём докладе о 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции товарищ Сталин охарактеризовал истекший год как год великих исторических побед советского народа и его Красной Армии.

Одним из решающих условий этих побед и источником силы Советского Союза является несокрушимая дружба народов СССР. «Все народы Советского Союза единодушно поднялись на защиту своей Родины, справедливо считая нынешнюю Отечественную войну общим делом всех трудящихся без различия национальности и вероисповедания. Теперь уже сами гитлеровские политики видят, как безнадежно глупыми были их расчёты на раскол и столкновения между народами Советского Союза. Дружба народов нашей страны выдержала все трудности и испытания войны и ещё более закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков» (Сталин).

Дружба народов СССР складывалась исторически. Она зародилась на основе общности судеб народов, входивших в состав России, окрепла в их совместной борьбе против царизма, помещиков и буржуазии и закалилась в огне гражданской войны против буржуазно-помещичьей контрреволюции и иностранной интервенции. В годы мирного социалистического строительства в результате роста материального благосостояния и культурного уровня трудящихся масс народы СССР сплотились в единую, монолитную семью. Ведущую роль в этом великом содружестве народов играет русский народ. Он по праву называется старшим братом в большой семье советских народов. На протяжении веков русский народ объединял и сплачивал народы России, под его руководством свершилась величайшая в истории народная революция, сбросившая иго помещиков и капиталистов. При помощи и под руководством русского народа народы нашей страны, отстояв свою независимость и право на свободное развитие, в короткий срок ликвидировали разруху и стали быстрыми шагами догонять и перегонять передовые народы Европы и Америки в техническом, экономическом и культурном отношении. Весь этот исторический путь ярко отражён в первых строках государственного гимна СССР:

«Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!»

Все народы нашей страны высоко ценят и чтут славные традиции русского народа. Они учатся у русского народа беззаветно любить свою родину и жгуче ненавидеть её врагов, мужественно и стойко драться за её честь, независимость и свободу, совершать во имя родины легендарные подвиги, а если нужно, то и жертвовать жизнью ради процвета-

ния своей страны и своего народа. Подвиги великих русских патриотов — Александра Невского и Дмитрия Донского, Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова — вдохновляют на героическую борьбу воинов Красной Армии, вне зависимости от их национальности и вероисповедания.

Красная Армия является олицетворением братского союза народов, добровольно объединившихся в союзное государство. С момента своего возникновения Красная Армия является подлинно народной армией, армией дружбы между народами Советской страны, армией защиты свободы и независимости советских народов. «Наша армия, — говорил товарищ Сталин в 1928 г., — является армией братства между народами нашей страны, армией освобождения угнетённых народов нашей страны, армией защиты свободы и независимости народов нашей страны... Всё её существо, весь её строй зиждется на укреплении уз дружбы между народами нашей страны, на идее освобождения угнетённых народов, на идее защиты свободы и независимости социалистических республик, входящих в состав Советского Союза» (С т а л и н).

Красная Армия зародилась в борьбе с немецкими захватчиками. День 23 февраля 1918 г., когда отряды Красной Армии наголову разбили под Псковом и Нарвой немецкие войска, был объявлен днём рождения Красной Армии. Основное ядро первых частей Красной Армии составили отряды рабочей Красной гвардии Петрограда, Москвы, Донбасса, Урала и других промышленных районов страны. По призыву партии и правительства в Красную Армию влились наиболее передовые, революционные рабочие и крестьяне, в её ряды пошли лучшие сыны народов нашей страны: русские, украинцы, белоруссы, татары, башкиры, латыши, эстонцы и другие. За оружие взялись народы Средней Азии и Северного Кавказа, которых царское правительство не допускало в армию. Во всех концах нашей необъятной страны поднялся народ на справедливую, Отечественную войну против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции, на защиту свободы и независимости родины, на защиту своих революционных завоеваний. В рядах Красной Армии плечом к плечу сражались представители разных народов нашей страны, проявляя чудеса мужества и героизма в борьбе с врагами. Русские — Фрунзе и Чапаев, Ворошилов и Будённый, украинцы — Щорс и Пархоменко, казах Амангельды Иманов, бессарабец Котовский, грузин Киквидзе, чеченец Асланбек Шерипов, дагестанец Улуби Буйнакский, серб Олеко Дундич и многие другие герои гражданской войны во главе с Лениным и Сталиным укрепляли Красную Армию как армию дружбы народов.

За короткий срок благодаря гигантской работе, проделанной большевистской партией, Красная Армия превратилась в могучую силу. В течение трёх лет (1918—1921) в упорных и ожесточённых боях Красная Армия при поддержке всего народа отстояла свободу и независимость нашей советской родины, отстояла право народов нашей страны строить свою жизнь так, как учили Ленин и Сталин.

Победоносно окончив гражданскую войну, советское государство получило возможность приступить к мирному созидательному труду. За годы мирного строительства наша родина превратилась в могучую социалистическую индустриально-колхозную державу, производящую собственными силами всё необходимое для народного хозяйства и современной обороны страны.

Вместе с ростом материального благосостояния происходил мощный подъём культурного уровня народных масс. Выросли многочисленные кадры, овладевшие техникой; создались кадры народной, социалистической интеллигенции. Особенно бурный подъём культуры произошёл в национальных республиках.

Все эти обстоятельства послужили благоприятными условиями для дальнейшего укрепления Красной Армии. Красная Армия получила на вооружение самое совершенное оружие: самолёты, танки, артиллерию и т. д., и в таком количестве, которое было необходимо. В Красную Армию пришли грамотные, культурные люди, которые за короткий срок осваивали военную технику и овладевали военным делом. Создалась предпосылка для более широкого привлечения в ряды Красной Армии населения районов СССР, в которых в старое время призыв в армию не производился. «В нашем законодательстве,— говорил тов. Молотов на X сессии Верховного Совета СССР,— разумеется, нет правовых ограничений по призыву в армию для тех или других национальностей. Но должно было пройти известное время, чтобы сделать возможным фактическое осуществление призывов в Красную Армию во всех частях Советского Союза».

Была проделана большая работа по внутренней перестройке и боевой подготовке Красной Армии. Переход к кадровому принципу комплектования армии вместо милиционно-территориального, введение воинских званий, усиленная подготовка и переподготовка командного состава, обучение красноармейцев военному делу в условиях, максимально приближённых к условиям действительного боя,— всё это превратило нашу Красную Армию в одну из сильнейших армий мира. Народы нашей страны никогда не забывали о возможных посягательствах чужеземных захватчиков и неустанно заботились об укреплении мощи Красной Армии.

Плоть от плоти, кровь от крови народов СССР, Красная Армия воспитывалась в духе равноправия всех народов и рас, в духе уважения к правам других народов, в духе любви и преданности советской родине, большевистской партии и вождю народов товарищу Сталину.

В течение двух десятилетий Красная Армия охраняла мирный созидательный труд советского народа, а когда коварный враг—фашистская Германия — вероломно напал на нашу страну, Красная Армия грудью встала на защиту нашей отчизны, доказав в боях свою преданность родине, неразрывную связь со своим народом.

Начиная войну против СССР, Гитлер и его сообщники рассчитывали «на непрочность советского строя, непрочность советского тыла, полагая, что после первого же серьёзного удара и первых неудач Красной Армии откроются конфликты между рабочими и крестьянами, начнётся драчка между народами СССР, пойдут восстания и страна распадётся на составные части, что должно облегчить продвижение немецких захватчиков вплоть до Урала» (С т а л и н).

Ход Отечественной войны опрокинул все расчёты гитлеровцев. Советский Союз несмотря на временную утрату в начале войны значительной части своей территории, несмотря на ряд тяжёлых испытаний выдержал натиск бронированной немецкой машины, и не только выдержал, но, отмобилизовавшись, развернул свои силы и нанёс гитлеровской Германии ряд сокрушительных ударов. Битва под Москвой, сталинградское побоище, курская битва, широкие наступательные операции летом и осенью 1943 г., выход Красной Армии на правый берег Днепра и крупнейшие победы на Правобережной Украине, освобождение Ленинграда от блокады, боевые операции по окружению и уничтожению крупных частей вражеских войск, «новый Сталинград», который советские войска устроили немцам в районе Корсунь-Шевченковский, ярко свидетельствуют о прочности советского строя и дружбы народов СССР, о несокрушимой силе и мощи советского государства и его Красной Армии. В беспримерных в истории войн кампаниях 1942—1943 гг. Красная Армия прошла на запад местами до 1700 километров, очистив от врага почти 94 захваченной им советской земли.

Чувство дружбы и боевого единства народов глубоко внедрилось в сердце каждого воина Красной Армии. Воин каждой национальности СССР глубоко сознаёт, что его народ не устоял бы один в тяжёлой борьбе с подлым врагом, если бы врагу не противостояло могучее содружество народов. Для советских людей любой национальности понятие родины не ограничивается только территорией своего народа. Советские люди совершенно справедливо считают своей родиной весь Советский Союз, а войну с гитлеровской Германией — своим кровным делом: Вот почему все народы Советского Союза поднялись на священную, освободительную, Отечественную войну против немецких захватчиков. Вот почему клич «Смерть немецким оккупантам!» и великий, благородный призыв к бою «За родину, за Сталина!» одинаково победоносно звучат на всех языках и наречиях народов нашей страны.

«Когда мы говорим о Родине, — писал таджикский народ своим сынам-фронтовикам, — перед нашими глазами встают не только полная изобилия долина Вахша, не только абрикосовые и яблоневые сады Ленинабада, не только ушедшие своими вершинами в небо снежные горы Памира. Родина — это зелёные леса и полноводные реки России, плодородные поля Украины, живописные берега Черноморья, овеванные дымкой сказок горы Кавказа и колыбель революции — великий город Ленина... Эту прекрасную, необъятную Родину дала нам Великая Октябрьская социалистическая революция, партия большевиков, наши мудрые вожди Ленин и Сталин. Русские, украинцы, белоруссы, грузины, узбеки, туркмены, казахи, киргизы, таджики — все мы дети этой великой Родины. Наша страна — солнечный Таджикистан — её неотъемлемая часть».

«Нерушимая дружба народов, — сказано в письме казахского народа бойцам-казахам на фронт, — стала у нас основой любви к своей Родине. Теперь казах, глядя на дворцы Ленинграда, на полноводную Неву, на дремучие северные леса, на блеск Чёрного моря, на сопки Дальнего Востока, с полным правом может сказать: «Это моя земля, это моя Родина. И всё моё — ваше, соседи и братья, и всё ваше — моё».

В письмах к фронтовикам народы Советского Союза призывают своих сыновей к стойкости и мужеству, храбрости и героизму в борьбе против алчного врага. «Пока на родной земле находится хоть один немецко-фашистский захватчик, — говорится в письме армянского народа, — наши двери закрыты перед каждым дрогнувшим на фронте армянином. Таких не примет под свой кров даже родная мать».

Узбекский народ пишет своим сынам-фронтовикам: «У тебя есть своя семья. У тебя есть великий дом, именуемый Советский Союз. Будь же лучшим из сыновей своей семьи и лучшим, передовым бойцом в ряду советских народов! Кто в дни войны не выполняет своего долга перед Родиной, подобен убийце своей матери».

Решимостью к победе, беззаветной любовью к родине и ненавистью к врагу звучит письмо азербайджанского народа: «Дружба за дружбу, добро за добро! Честь наша требует от нас: пока не освобождена вся советская земля от ига немецких поработителей, пусть ни один азербайджанец не вложит свой меч в ножны... Человек может терпеть на земле много лишений, но лишиться Родины — это значит лишиться жизни».

Как бы собирательным ответом доблестных воинов всех национальностей, борющихся на фронтах Отечественной войны, является письмо героических защитников Сталинграда товарищу Сталину: «Сыны всех народов нашего многонационального государства в тесной военной семье с одинаковой храбростью, с величайшей ненавистью к врагу защищают Сталинград — город, которым гордится весь советский народ. Мы защищаем его потому, что знаем, какое огромное значение имеет этот город для нашей Родины, для нашей Красной Армии».

Знаменитый бронбойщик Герой Советского Союза украинец Пётр Болото, отразивший со своими тремя товарищами атаку 30 немецких танков, говорил: «Не прошли тогда немецкие танки к Сталинграду, и с тех пор родной мне стал этот город, родной, как Донбасс, как шахта, где я с батькой и братьями работал до войны».

Гвардии красноармеец З. Измайлов в газете «Сталинское знамя» от 23 августа 1943 г. писал: «Я защищал свою Родину. Я водитель «Катюши». Судьба моя сложилась так, что довелось мне воевать за два великих русских города. Сначала за Ленинград, потом за Сталинград. Я татарин. В Сталинграде я стоял насмерть, чтобы война не прорвалась в мою родную Татарию. Шофер соседней машины — украинец. Он воевал в Сталинграде, чтобы скорее придти в родную Украину. Тяжело нам было, но затем радостной была победа. И я теперь всю жизнь с достоинством, с честью буду носить звание защитника Сталинграда».

Дружба народов СССР ещё больше укрепилась в Отечественной войне. Боец Саарар Бердеев из Туркмении, геройски погибший под Сталинградом, говорил своему другу-сталинградцу:

«Руденко, я твой город защищаю, а это значит, мы вместе с тобой Ашхабад отстаиваем».

В пламени Отечественной войны каждый народ выдвинул своих героев, славными боевыми делами, мужеством, героизмом, доблестью и отвагой которых гордится вся наша страна.

Свыше полутора миллиона бойцов, офицеров и генералов награждены орденами и медалями за мужество и героизм, проявленные в борьбе против немецких захватчиков. За время Отечественной войны звание Героя Советского Союза присвоено 3617 бойцам и офицерам Красной Армии. Среди них 11 человек, получивших дважды звание Героя Советского Союза.

В боях за родину массовый героизм проявляют воины всех национальностей нашей необъятной страны. По данным на 1 января 1944 г., среди награждённых насчитывается русских 1 053 162, украинцев 219 241, белоруссов 37 036, грузин 8562, армян 9614, азербайджанцев 4644, узбеков 9812, казахов 15 571, киргизов 1554, таджиков 1198, туркмен 1170, литовцев 1069, латышей 1678, эстонцев 1353, евреев 32 067, татар 27 449, башкиров 4750, удмуртов 2996, марийцев 2678, осетин 2527, коми 2182, бурят 1058, кабардинцев 587, лезгин 508, черкесов 316, хакасов 313, чеченцев 297, аварцев 284, адыгейцев 278, якутов 258, абхазцев 250, карачаевцев 218, алтайцев 131, лаков 112, нанайцев 89, даргиллов 89, чехов 52, ассирийцев 37, монголов 31, остяков 29, курдов 27. В числе награждённых имеются аджарцы, ойроты, ненцы, эвенки, нагайбаки, вогулы, манси и воины многих других национальностей.

Среди воинов, которым присвоено звание Героя Советского Союза, есть представители всех народов СССР: русский Сафонов, украинец Бритько, армянин Нельсон Степанян, белорусс Гастелло, грузин Михаил Гахокидзе, башкир Арасланов, латыш Янис Вильгельмс, эстонец Мери, узбек Качкар Ахмет Дурдиев, осетин Хазимурда Мильдзихов, еврей Горелик и многие другие.

За проявленное геройство при форсировании Днепра и удержание плацдармов на правом берегу Днепра получили звание Героя Советского Союза 1872 рядовых, офицеров и генералов. Среди награждённых — большое количество бойцов и офицеров нерусской национальности. По данным о 900 бойцах и офицерах Красной Армии, которым присвоено звание Героя Советского Союза, русских—607, украинцев—181, белоруссов — 22, татар — 9, казахов — 8, грузин — 4, армян — 6, чувашей — 6, латышей — 2, осетин — 3, азербайджанцев — 2, туркмен — 3, эстонцев — 2, узбеков — 2, абхазцев — 2 и 15 представителей других национальностей. Эти данные ярко свидетельствуют о том, что воины всех национальностей научились воевать так, как учит товарищ Сталин.

В ходе Отечественной войны из среды бойцов разных национальностей выросли сотни тысяч опытных воинов, хорошо знающих военную технику и умеющих применять её в бою. Они стали мастерами своего дела — отличными лётчиками, артиллеристами, пулемётчиками, снайперами, танкистами, кавалеристами, разведчиками.

Образцы воинского мастерства показывают не только отдельные воины из среды народов СССР, но и целые национальные подразделения, части, соединения. Под Москвой умело громил вражеские полчища бронепоезд майора Джахиева, в личный состав которого входили главным образом грузины. 316-я стрелковая дивизия имени Панфилова, сформированная из сынов Казахстана и Киргизии, одной из первых получила звание гвардейской, а также была награждена орденом Красного знамени. Молодая дивизия мужественно и умело защищала советскую столицу Москву и хорошо проявила себя во всех последующих наступательных операциях. 238-я стрелковая дивизия, сформированная в Семипалатинской области (Казахстан), нанесла сокрушительные удары по врагу в боях за Москву и Тулу и также была преобразована в гвардейскую. Славный путь прошла латышская дивизия. Она мужественно дралась под Москвой. В боях под Старой Руссой, у Демянского плацдарма, под Новосokolьниками латышские воины показали образцы героизма и стойкости. Более 3 тыс. бойцов и офицеров дивизии награждены орденами и медалями. Осенью 1942 г. дивизии присвоено звание гвардейской.

В боях за Сталинград прославилась 51-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Н. Т. Таварткиладзе, сформированная в Баку. Она стойко отражала натиск врага, рвавшегося к Волге, а когда началось наше наступление, искусно наносила немецким полчищам удар за ударом, перерезала вражеские коммуникации, окружала и истребляла немецкие гарнизоны и захватила огромное количество техники, военных складов и тысячи пленных. Эта дивизия была награждена орденом Ленина. В боях за города Таганрог и Мариуполь отличилась 416-я стрелковая дивизия, состоящая из азербайджанцев. Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина эта дивизия отныне именуется 416-й Таганрогской стрелковой дивизией. Указом Президиума Верховного Совета СССР она награждена орденом Красного знамени. Свыше 1½ тыс. бойцов и командиров этой дивизии награждены орденами и медалями. Башкирская кавалерийская дивизия за умелые и мужественные действия в боях с немецкими захватчиками удостоилась высокого звания гвардейской, а её командир Миндали Шаймуратов получил звание генерал-майора.

Рост национальных офицерских кадров в ожесточённых сражениях в дни Великой отечественной войны идёт особенно быстро. «Если в царскую армию,— говорил на X сессии Верховного Совета СССР депутат П. К. Пономаренко,— дореволюционная Белоруссия поставляла только неграмотных и малограмотных новобранцев, то сейчас на фронтах Великой отечественной войны сражается несколько тысяч офицеров-белоруссов, четыре адмирала и сто пятьдесят семь генералов — сынов белорусского народа. Ясно, что до революции белорусский народ не мог об этом и мечтать».

Многие национальности дали Красной Армии замечательных генералов. Из среды белоруссов вышли генерал-майор Доватор, генерал-полковник артиллерии Камера, генерал-лейтенант Галицкий, генерал-майоры Пагуда, Добровольский и др. Замечательных военачальников дал Красной Армии украинский народ. Всем известны имена таких генералов-украинцев, как генерал-полковник Москаленко, генерал-лейтенант Лелюшенко, гвардии генерал-полковник Рыбалко, Герои Советского Союза гвардии генерал-лейтенант танковых войск Кравченко, командующий гвардейским соединением кубанских казаков генерал-полковник Кириченко и многие другие.

Плеяду опытных военачальников выдвинул татарский народ: Героя Советского Союза генерал-майора Сафиулина, генерал-майоров Ганышева, Абсалямова, Ибрагимова, Максудова, генерал-майора авиации Рамазанова.

Грузинский народ дал Красной Армии таких генералов, как генерал-полковник Леселидзе, гвардии генерал-лейтенант Чанбадзе, генерал-майоры Микеладзе, Джахуа, Купарадзе, Мжаванадзе и другие. Армянин Казарьян до войны командовал полком и имел звание майора. С тех пор он прошёл славный путь боёв в степях Украины, в Брянских лесах, у стен Сталинграда, в излучине Дона. Теперь он генерал-майор, герой битвы за Днепр. Генерал-майор Мартиросьян сражался во главе своего соединения за Тулу, Калугу, Юхнов, а затем за Украину. Его части первыми ворвались в Харьков. Баграмян в 1941 г. был полковник, теперь он генерал армии, командующий фронтом, успешно осуществляющий планы Верховного Главнокомандования.

Народы, не имевшие права до революции держать в руках оружие, имеют теперь своих офицеров и генералов. Узбеку Сабиру Рахимову присвоено звание генерал-майора. Подполковники Уразов и Искендеров, майоры Нуратдинов, Хасанов, Умаров, Закиров, Махмудов и другие командуют частями и работают в штабах соединений.

В ходе Отечественной войны Красная Армия стала кадровой армией. Бойцы и командиры полностью овладели сложной военной техникой и искусством ведения современной войны. Они стали действительными мастерами своего дела. Значительно возросло также мастерство воинов братских республик. «Конечно, приучить население национальных республик и областей к войне, к оружию, к строю было нелёгкой задачей. С этой задачей могла справиться только советская власть» (К а л и н и н.) Эти факты и явились теми предпосылками, на основе которых X сессия Верховного Совета СССР приняла историческое решение о создании формирований Красной Армии в союзных республиках. «Теперь положение изменилось к лучшему,— говорил на сессии тов. Молотов.— Создались достаточные возможности для войсковых формирований в союзных республиках. Во всех республиках имеются не только кадры рядовых бойцов, но и известные кадры командного состава, могущего руководить соответствующими войсковыми частями. Таким образом, теперь образование войсковых формирований в союзных республиках может быть поставлено на твёрдые ноги». Несомненно, проведение в жизнь этого замечательного решения будет содействовать дальнейшему укреплению и росту боевой мощи Красной Армии.

«Создание новых войсковых формирований в союзных республиках, подготовленное боевым содружеством народов СССР в Отечественной войне и всей историей нашего государства, ещё более укрепит Красную Армию и вольёт в её ряды новые, боевые силы» (С т а л и н).

Великие и славные победы, которые одерживает наша Красная Армия,— заслуга наших бойцов всех национальностей; во главе с братским русским народом все народы СССР, руководимые великой партией Ленина — Сталина, героически сражаются на фронте и самоотверженно работают в тылу.

«Руководящей и направляющей силой советского народа как в годы мирного строительства, так и в дни войны явилась партия Ленина, партия большевиков. Ни одна партия не имела и не имеет такого авторитета среди народных масс, как наша большевистская партия. И это понятно. Под руководством партии большевиков рабочие, крестьяне и интеллигенция нашей страны завоевали себе свободу и построили социалистическое общество. В дни Отечественной войны партия предстала перед нами, как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фа-

шистских захватчиков. Организаторская работа партии соединила воедино и направила к общей цели все усилия советских людей, подчинив все наши силы и средства делу разгрома врага. За время войны партия ещё более сроднилась с народом, ещё теснее связалась с широкими массами трудящихся» (С т а л и н).

Великими и славными победами Красной Армии народы Советского Союза обязаны прежде всего мудрому руководству товарища Сталина. Имя Сталина как победоносное знамя реет над полками Красной Армии, вдохновляет их на новые подвиги. Товарищ Сталин следит за каждым шагом движения наших войск и указывает им путь к победе. Товарищ Сталин призывает советских людей и Красную Армию не успокаиваться на достигнутом, не упиваться своими успехами: «Победу можно учуствовать, если в наших рядах появится самоуспокоение».

Враг терпит поражение за поражением, но он ещё не разбит. Гитлеровцы, видя приближение своей гибели и неизбежность возмездия за все совершённые ими чудовищные злодеяния, сопротивляются с яростью обречённых. «Не было ещё в истории войн случая, — говорится в приказе Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, — чтобы враг сам прыгнул в пропасть. Чтобы выиграть войну, нужно подвести противника к пропасти и столкнуть его туда. Только неуклонно нарастающие в своей силе сокрушительные удары могут сломить сопротивление врага и привести нас к окончательной победе». Вот почему к новому напряжению сил на фронте и в тылу во имя окончательной победы над врагом призывает всех советских людей товарищ Сталин. Сталинский призыв — это призыв родины. На этот призыв новым трудовым подъёмом отвечает многонациональный советский народ, новыми боевыми успехами отвечает Красная Армия — армия боевого единства и дружбы народов СССР.

СТАТЬИ

ЛЕНИН И СТАЛИН В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Т. Горбунов,
секретарь ЦК КП(б)Б

В январе 1944 г. исполнилось 25 лет со дня образования Белорусской Советской Социалистической Республики.

Великие вожди народов Ленин и Сталин — творцы советского государства — явились создателями государственности белорусского народа. Образование Белорусской ССР и расцвет Белоруссии стали возможными только благодаря Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., свергнувшей власть капиталистов и помещиков России, уничтожившей национальный гнёт и неравенство, превратившей бывшую «тюрьму народов» в могучий союз трудящихся всех национальностей.

С партией большевиков и именами её вождей — Ленина и Сталина — связаны все важнейшие этапы борьбы белорусского народа за своё освобождение. Ленин и Сталин непосредственно руководили партийными организациями большевиков в Белоруссии и в период Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., и во время образования БССР и КП(б)Б, и в дни героической борьбы за освобождение Белоруссии от немецкой и белопольской оккупации. Благодаря партии Ленина—Сталина Белоруссия стала одной из прекраснейших республик великого Союза Советских Социалистических Республик, равноправной и независимой.

С очищением территории Белоруссии от немецких оккупантов со всей остротой встал вопрос о создании Белорусской Советской Социалистической Республики. Инициатива постановления и быстрого разрешения этого вопроса исходила от товарища Сталина.

15 декабря 1918 г. товарищ Сталин в статье «С Востока свет» писал: «Медленно, но неудержимо катится волна освобождения с Востока на Запад, в оккупированные области. Медленно, но также неудержимо отступают в область небытия «новые» буржуазно-республиканские «правительства» Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, уступая место власти рабочих и крестьян»¹.

И далее в этой же статье товарищ Сталин говорит: «Советская Россия никогда не смотрела на западные области, как на свои владения; она всегда считала, что области эти составляют неотъемлемое владение трудовых масс, населяющих их национальностей, что эти трудовые массы имеют

полное право свободного определения своей политической судьбы»².

24 декабря 1918 г. товарищ Сталин вызвал к прямому проводу председателя областного комитета РКП(б) Западной области тов. Мясникова и сообщил ему решение ЦК РКП(б) о создании Белорусской Советской Социалистической Республики. Для более подробных переговоров товарищ Сталин вызвал тов. Мясникова в Москву на совещание. На этом совещании были обсуждены предложенные по поручению ЦК РКП(б) товарищем Сталиным шесть условий, которые и были положены в основу образования БССР. Эти условия предусматривали количественный состав правительства, определили территорию БССР, причём вопрос о включении в состав БССР Смоленской губернии был передан на решение мест, т. е. давалась полная возможность самоопределения граничащих с РСФСР территорий. Остальные три пункта касались вопросов, связанных с созданием Центрального бюро коммунистической партии (большевиков) Белоруссии и др.

Товарищ Сталин просмотрел текст манифеста Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии и внёс в него ряд существеннейших поправок.

В проекте манифеста было написано: «Трудящиеся, крестьяне и рабочие всех национальностей, которые живут на территории Белоруссии...» Товарищ Сталин сделал следующую перестановку первых трёх слов: «Рабочие, крестьяне и трудящиеся». Эта поправка кардинально меняла установку всего манифеста.

29 декабря, отправляя членов Временного белорусского правительства в Смоленск, товарищ Сталин писал тов. Мясникову: «Сегодня выезжают в Смоленск белорусы. Везут с собой манифест. Просьба ЦК партии и Ленина принять их как младших братьев, может быть ещё неопытных, но готовых отдать свою жизнь партийной советской работе»³.

В этом же письме товарищ Сталин указал на изменения, которые следовало внести в список членов правительства БССР, и предложил провести прокламирование правительства в Минске.

25 декабря 1918 г. в Москве был созван Всероссийский съезд белорусских секций

¹ Газета «Жизнь национальностей» от 15 декабря 1918 года.

² Там же.

³ Белорусский партийный архив, ф. 2037, д. № 1386, л. 1.

РКП(б). На этом съезде товарищ Сталин от имени и по поручению ЦК РКП(б) поставил вопрос о необходимости образования Белорусской Советской Социалистической Республики.

Для проведения в жизнь решения ЦК РКП(б) об образовании БССР 30—31 декабря 1918 г. в Смоленске была созвана VI северозападная областная конференция РКП(б), конstituировавшая себя I съездом коммунистической партии большевиков Белоруссии.

В день открытия съезда тов. Свердлов сообщил в областной комитет о том, что в Белоруссию выезжает товарищ Сталин. Но осложнения в районе Перми не дали возможности товарищу Сталину приехать на съезд. Товарищ Сталин 2 января 1919 г. телеграфировал тов. Мясникову: «Ввиду катастрофического положения фронта в районе Перми мне предложено ЦК партии и Советом Обороны срочно выехать туда для расследования и принятия мер на месте тоже срочным порядком. Имея ввиду, что положение у нас всё же улучшилось, я откладываю свою поездку в Минск дней на 10. Когда я возвращусь с поездки через 10 дней буду у вас. Ведите себя смиренно и не деритесь, а то будет плохо. Белорусское Правительство получает директивы непосредственно от ЦК партии через Мясникова, как представителя последнего. По поручению ЦК желаю успеха. По сообщению Гомель взят нами, Харьков берём. До свидания. Сталин»¹.

I съезд постановил образовать Белорусскую социалистическую республику и определить её границы. Съезд обратился с воззванием к рабочим, батракам, крестьянам и солдатам Красной Армии БССР, в котором сообщал о принятии этого решения и призывал рабочих и крестьян дружно встать на защиту власти советов.

В адрес ЦК РКП(б) была отправлена следующая телеграмма: «Шестая Северозападная областная конференция РКП... приняв постановление необходимости выделения Белоруссии в самостоятельную рабоче-крестьянскую советскую республику, объявила себя первым съездом коммунистической партии большевиков Белорусской республики, на что просит вашей санкции. Объявляя коммунистическую партию Белорусской республики, съезд подтверждает свою неразрывную, идейную, тактическую и организационную связь с РКП, создавшуюся долгими годами совместной работы»².

2 февраля 1919 г. в столице БССР — Минске — открылся I съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Белоруссии; из 230 делегатов съезда 213 состояли в рядах партии большевиков. На съезде выступил с приветствием от имени ВЦИК Я. М. Свердлов. Он объявил решение ВЦИК о признании независимости БССР: «Исходя из принципа полного и действительного самоопределения трудящихся масс всех стран. Президиум Всероссийского Центрального

Исполнительного Комитета признаёт независимость Белорусской Социалистической Советской Республики. Президиум ВЦИК ещё раз подтверждает, что факт принадлежности Белоруссии, как и других находящихся в том же положении стран, к старой царской империи не налагает на неё никаких обязательств, высказывая при этом твёрдую уверенность, что только теперь, на почве признания полной свободы самоопределения и перехода власти в руки рабочего класса, создаётся добровольный и нерушимый союз трудящихся всех наций, населяющих территорию бывшей Российской империи. Президиум ВЦИК приветствует намечающиеся объединения трудящихся масс Белоруссии с трудовым народом Литвы, тесно связанным с ними своим прошлым и экономическими условиями своего существования. Президиум ВЦИК заявляет о готовности РСФСР оказать всяческую помощь и поддержку трудящимся массам Белоруссии в их борьбе против господства эксплуатации и угнетения и в защите их свободы и независимости от попыток иностранных завоеваний»³.

Первый белорусский съезд советов постановил начать переговоры с РСФСР об установлении тесной федеративной связи. Это решение свидетельствовало о незыблемой дружбе белорусского и русского народов, демонстрировало огромное политическое влияние большевистской партии на широкие народные массы Белоруссии и являлось необходимым этапом в дальнейшем укреплении Советской Белоруссии.

Но мирный творческий труд рабочих и крестьян был прерван нашествием белополяков весной 1919 года. Польские паны являлись вековыми злейшими врагами рабочих и крестьян Белоруссии. Владея сотнями имений и лучшими землями, польские помещики жестоко эксплуатировали белорусский народ.

До Октябрьской социалистической революции польские помещики владели в Минской, Витебской и Полесской губерниях 50%, в Могилёвской — 35%, на Украине, в Волынской и Киевской губерниях — около 50% всей крупной земельной собственности. Гораздо большим количеством земель и имений они владели в западных областях Белоруссии.

20 февраля 1919 г. белополяки оккупировали Белосток, а затем захватили Гродно, Лиду, Новогрудок, Барановичи. Коммунистическая партия большевиков мобилизовала все силы на борьбу против оккупантов. Был создан Совет обороны. Не было ни одного города, местечка, села, где бы не проводилась мобилизация лучших людей на защиту родины.

Ленин и Сталин неустанно следили за героической борьбой белорусского народа против польских оккупантов и принимали все меры для оказания помощи Белорусской советской республике.

Летом 1919 г. создалось исключительно тяжёлое положение со снабжением продо-

¹ Записка № 125 от 2 января 1919 года.

² Архив Октябрьской революции, ф. 1235, оп. 52, арх. 315, л. 210. 1918.

³ «Известия ВЦИК» № 26 от 5 февраля 1919 года.

вольствием городов и армий западного фронта. Ленин в телеграмме от 3 июня дал указание наркомпроду Украины об обеспечении продовольствием Белоруссии: «Наряды для белитармии (для белорусско-литовской армии) и вообще Наркомпрод литбел (Наркомпрод Белорусско-Литовской республики) Минск очень прошу не задерживать и направлять по назначению [в] Минск, всячески ускорять»¹.

1 июня ВЦИК издал декрет о военном союзе советских республик России, Украины, Литвы и Белоруссии для борьбы с международным империализмом. Учитывая серьёзную обстановку на западном фронте, ЦК РКП(б) дал указание Могилёвскому и Смоленскому губкомам партии приостановить отправку мобилизованных на восточный фронт и провести дополнительную 50-процентную партийную мобилизацию для западного фронта.

Центральный Комитет партии, учитывая, что на западном фронте недостаёт руководящих кадров, направил в Белоруссию и на западный фронт виднейших деятелей партии и советского правительства.

Неоценимую помощь белорусскому народу в борьбе с белополяками оказал ближайший соратник Ленина и Сталина — Михаил Иванович Калинин. Он приехал в Белоруссию в июне 1919 г. с агитпоездом «Октябрьская революция», чтобы помочь партийным и советским органам практически осуществить декрет ВЦИК «Об объединении Советских республик России для борьбы с мировым империализмом», для мобилизации белорусского народа на борьбу против белополяков. М. И. Калинин выступал в Минске, Витебске, Гомеле, Могилёве, Бобруйске, Орше, Жлобине и во многих волостных центрах, местечках, деревнях, а также в воинских частях. Выступления председателя ВЦИК вызвали революционный подъём и вдохновляли трудящихся Белоруссии на борьбу против интервентов.

Пользуясь тем, что главные силы Красной Армии были брошены против Колчака, Деникина и Юденича, панская Польша по указке империалистов Антанты повела бешеную борьбу против БССР. Белополяки полукольцом сжимали столицу Белоруссии — Минск.

В этот исключительно тяжёлый для белорусского народа период, летом 1919 г., ленинский ЦК большевистской партии направил на западный фронт товарища Сталина.

До приезда товарища Сталина среди воинских частей западного фронта существовала невероятная неразбериха. В дислокации частей обнаружилась большая путаница: части одной дивизии оказывались перемешанными с частями другой, иногда части одной армии оказывались в другой. Моральное состояние отдельных частей было неудовлетворительным. Командный состав некоторых частей и армий прифронтовой полосы был засорён классово чуждыми и враждебными элементами.

Вникая во все детали, товарищ Сталин

¹ Ленинский сборник XXIV, стр. 126.

быстро навёл революционный порядок. Штаб западного фронта был переведён из Старой Руссы в Смоленск. На первом же заседании Реввоенсовета были заслушаны доклады командующего западным фронтом и начальника штаба о положении дел на фронте.

Бывший начальник штаба западного фронта в своих воспоминаниях рассказывает о первом заседании Реввоенсовета под руководством товарища Сталина: «Это первое заседание Реввоенсовета, которое проходило в самой простой обстановке в одной из пустых комнат штаба фронта (гостиница в Смоленске), нельзя было рассматривать как обычное заседание Реввоенсовета, на котором председательствует командующий. Это был скорее очередной доклад начальника штаба Реввоенсовету. Руководил заседанием непосредственно товарищ Сталин, который и задавал вопросы как командующему, так и мне, причём эти вопросы и форма их носили характер, близкий к допросу: «Почему и что происходит»...

Первыми же вопросами, заданными командующему и мне о причинах неурядиц, которые существовали на фронте, а затем выводами, которые он сделал, — товарищ Сталин сразу же поразил меня знанием основ военного дела, способностью быстро ориентироваться и находить причины причин. То, чего не удавалось добиться штабу фронта у командующего фронтом в течение многих недель, было тут же разрешено и проведено в жизнь»².

После первого заседания Реввоенсовета товарищ Сталин отстранил командующего западным фронтом, бывшего генерала царской армии Надёжного, которого справедливо называли «Безнадёжным», и сменил ряд лиц командного и руководящего состава западного фронта.

По предложению товарища Сталина Реввоенсовет создал Управление формирования запасных войск западного фронта (Упроформ). На него была возложена задача — в двухнедельный срок сформировать резервные части и укомплектовать пограничные полки до штатов Реввоенсовета республики.

Отзывая части западного фронта в тыл на переформирование, товарищ Сталин лично выезжал на места для осмотра состояния войск. Он обращал внимание командного и руководящего состава западного фронта на классовый состав Красной Армии и на боевую подготовку.

Бывший начальник Упроформа в своих воспоминаниях пишет, что перед отправкой на фронт одного из полков тов. Орджоникидзе заметил нездоровые настроения у бойцов, о чём и сообщил товарищу Сталину. «Вызвав меня, товарищ Сталин указал, что на фронт нельзя отправлять полк, среди которого имеются классово чуждые люди. Нужно во время работы над полком, во время его формирования надлежащее место уделить проверке и изъятию неблагонадёжных людей и помнить, что мы формируем не просто армию, а классовую армию, пред-

² Партакхив ЦК КП(б)Б, ф. 50, оп. 1, д. № 332.

назначенную для классовых боёв за рабочее дело, за советскую власть»¹.

В телеграмме от 11 августа 1919 г. товарищ Сталин от имени Реввоенсовета категорически потребовал от командармов 7-й, 15-й и 16-й армий, чтобы они приняли решительные меры к укомплектованию частей крепким пополнением и к очищению их от враждебных и нездоровых элементов; чтобы формируемые и переформируемые части были подготовлены политически, дисциплинированы и владели военным делом. Для выполнения этих задач, по прямому указанию товарища Сталина, в запасных частях наряду с военной подготовкой была широко развёрнута политическая и партийная работа. Товарищ Сталин предложил комплектовать маршевые роты для действующих частей только из вполне подготовленных и обученных людей.

Товарищ Сталин разработал стратегические планы борьбы с белополяками оккупантами и лично руководил операциями западного фронта. Он воспитывал, сличивал и вдохновлял красноармейцев, командиров и политработников на решительную борьбу против интервентов.

В своих воспоминаниях бывший комиссар Западной стрелковой дивизии рассказывает: «Товарищ Сталин, будучи членом Реввоенсовета республики, а также членом Реввоенсовета западного фронта, часто проезжал территорию, которую занимала Западная стрелковая дивизия. Товарищ Сталин не удовлетворялся данной ему информацией. Он непосредственно проверял как работу укреплений, так и расположение и дислокацию войск, интересовался и снаряжением и продовольствием армии, а главное внимание обращал на политико-моральное состояние частей. Последний раз товарищ Сталин был в Минске и на фронте, когда началось сильное наступление поляков. Это было 17 июля 1919 года. Товарищ Сталин был душой армейских работников, и его ценнейшие советы помогали нам в трудной обстановке»².

Когда белополяки полукольцом сжимали столицу Советской Белоруссии, товарищи Сталин и Орджоникидзе приехали в Минск для непосредственного руководства обороной города. Враг наступал на Минск со стороны Лиды, Молодечно и Барановичей. В этот раз товарищ Сталин пробыл в Минске четыре—пять дней. В городе и в прифронтовой полосе в это время подняла голову контрреволюция. В отдельных частях армии наблюдались растерянность и неустойчивость в результате проникновения польских шпионов и контрреволюционеров. Командование намеревалось сдать Минск белополякам без боя, доказывая, что этим самым будет «выравнена и упрочена линия фронта».

Предложение о сдаче Минска белополякам без боя товарищ Сталин признал неприемлемым, грозящим изменой делу рабочего класса. Он выработал новый стратегический план обороны города. По предло-

жению товарища Сталина, для обороны Минска были переброшены части 2-й бригады 5-й дивизии, артиллерийские бригады и полки из 17-й дивизии. Впервые на западном фронте появились белорусские кавалерийские эскадроны, организованные товарищем Сталиным; для обороны Минска были доставлены наши первые разведывательные самолёты.

По предложению товарища Сталина, из числа проверенных большевиков были выделены 50—60 человек, которым была поручена работа по очищению прифронтовой полосы от классово чуждых и враждебных элементов и по укреплению частей армии. В помощь этим товарищам были выделены вооружённые силы ЧК в составе 500 человек. Прифронтовая полоса была разбита на секторы. В каждый сектор посылали двух—трёх уполномоченных, а в тех случаях, когда возникала необходимость, им в помощь высылали вооружённую силу.

Благодаря решительным мерам, принятым товарищем Сталиным, город Минск и вся прифронтовая полоса были очищены от банд и превращены в мощный укрепленный район.

Для укрепления западного фронта и мобилизации сил на борьбу с белополяками ЦК большевистской партии направил в помощь товарищу Сталину его ближайшего соратника — тов. Орджоникидзе. Тов. Орджоникидзе прибыл на западный фронт в середине июля 1919 г. и был назначен членом Реввоенсовета. Он провёл большую работу по организации обороны Белоруссии от белополяков, укрепил политико-моральное состояние частей Красной Армии, создал новые военные части. Руководя боевыми операциями, он своим личным примером и мужеством вдохновлял бойцов и командиров.

По призыву товарища Сталина трудящиеся Белоруссии под руководством большевистской партии выступили на защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. Планы командования белополяков о молниеносном захвате Минска провалились.

Лучшие сыны белорусского народа, сражаясь вместе с русским народом, показали образцы мужества и героизма в борьбе с белополяками. В течение ста дней со времени захвата Вильно Красная Армия героически защищала подступы к Минску. На подступах к Минску, между Молодечно и Минском, бои продолжались пять недель.

Партия большевиков приняла все меры для обороны Белоруссии, и в частности Минска, от белополяков, но для разгрома вооружённых до зубов войск противника сил оказалось недостаточно. Ведя упорные бои, Красная Армия вынуждена была отступить. 8 августа 1919 г. белополяки захватили Минск.

Сразу же после того как белополяки заняли Минск, тов. Орджоникидзе в оперативном августовском приказе Реввоенсовета № 155 дал развёрнутый план укрепления Полоцкого и Бобруйского направлений. В этом приказе определены место и положение каждой части Красной Армии на новых рубе-

¹ Партагив ЦК КП(б)Б. ф. 60, оп. 1, д. № 332.

² Там же.

жах обороны и установлены между дивизиями разграничительные линии фронта.

Приказом по западному фронту от 13 августа все суда на Припяти, выполнявшие оперативные задания 8-й стрелковой дивизии, были объединены в одну боевую флотилию под командованием военного моряка Пашкина. Эта флотилия сыграла большую роль в боях против белополяков в 1919 и 1920 годах.

Когда полчища Деникина стали активно развивать военные действия на юге и продвигаться в глубь страны, белополяки начали лихорадочно готовиться к наступлению на западе. В начале сентября польские части переправились через Березину в районе Бобруйска и начали наступление на Рогачёв, Жлобин и Речицу в обход Мозырского укрепленного района; создалась угроза Гомельскому железнодорожному узлу.

В телеграмме командармам армий от 4 сентября 1919 г. товарищ Сталин поставил задачу — не допустить белополяков к Гомелю — и наметил конкретный план военных действий с целью нанести противнику сокрушительный удар в Бобруйском районе. 16-й армии с частями 8-й стрелковой дивизии и с полками 52-й дивизии товарищ Сталин предложил задержать дальнейшее продвижение белополяков по линии реки Друть до деревни Веричев, местечка Тихмеец, по высотам левого берега реки Добрыни.

Могилёвское направление товарищ Сталин приказал прикрыть упорной обороной переправ через реку Друть. Для усиления линии фронта он направил 70-ю и 71-ю стрелковые дивизии; начальнику Упроформа было приказано доукомплектовать 462-й и 465-й стрелковые полки, которые стояли в Вязьме, и немедленно перебросить их на Борисовский участок фронта. Командир 53-го пограничного полка получил распоряжение ускорить формирование погранполка в Рославле и к 12 сентября перебросить его на фронт. Товарищ Сталин основной задачей ставил удержать реку Березину.

9 сентября, когда товарищу Сталину стало известно, что на Мозырском направлении оперирует 4-й уланский польский полк, он дал телеграмму командарму 12-й армии: ликвидировать противника и принять все необходимые меры для прикрытия станции Калининичи.

19 сентября 1919 г. товарищ Сталин приказал командарму 16-й армии повести наступление на Бобруйск, вдоль реки Березины, проникая в глубокий тыл противника в районах Глуска и Богушевска.

В телеграмме Главкому от 23 сентября товарищ Сталин категорически возражал против дробления полков и бесцельной переброски частей с одного участка фронта на другой, пока не создана мощная оборона на восточном берегу реки Березины. Товарищ Сталин заявил, что в случае непризнания Главкомом его планов обороны он оставляет за собой свободу действий в создавшихся новых условиях.

Благодаря стратегическому руководству товарища Сталина силы белополяков были подорваны, внутренняя контрреволюция раз-

громлена, боевая мощь армий западного фронта укреплена.

Вдоль реки Березины была создана непреступная линия обороны, преграждавшая продвижение противника в глубь страны. В это время на южном фронте создалось исключительно тяжёлое положение. Армия Деникина, которую вооружила Антанта, перешла в наступление и угрожала столице пролетарской революции — Москве.

ЦК ленинско-сталинской партии отозвал товарищей Сталина и Орджоникидзе с западного фронта и направил их на южный фронт для разгрома белых войск Деникина. В конце сентября 1919 г. товарищ Сталин вместе с группой работников западного фронта отбыл на южный фронт.

Выпестованные товарищем Сталиным, армии западного фронта непоколебимо держали линию обороны вдоль реки Березины. Они готовы были в любое время по призыву партии Ленина — Сталина выступить на борьбу с белопольскими оккупантами. Но в силу угрожающего положения на южном фронте часть армий западного фронта была переброшена на борьбу с главным врагом того времени — Деникиным. Часть территории Белоруссии оказалась временно оккупированной белопольскими интервентами.

Весной 1920 г. Антанта организовала третий поход на Советскую республику, возложив главную роль в этом походе на панскую Польшу.

Товарищ Сталин во время третьего похода Антанты находился на югозападном фронте. Но одновременно он руководил операциями и на западном фронте.

Товарищ Сталин принял непосредственное участие в разработке стратегического плана наступления на западном фронте, дав ряд ценнейших указаний о действиях отдельных частей Красной Армии.

Благодаря руководству товарища Сталина, благодаря тому, что во главе ударного кулака против белополяков, во главе 1-й Конной армии были гг. Ворошилов и Будённый, Красная Армия в 1920 г. не только сорвала планы империалистов, но, опрокинув белополяков, устремилась к Висле.

Руководствуясь стратегическим планом товарища Сталина, части Красной Армии 4 июля перешли в решительное наступление по всему фронту. 1-я Конная армия 5 июня под руководством гг. Ворошилова и Будённого прорвала польский фронт и 7 июня заняла Житомир. Это создало решающий перелом на польском фронте, окончательно опрокинуло расчёты поляков и деморализовало их армии.

Героическое наступление 3-й, 4-й, 15-й и 16-й армий западного фронта заставило белополяков в панике бежать из пределов Белоруссии. 8 июля части Красной Армии заняли город Борисов, а 11 июля, в 14 часов дня, прорвали укрепления белополяков и заняли столицу Белоруссии — Минск. С неопишуемой радостью встречали трудящиеся Белоруссии свою освободительницу — родную непобедимую Красную Армию.

Товарищ Сталин в своём сообщении о встрече Красной Армии населением Бело-

руссии отмечал: «Такого отношения мне не приходилось встречать ни на востоке, ни на юге. Несмотря на бедность крестьянских масс на западе по сравнению с Поволжьем и югом, всё же крестьяне делились последним с красноармейцами... Население прифронтной полосы перенесло всю тяжесть польской оккупации, поэтому прекрасно сознавало, чем грозит ему вторжение польских панов. На нашем фронте имеется целая группа войск, всё санитарное дело которой находится в руках крестьян и крестьянок, проявляющих величайшие заботы и внимание к нашим раненым красноармейцам. Что касается настроения белорусских крестьян за фронтной полосой, то, по нашим сведениям, там происходят сплошные восстания, работают партизанские отряды, разрушающие тыл противника, сжигая склады и истребляя помещиков»¹.

Красная Армия, поддерживаемая всеми трудящимися Белоруссии, нанося сокрушительные удары белопольским войскам, подошла к Львову и Варшаве. Польские войска были накануне полного поражения. И только в результате предательских действий Троцкого и Тухачевского Красная Армия вынуждена была отступить от стен Львова и Варшавы. Но в целом война всё же Польшей была проиграна. Об уроках войны с Польшей Ленин писал в феврале 1921 г.: «Мы из войны вышли победителями... Они (белополяки.— Т. Г.) тут получили урок, и весь мир получил урок, которого никто раньше не ожидал»².

Наступление белополяков было остановлено, и Красная Армия готовилась к нанесению им нового контрудара. Боясь наступления Красной Армии и революционного движения внутри страны, Польша вынуждена была заключить мир с Советской республикой на более невыгодных условиях, чем советское правительство предлагало ей ранее.

20 октября 1920 г. в Риге был подписан мир с Польшей. По Рижскому мирному договору, граница Польши была отодвинута на 100 километров дальше на запад по сравнению с тем, что советское правительство раньше предлагало полякам.

Изгнав белопольских интервентов, белорусский народ под непосредственным руководством Ленина и Сталина восстановил свою государственность и приступил к мирному социалистическому строительству.

Сразу же после освобождения Белоруссии было создано правительство БССР. 1 августа 1920 г. была опубликована «Декларация о независимости Белоруссии», восстановлены все законы советской власти, которые были отменены белопольскими оккупантами.

В войне 1920 г. белопольские оккупанты потерпели поражение. Польские паны вынуждены были отказаться от своих захватнических планов на Востоке. Но под их властью оставались западные области Белоруссии и Украины.

Двадцать долгих лет трудящиеся Запад-

ной Белоруссии томилась под гнетом польских панов и вынашивали одну думу, мечтали одну мечту — уничтожить ненавистную границу, искусственно отделявшую их от единокровных братьев.

И долгожданный час освобождения от рабства настал: в сентябре 1939 г. части Красной Армии по воле всего советского народа освободили трудящихся Западной Белоруссии и Западной Украины от ига польских оккупантов.

Внеочередная V сессия Верховного Совета СССР постановила: «1. Удовлетворить просьбу Народного Собрания Западной Белоруссии и включить Западную Белоруссию в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением её с Белорусской Советской Социалистической Республикой. 2. Поручить Президиуму Верховного Совета назначить день выборов депутатов в Верховный Совет СССР от Западной Белоруссии. 3. Предложить Верховному Совету Белорусской Советской Социалистической Республики принять Западную Белоруссию в состав Белорусской Советской Социалистической Республики».

Внеочередная III сессия Верховного Совета БССР завершила историческое дело воссоединения белорусского народа. Эта сессия явилась ярчайшей демонстрацией единства воссоединённого белорусского народа с народами СССР.

За годы советской власти белорусский народ проделал гигантскую созидательную работу по переустройству своей жизни. Перед Советской Белоруссией открылись широкие перспективы дальнейшего подъёма народного хозяйства и культуры. Быстро росли и богатели новые города, посёлки, новые фабрики, заводы. Промышленность республики по сравнению с 1913 г. увеличилась в 23 раза. Выработка электроэнергии увеличилась в 110 раз. За годы сталинских пятилеток в республике возникли новые отрасли промышленности, создано 10 261 колхоз, объединивший 93,4% крестьянских дворов, обрабатывавших 96,2% всей посевной площади (по восточным областям). Около 200 тыс. крестьянских дворов было переселено с хуторов в колхозные посёлки. В республике насчитывалось 342 машинно-тракторные станции, на колхозных полях работало 9720 тракторов общей мощностью в 349 тыс. лошадиных сил, 1592 комбайна, 3187 тракторных сеялок, 1678 молотилок и много других сельскохозяйственных машин. Посевная площадь республики достигала 7 млн. гектаров. С каждым годом росло поголовье скота в колхозах и у колхозников. Только за три последних предвоенных года количество лошадей в колхозах увеличилось на 39,8%, коров — на 95,4% и овец — на 145%.

С каждым годом улучшалось благосостояние трудящихся города и деревни. Трудолюбивый белорусский народ, не жалея сил, строил своё государство. Весной 1941 г. в Белоруссии началось широкое народное движение за осушение и освоение 5 млн. гектаров заболоченных земель. Это открывало огромные перспективы хозяйственного подъёма республики.

¹ Ворошилов К. Сталин и Красная Армия, стр. 148—149. М. 1937.

² Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 180.

Пышным цветом расцветали в Белоруссии национальная культура, искусство, литература. В республике было 26 высших и 95 средних технических учебных заведений, 13 тыс. начальных, неполных средних и средних школ, в которых обучалось около 2 млн. детей. В городах и деревнях насчитывалось свыше 1500 библиотек и столько же клубов. Небывалого расцвета достигло искусство. В республике было 23 театра и свыше тысячи кинотеатров. Были построены дворцы для детей, сады, парки культуры и отдыха. Всё это было создано народом и для народа.

Мирный созидательный труд белоруссов был прерван вероломным нападением гитлеровских орд 22 июня 1941 г. Советская Белоруссия одна из первых встретила страшный удар гитлеровских полчищ. На подступах к древним городам, на берегах многоводных рек разгорелись кровопролитные бои.

В великой борьбе советского народа против немецких захватчиков во всём блеске раскрылись доблесть и мужество белорусского народа. Навеки войдут в историю име-

на славных сынов белорусского народа, героев Отечественной войны — Доватора, Гастелло, Талалихина, вице-адмирала Дрозда, Заслонова, Сильницкого, Смолячкова, Козлова, Бумажкова, Павловского, Дубровского, Лобанка — наряду с именами борцов за народное дело — Кастуся Калиновского, Голоты, Кривошапки, Вошилы.

Грозная опасность, нависшая над любимой родиной, укрепила узы доверия и дружбы народов великого Советского Союза. Плечом к плечу на фронтах Отечественной войны сражаются за освобождение Белоруссии русские, украинцы, белоруссы, грузины, узбеки, латыши, литовцы, эстонцы, казахи и другие народы СССР. Любовь к отечеству вдохновила на героические подвиги каждого воина Красной Армии. Светлый гений Сталина ведёт и приведёт нас к победе, к изгнанию врага с родной земли.

Близок день, когда освобождённая от фашистской нечисти Советская Белоруссия вновь засияет прекрасной звездой в ярком созвездии великого Союза Советских Социалистических Республик.

ВОЛЖСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (1918—1920)

Ф. Чебаевский

Был 1918 год. Самый тяжёлый год в существовании молодой Советской республики. Враги Советской России жадно тянулись к Волге. На Северном Кавказе царские генералы Корнилов, Алексеев, Деникин сколачивали белогвардейскую «добровольческую» армию. Другие царские генералы — Краснов, Мамонтов, — захватив при помощи германских оккупантов Донскую область, предприняли поход на Царицын, пытаясь овладеть этим важнейшим стратегическим пунктом. В середине августа красновские белоказачьи банды достигли предместий Царицына. Военные операции развёртывались на Волге. Между тем двигавшиеся с востока чехословацкие и белогвардейские полчища 22 июля уже захватили Симбирск, а 6 августа — Казань. Страна наша, отрезанная от хлебных районов (Украина, Сибирь), переживала страшный голод. Рабочие Петрограда и Москвы получали тогда $\frac{1}{4}$ фунта хлеба в день.

Хлеб в изобилии был на Северном Кавказе и на Дону. Но, чтобы получить его оттуда, необходимо было отразить наступление южной и восточной контрреволюции, отстоять Волгу — эту основную водную артерию Советской страны.

Наша молодая Красная Армия героически сражалась под Царицыном и Казанью, но она нуждалась в срочной помощи. Чувствовалась острая необходимость создания Волжской военной флотилии.

В апреле 1918 г. советское правительство дало указание об организации Волжской военной флотилии, чтобы обеспечить нашим судам беспрепятственное плавание по Волге. Наступление чехословаков и белогвардейцев и занятие ими ряда поволжских городов, где они стали создавать свои флотилии, ускорили организацию и формирование красной военной флотилии.

Основной базой для организации и вооружения Волжской военной флотилии советское правительство наметило Нижний Новгород. Организатором и комиссаром военной флотилии был назначен отважный моряк красного Балтийского флота Николай Григорьевич Маркин.

Н. Г. Маркин прибыл в Нижний Новгород 12 июня 1918 года. Здесь он развернул кипучую деятельность по созданию Волжской военной флотилии. Он отбирал из коммерческого флота суда, имевшие хорошие машины и крепкие корпусные крепления с мелкой посадкой, и направлял их в затоны для ремонта и перевооружения. Вместе с

тем тов. Маркин проводил и формирование личного состава флотилии, тщательно отбирая людей честных и преданных советской власти. В объявлении о наборе во флотилию говорилось: «От желающих поступить в отряд требуется признание платформы Советской Власти и безукоризненная честность как по отношению к Начальству, так и к своим товарищам. Не имеющих этих качеств, просим не беспокоиться»¹.

ВЦИК дал местным советским органам специальные указания о содействии формированию флотилии. В телеграмме от 22 июля 1918 г. в Нижегородский комитет председатель ВЦИК Я. М. Свердлов писал: «Предлагаю оказывать всяческое содействие всех учреждений товарищу Маркину порученной ему работе»².

По этому же вопросу тов. Свердлов вёл переговоры с тов. Л. М. Кагановичем, бывшим в то время председателем Нижегородского губкома РКП(б). Губком партии сделал всё необходимое для скорейшего формирования флотилии.

Большим революционным и трудовым подъёмом на фабриках и заводах Нижнего Новгорода сопровождалось выполнение заказов для Волжской военной флотилии. Рабочие завода «Теплоход» (Моховые Горы) работали дни и ночи, превращая буксирные пароходы в боевые суда. За короткий срок они отремонтировали, обронировали и вооружили 4 боевых судна. 21 августа из затона вышло в полной готовности пятое судно — «Ваня-коммунист». Многие боевые суда — «Лев», «Борец за свободу» и др. — вооружались на заводе «Красное Сормово». Рабочие затона «Муромка» (ныне затон имени Карла Маркса) превратили баржи «Серёжа», «Атаман Разин» и «Урицкий» в грозные пловучие форты, вооружённые дальнобойной морской артиллерией.

Отряды боевых судов красной военной флотилии создавались и в других городах Поволжья: Астрахани, Царицыне, Симбирске, Саратове. Царицынский отряд боевых судов был создан по инициативе товарища Сталина, руководившего героической обороной Царицына и всего юга России. Этот отряд сыграл большую роль в разгроме красновских банд в период первого окружения Царицына.

¹ «Документы по истории гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 358. 1941.

² Нижегородский губернский партархив, д. № 47. 1918.

Однако боевых судов, отобранных на местах, всё же было недостаточно для успешной борьбы с врагом. Приходилось перебрасывать на Волгу военные корабли из Балтийского флота. 31 августа 1918 г. Сталин писал Ленину: «Дорогой товарищ Ленин! Идёт борьба за юг и Каспий. Для оставления за собою всего этого района (а его можно оставить за собой!) необходимо иметь несколько миноносцев лёгкого типа и штуки две подводных лодок... Баку, Туркестан, Северный Кавказ будут (безусловно!) нашими, если немедленно будут удовлетворены требования»¹.

Получив это письмо, Ленин немедленно послал его за своей подписью в Петроград как директиву.

По указанию Владимира Ильича, в Нижний Новгород были направлены из Балтийского флота через шлюзы Мариинской системы три миноносца: «Прочный», «Пряткий» и «Ретивый». Когда эти миноносцы застряли в Рыбинске, Ленин 23 августа телеграфировал туда: «Приказываю самым срочным порядком закончить погрузку срудней, снарядов и угля и незамедлительно следовать в Нижний. Работа эта должна быть выполнена в самый кратчайший срок. Местный совет и советские организации должны оказать полное содействие. Каждая минута промедления ложится тяжёлой ответственностью и повлечёт соответствующие меры по отношению к виновным»².

Телеграмма Ленина возымела своё действие: 27 августа миноносцы прибыли в Нижний Новгород. Позднее на Волгу из состава Балтийского флота прибыли миноносцы «Поражающий», «Смелый», «Ласточка», «Илим» и другие.

Выступление красной военной флотилии из Нижнего Новгорода на фронт происходило немедленно после окончания боевого оснащения судов и укомплектования их личного состава. 12 и 18 июля четыре боевых судна, отремонтированных и оснащённых на заводе «Теплоход», отплыли вниз по Волге. Вслед за ними отправилось только что вышедшее из затона боевое судно «Ваня-коммунист» вместе с фортом-баржей «Серёжа».

В конце августа под Свияжском все эти боевые суда объединились с прибывшими из Нижнего Новгорода тремя балтийскими миноносцами и с судами симбирского отряда. Помощником командующего флотилией был назначен Н. Г. Маркин.

Для Волжской военной флотилии начались боевые, полные отваги и героизма дни. С 5 сентября у Верхнего Услона развернулись решительные бои за Казань. Корабли красной флотилии подбили бронепоезд, разрушили две вражеские батареи и потопили одно вражеское судно. Но это дорого обошлось и советской флотилии: получили тяжёлые повреждения и затонули боевые суда «Дельфин» и «Ташкент».

Из матросов с затонувших кораблей и из моряков-коммунистов, прибывших из Балтийского флота, был сформирован десант и брошен на помощь сухопутным частям Красной Армии. Красная флотилия и наши сухопутные части вскоре овладели Верхним Услоном. Это дало возможность частям Красной Армии развернуть наступление на обоих берегах Волги. Красный флот поддерживал наступление артиллерийским огнём. В результате координированных действий флотилии и сухопутных частей 10 сентября Казань была взята.

Успеху операции способствовали правильные действия руководителя и организатора Волжской военной флотилии тов. Маркина. Мужество и отвага никогда не покидали боевого командира. Он командовал судном «Ваня-коммунист», игравшим ведущую роль в разгроме вражеских батарей. Во время одной из операций у казанских пристаней Маркин высадил на берег 60 смельчаков, которые своим внезапным нападением вызвали панику в лагере белых. Они сняли замки у шести вражеских орудий и без потерь вернулись на своё судно.

Прорыв белогвардейского фронта под Казанью имел большое значение для решительного и победоносного наступления Красной Армии. Под натиском красной флотилии белые без боя оставили Богородск. Советская флотилия вошла в реку Каму. Вскоре были заняты города Спасск и Лаишев.

18 сентября Волжская военная флотилия разделилась на два отряда. Один отряд, в который вошли 3 миноносца, 3 вооружённых парохода, 3 канонерские лодки, разведывательный катер, пловучий форт «Атаман Разин» и 2 истребителя, составил Волжско-камскую флотилию и направился вверх по Каме. Второй отряд, состоявший из 2 канонерок, 2 бронекатеров и одной баржи-форты, направился вниз по Волге. Этот отряд Волжской военной флотилии принимал активное участие в обороне Царьцына в период второго его окружения. Волжско-камская военная флотилия быстро продвигалась вперёд. Без боя она заняла Чистополь, где захватила 5 пароходов с хлебом и большое количество топлива. Флотилия белых, установив береговую батарею у деревни Святые Ключи, стала там закрепляться. Однако артиллерийским огнём пловучего форта «Атаман Разин» вражеская батарея была уничтожена. Заняв Елабугу, Бережные Челны, Икское Устье, Волжско-камская флотилия подошла к селу Пьяный Бор, подступы к которому были сильно укреплены. Владеть Пьяным Бором было делом не лёгким: чтобы добраться до флотилии белых, надо было уничтожить вражескую береговую батарею, господствовавшую над рекой. За выполнение этой опасной операции взялся Н. Г. Маркин.

Утром 1 октября он повёл боевое судно «Ваня-коммунист» и канонерские лодки к Пьяному Бору. Береговая батарея белых встретила наступавших ураганным огнём. Начала бить артиллерия и с вражеских судов. Завязался неравный бой. Над флагманским судном «Ваня-коммунист» летали сна-

¹ Журнал «Большевик» № 2 за 1938 г., стр. 70.

² «Документы по истории гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 368.

ряды. Один из снарядов попал в корму, другой — в нос судна, третий разбил командирскую рубку и взорвал динамит. Начался пожар. Но команда героического судна не дрогнула. Она стойко продолжала бить врага из пулемётов, нанося ему большие потери. И только когда бушевавшее пламя охватило весь корабль, Маркин приказал морякам покинуть судно. Но корабельную шлюпку, наполненную людьми, коварный враг потопил. Он поливал утопающих пулемётным огнём. С «Мезени» был спущен катер, который и поднял из воды 35 человек. Больше половины команды «Вани-коммуниста» — 40 человек — погибло в этом бою. «Маркин остался на корабле. Он погиб, как герой»¹.

Смерть Н. Г. Маркина была тяжёлой утратой для Волжской военной флотилии, но эта утрата не ослабила воли к борьбе с заклятым врагом. Беспрецедентное мужество большевика-командира вдохновило краснофлотцев на новые подвиги. Красная флотилия жестоко отомстила за смерть любимого командира: от умело поставленной мины вскоре взлетело на воздух лучшее вражеское судно «Труд». Красная флотилия во взаимодействии с двумя батальонами Смоленского полка заняла Пьяный Бор, а затем и устье реки Белой, вынудив белогвардейские суда отходить вверх по реке Белой, к Уфе.

К этому времени советская флотилия пополнилась новым боевым судном — «Волгарь-доброволец», — оборудованным и вооружённым на Сормовском заводе. Командиром этого судна был тов. Леонтьев. Он организовал из нижегородских водников и молодёжи добровольческий отряд, который в многочисленных боях с белыми в 1918 — 1919 гг. покрыл боевое знамя «Волгаря-добровольца» воинской доблестью и славой.

17 октября красная военная флотилия вошла в Сарапул, освобождённый от врага героической дивизией тов. Азина. С большой радостью жители Сарапула встретили красные корабли. Они рассказали советским морякам о жутких расправах белогвардейцев с революционным населением в Сарапуле. Отступая, белые увели с собой баржу с пленными красноармейцами, среди которых немало было арестованных сарапульцев. Их ждала смерть.

Командование красной флотилии получило сведения о том, что баржа с пленными находится в 36 километрах от Сарапула, в селе Гольяны. Чтобы вырвать людей из когтей смерти, командование флотилии пошло на большой риск: миноносцам «Прыткому», «Прочному» и «Ретивому» было приказано поднять Андреевский флаг (флаг царского флота, принятый белыми) и проникнуть к месту стоянки баржи. Хитрость удалась, и красные миноносцы достигли села Гольяны. Здесь одному из вражеских буксирных пароходов от имени адмирала Старка было приказано снять баржу с пленными и следовать за миноносцами. Так было спасено до 500 человек, обречённых на смерть.

В последних числах октября у Волжско-камской флотилии были лишь мелкие стычки с врагом. В ноябре по реке пошло «сало», и флотилия отправилась в Нижний Новгород на зимовку и ремонт.

В течение всей зимы 1918—1919 г. шли ремонт и перевооружение судов флотилии. Рабочие заводов, охваченные могучим трудовым подъёмом, неустанно ковали оружие для победы над врагом. На Сормовской судовой верфи было отремонтировано и вооружено более мощной артиллерией 19 боевых и 15 вспомогательных судов. В Молитовском затоне были отремонтированы и перевооружены минные заградители «Терек» и «Кубань», пароходы «Рошаль», «Волгарь-доброволец», «Крестьянин-товарищ», теплоход «Кашевар» и др. В затоне «Муромка» ремонтировались боевой корабль «Индирикка» и форт-баржа «Серёжа». Более сложный ремонт — ремонт машин и корпусов — производился на бывших заводах Доброва и Нобгольца (ныне завод имени Воробьёва) и Фельзера (ныне завод «Двигатель революции»).

Губком РКП(б), городские партийные и советские организации Нижнего Новгорода повседневно следили за ходом ремонта боевых судов и помогали преодолевать затруднения в снабжении флотилии нужными для ремонта материалами, оружием и боеприпасами.

В течение зимы 1918 — 1919 г. среди личного состава Волжской военной флотилии проводилась большая политико-воспитательная и культурно-просветительная работа. По инициативе Л. М. Кагановича был создан райком РКП(б) флотилии, который в первые же месяцы своей работы добился большого роста парторганизации (вместо 3 партийных ячеек стало 20). В связи с увеличением парторганизации были созданы подрайонные комитеты РКП(б) в Сормове, в нагорной части города, Канавине, Молитовке и затоне «Муромка»².

Райком РКП(б) провёл большую работу по поднятию политического и культурного уровня моряков Волжской флотилии, открыл партийную школу, курсы пропагандистов и агитаторов. На судах стали регулярно проводиться лекции, беседы, появились газеты, литература.

8 января 1919 г. в Народном доме для моряков был открыт специальный клуб. Для повышения общеобразовательного уровня моряков был открыт Народный университет, в котором читали лекции профессора Нижегородского государственного университета. Для неграмотных и малограмотных краснофлотцев была открыта школа взрослых.

14 февраля 1919 г. при Реввоенсовете были созданы политотдел и институт военных комиссаров, что привело к ещё большему поднятию политического уровня, усилению боевой мощи красной флотилии и укреплению её партийной организации. Если в марте 1919 г. в ней насчитывалось 36 ячеек, объединявших 320 членов РКП(б).

¹ «Русские моряки-герои», стр. 17. Военмориздат, 1939.

² Журнал «Горьковская область» № 10 за 1939 г., стр. 103.

и 560 сочувствующих, то к 1 июня 1919 г. количество ячеек выросло уже до 55, объединяющих 640 членов партии и 954 сочувствующих¹.

К открытию навигации Волжская военная флотилия была в полной боевой готовности.

Весной 1919 г. Антанта организовала первый поход на Страну советов. «Поход этот был,— писал товарищ Сталин,— комбинированный, ибо он предполагал совместное нападение Колчака, Деникина, Польши, Юденича и смешанных англо-русских отрядов в Туркестане и в Архангельске, причём центр тяжести похода лежал в районе Колчака»² — ставленника Антанты в Сибири.

По разработанному плану, Колчак должен был соединиться с войсками интервентов и белогвардейцев своим правым флангом в районе Котласа, а центральная группа должна была подойти к Волге, к Саратову, и соединиться с войсками Деникина, наступавшими с юга. 6 марта Колчак начал наступление, прорвал фронт красных войск в районе Бирска и 13 марта захватил Уфу. В апреле он занял Белебей, Бугульму и поставил под угрозу Симбирск и Самару. Севернее, в районе Камы, колчаковцы находились уже западнее Чистополя и устья реки Вятки.

Над Страной советов вновь нависла серьёзная опасность. Главным фронтом, требовавшим концентрации всех сил, стал фронт восточный. Партия и правительство придавали ему первостепенное значение. 11 апреля 1919 г. были выпущены написанные Лениным «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением восточного фронта», в которых говорилось: «Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны»³.

Тезисы ЦК РКП(б) 16 апреля 1919 г. были поставлены на обсуждение объединённого заседания Нижегородского губкома РКП(б) и губисполкома с участием представителей от рабочих районов и совета профессиональных союзов. С докладом на заседании выступал Л. М. Каганович. По его докладу была принята резолюция, в которой подчёркивалась необходимость постоянной помощи Волжской военной флотилии: «Признаётся абсолютно необходимым оказывание всеяческого содействия нуждам обороны, военным организациям, Военному комиссариату и Волжской военной флотилии, в деле мобилизации и формирования вооружённых сил, особенно в снабжении их»⁴.

Нижегородская партийная организация начала немедленно претворять в жизнь это решение: она направила на восточный фронт 10 тыс. коммунистов и 3 тыс. комсомольцев.

¹ «Горьковская область» № 10 за 1939 г., стр. 104.

² И. Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 90. 1936.

³ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 226.

⁴ «Горьковская область» № 10 за 1939 г., стр. 104.

Нижегородский губисполком отпустил Волжской военной флотилии 150 тыс. пудов нефти.

С переходом в контрнаступление южной группы войск под командованием тов. Фрунзе Волжская военная флотилия была переброшена на восточный фронт. Всего отправилось из Нижнего Новгорода 22 боевых судна, объединённых в 5 дивизионов, 18 мощных судов, воздушный дивизион гидроавиации в 5 самолётов, десантный отряд моряков в 852 человека, минный отряд, служба связи и вспомогательные суда.

Волжская флотилия артиллерийским огнём и высадкой десанта моряков содействовала наступлению Красной Армии. В результате успешных боёв 6 мая нашими частями был занят Чистополь.

К середине мая Волжская военная флотилия приблизилась к устью реки Вятки, куда вскоре подошла и флотилия белых. Прозошёл бой. Белые вынуждены были отступить вверх по Каме.

Для развёртывания дальнейших наступательных операций необходимо было переправить 2-ю Красную армию через реку Вятку на правый берег Камы. С этой целью наша флотилия высадила на правый берег Вятки десант, который под прикрытием артиллерийского огня занял село Свиные Горы. Однако белые открыли по десанту ураганный артиллерийский огонь, и десанту пришлось вернуться на корабли.

Неудача с высадкой десанта заставила командование советской флотилии более тщательно подготовить форсирование реки Вятки. Произведённая разведка показала, что на участке Камы, от устья Вятки километров на 40 и выше, отсутствуют корабли белых. Наша флотилия незаметно обошла Свиногорский и Котловский острова и снова высадила десант. Под прикрытием артиллерийского огня 2-го дивизиона канонерских лодок десант стал быстро продвигаться вперёд, но вскоре потерял связь с кораблями и столкнулся с подошедшим из резерва офицерским батальоном и «Танаевским непобедимым отрядом» белых. Положение десанта было тяжёлое. Однако десантники не упали духом — они продолжали продвигаться вперёд, прокладывая себе путь штыками⁵.

Героическая борьба красного десанта в тылу белых дала возможность 28-й дивизии при содействии 3-го и 4-го дивизионов канонерских лодок успешно форсировать реку Вятку. 28-я дивизия заняла село Свиные Горы и установила связь с десантом моряков.

Тем временем советские боевые корабли продолжали продвигаться вверх по Каме. Но неожиданно они встретили 7 канонерских лодок и батарею белых. Завязался жаркий бой. Противник, имея тройное превосходство в артиллерии, засыпал советские суда снарядами. Вскоре наши корабли «Рошаль» и «Терек» вышли из строя. Команды кораблей вынуждены были покинуть их. Флотилия белых стала снимать с мели наши под-

⁵ «Морской сборник» № 11 за 1939 г., стр. 53.

битые корабли. Воспользовавшись этим, советские суда без потерь вышли из района боя и заняли выгодную оборонительную позицию.

Обнаружив свой промах, командование белых послало было вдогонку советским судам 4 корабля, но они, попав под наш артиллерийский огонь, отступили, причём один из вражеских кораблей получил серьёзное повреждение. После этого боя флотилия белых отошла к Елабуге и в дальнейшем избегала решительных сражений с нашей флотилией.

Таким образом, труднейшая операция по форсированию 2-й Красной армией реки Вятки, в которой решающую роль сыграла Волжская военная флотилия, закончилась успешно. В дальнейшем наступление Красной Армии развивалось безостановочно. Отступление противника было настолько поспешным, что флотилия белых успевала лишь расставлять мины, чтобы задержать наступление красной флотилии.

Минные заграждения действительно причиняли немало хлопот, поэтому красная флотилия отставала от наступления сухопутных частей и не смогла оказать частям Красной Армии необходимую помощь при форсировании реки Белой и взятии Уфы.

Но в дальнейшем Волжская военная флотилия снова оказала существенную помощь 2-й и 3-й Красным армиям — при форсировании ими реки Уфы, а затем реки Камы.

Красная Армия и Волжская военная флотилия победоносно двигались на восток. 1 июля 1919 г. Красная Армия заняла Пермь. Белые, отступая, жгли свои торговые суда, а в последнее время — и военные корабли. В одной только Перми Колчак сжёг 22 пассажирских и 81 буксирный пароход, 5 дебаркадеров и 38 барж. Остатки флота он отвёл на реку Чусовую. Здесь было сожжено до 120 паровых и непаровых единиц¹.

На этом Волжская военная флотилия закончила свой поход против Колчака. Её помощь уже была ненужна. Под натиском нашей доблестной Красной Армии колчаковские банды продолжали безостановочно отступать на восток.

Не теряя времени на траление мин, командование красной флотилии решило часть судов, принимавших участие в боях и получивших серьёзные повреждения, направить в Нижний Новгород на ремонт, а другую часть боевых судов — «Карл Маркс», «Лейтенант Шмидт» и катер № 104 — отправить для борьбы с белыми вниз по Волге, в район Царицына.

Летом 1919 г. на юге начал проявлять большую активность Деникин. Его войска 9 июня заняли Царицын и стали продвигаться на Саратов. На Волге вновь создалось напряжённое положение.

В середине июля суда Волжской военной флотилии, вышедшие из Перми, соединились под Камышином с вооружёнными мор-

скими шхунами «Ильич», «Третий Интернационал» и «Красное знамя» и вошли в состав северного отряда Волжско-каспийской флотилии. Спустя некоторое время в этот отряд вошли и суда, прибывшие из Нижнего Новгорода, — «Авангард революции», «Ваня-коммунист» и «Борец за свободу».

20 августа под Камышином разгорелся бой. Весь день артиллерия нашей флотилии была по батареям белых и к вечеру заставила их замолчать. Белые вынуждены были бежать. Город заняли красная флотилия и подошедшие с суши отряды моряков.

Ещё более горячий бой выдержала Волжская флотилия 29 августа у села Быковье Хутора. Село было сильно укреплено противником. Во время боя боевое судно «Ваня-коммунист» село на мель. Но белые этого не заметили, и судно удалось снять с мели. Артиллерийский огонь по врагу, открытый с наших судов, был настолько сильным, что белые вынуждены были оставить село.

В селе Быковье Хутора Волжско-каспийская флотилия пополнилась 1-м дивизионом боевых судов — «Бесстрашный», «Беспощадный», «Бдительный», «Буревестник» и др.

Красные войска наступали. Им содействовала Волжско-каспийская флотилия. Волжско-каспийской флотилии и сухопутному отряду моряков был отдан приказ взять город Дубовку — последний оплот Врангеля на подступах к Царицыну. Но Дубовка, как оказалось, была сильно защищена тяжёлой артиллерией. На подступах к городу завязался жаркий бой. Флотилии удалось выбить врага из Песковки (в 5 км от Дубовки) и вплотную подойти к городу. Орудия наших кораблей в упор били по врагу, выводя из строя одну его батарею за другой. Нашему судну «Борец за свободу» и маленькой канонерке удалось прорваться в тыл врага. Белые перенесли огонь по этим судам. Воспользовавшись замешательством противника, красная флотилия высадила на берег десант моряков и овладела Дубовкой.

Началась борьба непосредственно за Царицын. Взаимодействуя с военной флотилией, части Красной Армии не раз пытались приступом взять город, но каждый раз вынуждены были отходить назад вследствие превосходства противника в живой силе и технике. Враг пустил в ход авиацию, танки, бронепоезда. Борьба достигла исключительного напряжения. Вот как описывает это сражение один из его участников, командир боевого судна «Волгарь-доброволец»: «Гул орудий, пулемётов, ружейной стрельбы, взрывы бомб с аэропланов — похоже было на рёв невероятного, огромного, страшного чудовища. Отдельных залпов не слышно было — стоял стон, сплошной, многоголосый. Изредка, через небольшие промежутки времени, откуда-то получался сигнал «прекратить стрельбу». Всё разом затихало, мёртвая жуть, крики «ура», и снова тихо, до жути тихо... Это обе армии сошлись в штыки — приклад и штык работают без шума, в безумной схватке люди перегрызают один другому горло... душат ру-

¹ «Краткие очерки из истории союза рабочих водного транспорта», стр. 67. Изд. Саратовского райкомвода, 1923.

ками... «Белые отступают — огонь» — снова заревело чудовище, через полчаса снять—рукопашная, и так безумно долго»¹.

Двенадцать раз вражеские аэропланы производили налёты на корабли советской флотилии и сбрасывали бомбовый груз. Был повреждён нос судна «Бесстрашный». Команды наших пловучих батарей «Атаман Разин» и «Серёжа» несколько раз пополнялись новыми бойцами.

Но в течение этой навигации нашим войскам не удалось овладеть Царицыном. Он был взят лишь в начале 1920 г., когда полностью были разгромлены денкикинские полчища.

25 октября 1919 г. суда северного отряда Волжско-каспийской флотилии ушли на зимовку и ремонт в Нижний Новгород. Десантный же отряд моряков был направлен в Астрахань, куда из Каспийского моря двигался флот интервентов и белых. Но Астрахань была в надёжных руках: обороной её руководил С. М. Киров.

Флот интервентов и белых, оперировавший на Каспийском море, имел в своём составе до 17 военных кораблей, вооружённых шестидюймовыми пушками, несколько пловучих батарей, 15 вспомогательных судов, 13 транспортов и 13 английских быстроходных торпедных катеров. Наше же командование против этой вражеской силы могло выставить лишь 4 миноносца — «Прочный», «Пряткий», «Ретивый», «Поражающий» — и речные пароходы Волжско-каспийской флотилии.

Наступая на Астрахань, белые вели активные боевые действия против Красной Армии и в Гурьевском направлении. Здесь они отрезали наш ударный отряд матросов. Чтобы спасти этот отряд, С. М. Киров пошёл на риск: он выделил 6 боевых кораблей и 2 парохода с десантниками и приказал им пройти через белогвардейскую линию блокады. Приказ Кирова был с честью выполнен: наши суда неожиданно для белых появились у села Ганюшкина. Стоявшие здесь части белых растерялись. Наша флотилия высадила десант. Произошёл короткий бой. Белые были наголову разбиты. В результате был выручен отряд матросов, захвачено 10 вражеских самолётов, 2 баржи с английским вооружением и взято в плен 3 тыс. человек.

¹ «Октябрьская революция в Нижегородской губернии». Сборник, стр. 106. 1927.

Совершив этот блестящий рейд в тыл врага, советские корабли благополучно вернулись на свою базу.

В течение зимы 1919—1920 г. северный отряд Волжско-каспийской флотилии готовился к борьбе за Баку. В Нижнем Новгороде снова закипела работа по ремонту и перевооружению флотилии. На одном только Сормовском заводе в течение зимы было отремонтировано 29 боевых и 27 вспомогательных судов². Среди личного состава флотилии проводилась политическая и боевая подготовка.

Когда открылась весенняя навигация, северный отряд Волжско-каспийской флотилии из Нижнего Новгорода направился в Астрахань, чтобы оказать помощь 11-й Красной армии, спешившей освободить Баку. Совместными усилиями восставших бакинских рабочих, частей Красной Армии и моряков Волжско-каспийской флотилии Баку был взят. Контрреволюционное муссаватистское правительство бежало.

Удалось уйти и вражескому флоту. Он укрылся в бухте города Энзели. По плану, разработанному Кировым, Орджоникидзе и Микояном, перед Волжско-каспийской флотилией была поставлена задача — очистить Каспийское море от вражеской флотилии. 17 мая 1920 г. наши корабли вышли из Баку и направились к Энзели. Подойдя к Энзели, командование красной флотилии предъявило флотилии белых ультиматум — слаться. Но враг не сдавался. Тогда с судна «Роза Люксембург» был открыт огонь по огневой точке противника. Артиллерийская батарея противника была подавлена. Энзелийская операция закончилась полным успехом.

В конце 1920 г. Красная Армия при поддержке Каспийской флотилии заняла Астарту, Гелекорань, Пенсары, Сельфидор и разгромила вражеские банды в Ленкоранском районе.

На этом была закончена боевая деятельность Волжской военной флотилии, оказавшей огромную помощь доблестной Красной Армии в разгроме многочисленных врагов, пытавшихся задушить Страну советов.

Славные боевые дела Волжской военной флотилии в отечественную войну 1918—1920 гг. составляют одну из ярких страниц в летописи нашего Красного Военно-Морского Флота.

² «Горьковская область» № 10 за 1939 г., стр. 106.

БОРЬБА НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ ПРОТИВ ГЕРМАНСКИХ ОККУПАНТОВ В 1918 ГОДУ

А. Федяева

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции Прибалтика, за исключением Эстонии и северной части Латвии, была оккупирована войсками кайзеровской Германии. В неоккупированной части Латвии — в Валкском, Венденском и Вольмарском уездах — и в Эстонии была установлена советская власть в одно время с Центральной Россией.

В феврале 1918 г. немецкие империалисты, перейдя в наступление, прежде всего захватили территорию Прибалтики. Внезапность нападения на Советскую Прибалтику была одной из причин временных успехов германских оккупантов. Немалую роль сыграла в этом и помощь, которую германские империалисты получили от своих агентов в Прибалтике. Советское правительство в Эстонии и Латвии делало всё для защиты свободы и независимости своего народа. В Латвии была создана Красная гвардия. Благодаря огромной работе большевиков латышские стрелковые полки стали важнейшей вооружённой силой советов Прибалтики в борьбе против немецких оккупантов. Эстонские рабочие защищались с оружием в руках, но, плохо подготовленные в военном отношении, они не в состоянии были противостоять вооружённым до зубов регулярным немецким войскам.

Для защиты подступов к городу Валку советское правительство направило Красную гвардию и латышские стрелковые полки, которые оказывали стойкое сопротивление оккупантам, но вынуждены были отступить под напором численно превосходящих и технически лучше оснащённых сил противника.

Советское правительство Латвии во второй половине февраля вынуждено было эвакуироваться из Валка.

20 февраля 1918 г. немецкие разъезды появились в районе Вольмара, а затем, получив подкрепление, заняли и город. Захватив Вольмар, немцы начали зверски расправляться с населением. Прежде всего они расстреляли всех захваченных ими красногвардейцев. На Рыночной площади была арестована большая толпа и увезена в неизвестном направлении. На улицах города валялись трупы расстрелянных со следами пыток. На площади были построены виселицы. По деревням Латвии разъезжали карательные экспедиции, которые производили многочисленные аресты, расстреливали и вешали крестьян. Тысячи арестованных направлялись на принудительные работы.

Вторжению немцев в Эстонию содействовали эстонские белогвардейские полки, созданные немецкими баронами для борьбы с советской властью. Они-то и явились опорой эстонской контрреволюции, оказали помощь немецким оккупантам, открыв им дорогу в города и сёла Эстонии. Гапсальский эстонский полк во главе со своим штабом присоединился к немцам и выступил против советской власти. Но немцы боялись довериться даже этим полкам: захватив город, они спешили их расформировать, арестовать организаторов полков; кроме того эстонским офицерам было запрещено носить военную форму и погоны.

23 февраля немцы, двигавшиеся со стороны Гапсаля на Ревель, вступили в бой с красногвардейцами. Вечером того же дня германская кавалерия и мотоциклисты появились в 30 верстах к югу от Ревеля.

Исполнительный комитет Советской Эстонии на заседании в ночь на 24 февраля принял решение эвакуироваться. Все пути, за исключением морских, были уже заняты немцами. Члены исполнительного комитета советов Эстонии, партийные работники и часть красногвардейцев 24 февраля сели на суда и направились в Гельсингфорс. Эстонская буржуазия объявила Эстонию «независимой республикой» и подняла национальный флаг, который по требованию германских властей скоро пришлось убрать.

25 февраля немецкие захватчики оккупировали Ревель. Германское командование разогнало временное правительство и взяло власть в свои руки. Все правительственные здания были заняты германским командованием.

В первый же день, когда немцы заняли Ревель, здесь, как и в других городах, начались аресты, пытки, расстрелы. Все общественные организации были разгромлены и закрыты.

22 февраля в городе Юрьеве власть захватили местная буржуазия и бароны.

Немецкие оккупанты не захотели считаться с притязаниями эстонской буржуазии. По приказанию немцев эстонский национальный флаг, висевший на ратуше, был снят и вместо него появился германский. Власть в городе перешла к немецкому командованию. На всех улицах были расставлены немецкие патрули. Начались аресты, расстрелы жителей города без всякого суда и следствия, прямо на улицах.

В Юрьеве, по неполным сведениям, было расстреляно 300 человек. Несколько дней

тем были спущены в прорубь на реке Эмбахе. Туда же были спущены и тела 119 русских солдат, расстрелянных по приказу немецкого командования.

4 марта была оккупирована Нарва, и там повторилось то же, что и в Ревеле и Юрьеве. Немецкий комендант и бригадный командир назначили городским головой Нарвы и его заместителем немцев, членами управы были назначены представители местной крупной буржуазии.

В первый же день вступления немцев в Нарву немецкий комендант всюду расставил полицейских и издал приказ, чтобы все вывески в городе были написаны на немецком языке.

В городе Везенберге немцы повесили 12 арестованных на станции Иеве или в чём неповинных людей. Немецкие палачи заставили всех осуждённых собственноручно надеть петлю себе на шею. В течение очень долгого времени немцы, желая запугать население, запрещали убирать трупы казнённых.

Вторжение германских грабителей в страны Прибалтики влекло за собой ликвидацию всякой общественной жизни, восстановление царской охранки, разорение хозяйства страны и превращение народов Прибалтики в рабов немецких баронов и колонизаторов.

Угнетая народ и всячески над ним издеваясь, немецкие изверги делали всё, чтобы онемечить население Прибалтики.

Многие средние учебные заведения были закрыты. В сохранившихся средних учебных заведениях ввели прусскую программу обучения. Во всех средних школах Риги, за исключением двух, преподавание велось исключительно на немецком языке. В Либаве даже в начальных школах был введён немецкий язык. Учителями в начальных школах Курляндии были немецкие унтер-офицеры, ни слова не понимавшие по-латышски. В тех случаях, когда эти унтер-офицеры не были преподавателями, они всё же присутствовали на уроках. Русский язык в школах был совершенно запрещён, немцы запретили даже брать частные уроки русского языка.

В изданной тогда хрестоматии для народных школ немецкая цензура вычеркнула все очерки из русской истории; ни в одной статье не оставили названия «Латвия». Во всех церквях и школах Латвии приказано было молиться за кайзера Вильгельма.

Местные передовые учителя увольнялись из школ. Из Дерптского университета уволены были профессора — латыши и эстонцы и вместо них назначены немцы. Немцы закрыли общества по оказанию помощи малоимущим школьникам, заявив, что избыток образованных и интеллигентных людей противоречит государственным интересам Германии.

Всячески стараясь унижить население оккупированных районов, немецкое командование в Литве опубликовало приказ, согласно которому жители городов и деревень, независимо от их пола, обязаны были при встрече с немецкими офицерами отдавать им поклон. Мужчины должны были снимать шапки и прекращать курение. Виновных в нарушении приказа офицеры избивали и отправляли в полицию.

Немецкие оккупанты ввели в Эстонии немецкий язык в качестве официального во всех судах и административных учреждениях городов и волостей, несмотря на то что 90% населения Эстонии немецкого языка не понимало.

Капельмейстеров вынудили дать подписку в том, что они не будут исполнять русских революционных песен, «Марсельезы» и эстонского национального гимна. Специальные «инструкторы литературы» энергично очищали книжные магазины от «вредных» книг.

Немцы ввели в странах Прибалтики строжайшую военную цензуру: даже визитные карточки нельзя было печатать без разрешения цензуры. Немцы запретили печатать учебник алгебры на латышском языке.

Почти в каждом городе Прибалтики выходили одна — две немецкие газеты. Газеты на местных языках носили бульварный характер; субсидировали их немцы, а издавали немецкие агенты.

Немецкие завоеватели грабили Прибалтику, вывозили всё ценное в Германию, варварски разрушали всё на своём пути. В Латвии свыше четверти волостей было сметено с лица земли, разрушено свыше 200 тыс. зданий, 600 тыс. жителей осталось совсем без крова. В Ревеле немецкий комендант потребовал, чтобы население сдало золото. Вся продукция фабрик и заводов вывозилась в Германию, даже машины и оборудование фабрик и заводов. Из Нарвы немцы вывезли всю мануфактуру. В Германию вывозили даже все отходы железа, жести и стали, консервные банки, лом чугуна и т. д. В июле 1918 г. сняли крышу с Ковенского собора. Немцы по нескольку раз обыскивали жилые дома, разыскивая медь и алюминий. При обыске немецкие мародёры брали всё, что попадалось под руку: провизию, мебель, бельё, одежду и другие предметы домашнего обихода. У венденской городской управы немцы отобрали все продовольственные запасы. Из Нарвы все запасы немцы вывезли в Германию, а жителей Нарвы перевели на восьмушку хлеба в день. Через несколько дней они перестали выдавать и этот скудный паёк.

Весь урожай был взят на учёт. В некоторых местах немцы отбирали у крестьян землю и отдавали её немецким баронам. В Курляндии оккупанты осенью 1917 г. забрали весь картофель и зерно, в результате чего поля Курляндии остались незасеянными.

В Эстонии летом 1918 г. несмотря на протесты эстонского населения немецкие солдаты косили ещё зелёную рожь, солили её, прессовали и отправляли в Германию. Каждый крестьянин обязан был поставлять ежедневно литр молока или 1 ф. масла в неделю от каждой коровы. Но это ещё минимальная норма. В некоторых волостях Лифляндской губернии крестьяне обязаны были поставлять $2\frac{1}{4}$ ф. масла в неделю. А в Курляндии взимали зимой 1 ф. масла с каждой коровы в неделю, а летом — 3 ф., кроме того сыр и творог. В Эстляндии с каждой дойной коровы взимали 2 ф. масла и 4 ф. творогу в неделю. С каждой курицы крестьяне должны

были отдавать по 2 яйца в неделю, с каждой овцы — по 2 ф. шерсти в год.

Весь скот был взят оккупантами на учёт. Убой скота производился только с разрешения немцев. При этом $\frac{3}{4}$ лучшего мяса поступало немцам, а хозяин скота получал $\frac{1}{4}$ худшего мяса. Мало того: крестьяне должны были ещё платить налоги за каждую голову скота. Всё это вызывало негодование, и население отказывалось выполнять поставки. В Фелопинском уезде (Эстляндия) немцы наложили контрибуцию на одну волость в размере 6 тыс. рублей за «небрежную» доставку яиц и масла.

Германские империалисты самым хищническим образом вырубали лес и сплавляли его в Германию. Рубкой, сплавом и отправкой леса в Германию заведывало особое отделение военного управления. Налоги и штрафы были одной из форм замаскированного грабежа. В Риге ввели налог на кошек, собак, канареек, уток, кур, даже на оконные шторы! Кажется, не осталось ни одного предмета домашнего обихода, который был бы свободен от налога. Налог взимался даже с каждой застреленной вороны, да и разрешение охотиться на ворон стоило 75 рублей!

В городах все общественные учреждения: бани, купальни, сады, театры, заведения, торгующие искусственными минеральными водами, конно-железные дороги и т. д., приносявшие доход, — были забраны оккупантами.

Кроме налогов крестьяне должны были выполнять трудовую повинность. Особенно обременительна была повинность по перевозке оккупационных войск и дорожная повинность.

За время своего хозяйничанья в Прибалтике немцы дочиستا ограбили, разорили её и обрекли народ на голод и вымирание.

В связи с наступившим голодом в Риге были волнения среди женщин; они выходили с детьми на улицу, требуя хлеба. По распоряжению германского командования толпы женщин расстреливались из пулемётов.

Положение рабочих, как городских, так и сельскохозяйственных, под игом немецких оккупантов было исключительно тяжёлым. Развал промышленности привёл к огромной безработице. К концу 1918 г. из 40—50 тыс. рабочих в промышленных предприятиях Ревеля осталось около 5 тысяч. Смертность населения достигла огромных размеров.

Ужасающим было положение батраков: баронский ландтаг в Эстонии установил для них 15-часовой рабочий день. В действительности он был продолжительней. Нанятый рабочий не смел спрашивать о размерах заработной платы. Большинство сельскохозяйственных рабочих работало только за скудную еду. Большинство батраков не имело права самовольно менять место работы. В некоторых баронских имениях к батракам применяли телесные наказания; например в Добельском уезде (Латвия) барон фон Вилдунг по всякому поводу и без повода наказывал батраков нагайками.

В Риге и в других городах Прибалтики поиски работы затруднялись ещё и тем, что свободно передвигаться можно было только в пределах города. Выехать из города, даже

в пригородную деревню, без разрешения немецкой полиции было невозможно. Город опоясывали проволочные ограждения, заряженные электрическим током.

Тысячи рабочих в принудительном порядке отправляли на работу в Германию. Везли их туда под охраной немецких солдат, а на месте применяли к ним каторжный режим: на ночь запирали в казармах, днём посылали на работу в цеха под конвоем, использовали на самых изнурительных работах в шахтах, на сахарных заводах, на свекловичных плантациях, на лесных работах и в хозяйствах помещиков. Немцы превращали рабочих Прибалтики буквально в рабов. Поэтому даже безработные, даже голодающие отказывались ехать в Германию.

Подпольные коммунистические организации Прибалтики боролись за возвращение рабочих из Германии. В октябре 1918 г. конференция коммунистов оккупированных областей выпустила специальное обращение к рабочим Финляндии, Латвии, Эстонии, Литвы, Польши, Белоруссии, призывая их принять участие в борьбе против немецкой каторги. «Миллионы рабочих, — говорилось в обращении, — были выхвачены из оккупированных областей и, как белые рабы, вывезены в Германию, где под штыками работают, как каторжные, для обогащения германских помещиков и капиталистов. Условия этих работ самые ужасные. Рабочий день не ограничен, а плата и питание, как у арестантов; они заключены в рабочие казармы, которые представляют собой настоящие тюрьмы.

Вся вина этих миллионов прелетариев в том, что они оказались без работы после того, как германский империализм, покорив наши области, разрушил всю хозяйственную жизнь страны и таким образом обрек их на безработицу. Гинденбург и людендорфы сперва выбросили этих рабочих из фабрик и заводов, а затем в наказание за это обрекли их на принудительные каторжные работы на полях, плантациях, в шахтах и заводах Германии»¹.

В деревнях положение было не лучше. Оккупанты заставляли крестьян работать день и ночь, а продукты забирали себе. Кроме того крестьяне выполняли всякого рода принудительные работы. Каждая волость и город обязаны были представлять рабочую силу в любое время, по требованию германского командования.

Когда в апреле 1918 г. была объявлена запись для желающих уехать на постоянное жительство в Россию, многие старались избавиться от немецкой каторги. За одну только неделю в Риге записалось 45 тыс. человек. Записывались рабочие, интеллигенты, крестьяне, сельскохозяйственные батраки и даже домовладельцы. Записавшиеся месяцами ждали отправки и в конце концов так и не добились разрешения на выезд; особенно трудно это было сельскохозяйственным рабочим, которых бароны задерживали как даровую рабочую силу.

¹ «Правда» от 20 ноября 1918 года.

II

Захват немцами Прибалтики вызвал гнев и жгучую ненависть широких народных масс. На борьбу с оккупантами поднялись народы всей Прибалтики. Ни аресты, ни пытки, ни виселицы, ни голод не сломили их сопротивления. Эту борьбу возглавляли большевики. Партийные организации в первую очередь должны были перестроить свою работу применительно к условиям нелегального положения и подчинить её целям освободительной борьбы.

После оккупации Риги ЦК революционной социал-демократии Латышского края и Рижский комитет партии ушли в глубокое подполье. Они стали называться группой «Спартак» и установили связь с союзом «Спартак» в Германии, совместно с которым вели работу среди оккупационных войск. После того как была перестроена партийная работа, в Риге состоялась общегородская нелегальная партийная конференция.

Аресты и расстрелы коммунистов в Риге, а также отъезд многих из них на поиски работы привели к сильному сокращению количественного состава партийной организации. Но несмотря на это, влияние коммунистов на широкие массы трудящихся росло и крепло не только в городах, но и в деревнях. Почти в каждой волости были партийные ячейки. Этому способствовала сильно обострявшаяся классовая борьба батраков и безземельных крестьян против немецких баронов — помещиков и кулаков («серых баронов»). Успешно развивалась подпольная революционная работа ещё и потому, что в начале июня 1918 г. XVI конференция социал-демократии Латышского края изгнала из партии меньшевиков, открыто помогавших оккупантам.

К осени 1918 г. в подпольной организации революционной социал-демократии Латвии насчитывалось 800 членов, из них в Риге — 400, в Лифляндской губернии — 270, в Курляндской — 130. В союзе социал-демократической рабочей молодёжи было 50 членов.

Придавая огромное значение печати в борьбе с немецкими оккупантами, спартаковцы Латвии начали выпускать две большевистские газеты и большое количество листовок, откликавшихся на различные политические события. Первая листовка была выпущена в количестве 25 тыс. экз. на трёх языках: латышском, русском и немецком. После зверской расправы немцев с населением Риги была выпущена вторая листовка — «Долой кровавую культуру завоевателей!»

Во время немецкой оккупации советских районов Латвии в феврале 1918 г. спартаковцы выпустили воззвание к немецким солдатам. В воззвании указывалось, что солдаты действуют как душители революции. На ту же тему были написаны листовки «Недолго вам ликовать!» и «Долой рабство!»

В связи с попыткой немцев колонизовать Латвию были выпущены два воззвания к населению — «Вас продают!» и «Все на улицу!» — с призывом принять участие в демонстрации против германских оккупантов.

Распространение прокламаций каралось смертной казнью, и всё же листовки продол-

жали появляться на стенах домов. Тщетно полиция искала типографию «Спартак». Много людей было арестовано, многие пошли на каторгу, но неуловимый «Спартак» продолжал свою патриотическую деятельность, бросая в массы боевые лозунги. Это приводило в бешенство немецкое командование.

Вселатвийская конференция представителей большевистских подпольных организаций обсудила вопросы о текущем моменте, о самоопределении Латвии и т. д. По вопросу о самоопределении Латвии конференция высказалась за оставление Латвии в пределах Советской России. Конференция констатировала рост влияния партии на широкие трудящиеся массы.

После вторжения немцев трудящиеся Латвии уходили в леса и под руководством спартаковцев вели вооружённую борьбу с немецкими грабителями. Партизаны — «лесные братья», как они тогда назывались, — держали в постоянном страхе немецких оккупантов и жестоко мстили грабителям за издевательства и расправы с населением. Беспощадны были они с предателями родины. Партизаны установили тесную связь с населением: распространяли воззвания, прокламации, информировали население о решениях партии, проводили сходки и митинги. Население, в свою очередь, осведомляло партизан обо всех распоряжениях и мероприятиях немецких властей. Главнокомандующий оккупационными войсками в Эстляндии и Курляндии фон Кирбах в марте 1918 г. издал приказ о беспощадной расправе с партизанами. В этом приказе проявились бесчеловечная злоба и звериная ненависть немецкого бандита против народных мстителей.

«Я приказываю бороться с партизанскими организациями без всякой пощады, — писал фон Кирбах. — Подобные банды стоят вне международного права, их нужно уничтожить. На таких воров и убийц жаль тратить снаряды, можно ограничиться и верёвкой»¹.

Немцы устраивали облавы на партизан, оцепляли и прочёсывали леса. Полицейские охотились за партизанами с собаками-ищейками. Но в большинстве случаев населению удавалось предупредить партизан о грозившей им опасности.

Так же как и в Латвии, трудящиеся Эстонии боролись за изгнание оккупантов из страны, за действительную независимость Эстонии и за советскую власть. Коммунистическая партия Эстонии в момент оккупации вынуждена была уйти в подполье. Партийным организациям пришлось работать в очень тяжёлых условиях. Немцы зверски расправлялись с захваченными подпольщиками. Несмотря на это небольшие, но крепкие подпольные организации продолжали свою деятельность в городах и в деревнях, возглавляя освободительную борьбу трудящихся. Во всей большевистской подпольной организации Эстонии было около 400 членов. В целях конспирации в подпольные организации допускались даже из чис-

¹ Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны». Фонды III тома.

ла рабочих только самые проверенные, самые надёжные и активные люди.

Подпольной работой руководил Ревельский партийный комитет. В Ревеле находилась и подпольная типография. Ревельский партийный комитет выпускал листовки, воззвания, прокламации на эстонском языке, а также листовки на немецком языке, предназначенные для распространения среди солдат германской армии. Под руководством большевистской организации революционное движение в Эстонии в период оккупации росло и крепло.

29 июня в Ревеле была проведена политическая забастовка наборщиков. Ни одна из продажных пронемецких газет не вышла в этот день. 12 и 13 сентября 1918 г. на всех предприятиях, включая железнодорожные мастерские, была объявлена всеобщая забастовка. Забастовка носила политический характер. Ревельский партийный комитет выпустил воззвание к немецким солдатам с призывом поддержать рабочих, принять участие в организуемой демонстрации. Воззвание имело успех. К заводу Ноблеснера подошла большая группа немецких солдат и приветствовала забастовщиков. Оккупационные власти растерялись. Своим уже распропагандированным войскам они боялись довериться, тем более что незадолго до того ревельский гарнизон отказался идти на западный фронт. Чтобы разогнать демонстрантов и митинг, оккупанты выслали полицию. Начались обыски и аресты коммунистов и бывших красногвардейцев.

В ночь на 15 октября на стенах домов в Ревеле появились воззвания к трудящимся за подписью комитета Ревельской коммунистической организации, в которых говорилось о скором восстановлении советской власти в Эстонии.

25 октября во Пскове были расклеены такие же воззвания комитета Эстонского стрелкового коммунистического полка. 29 октября ЦК коммунистической партии Эстонии выпустил в Ревеле воззвание ко всем трудящимся с призывом прекратить работу и организовать митинги протеста против репрессий и террора немецких оккупантов и их агентов. Немецкие солдаты получили от командования приказ разогнать митинг, но они отказались выполнить приказ и разошлись по казармам.

В начале ноября 1918 г. в Ревеле начались сильные волнения в связи с голодом. 8 ноября ревельские рабочие объявили всеобщую забастовку и вышли на демонстрацию. По всему городу происходили митинги. 12 ноября в Ревеле произошло вооружённое столкновение рабочих с оккупантами. У немецкого отряда был отбит и уничтожен пулемёт. Несколько рабочих было ранено.

С каждым днём возрастало влияние коммунистической организации на широкие трудящиеся массы Ревеля. 12 ноября на митингах давали выступать только представителям коммунистической партии. На фабричных собраниях коммунисты выступали открыто, там их поддерживало большинство рабочих. При выборах в фабрично-заводские комитеты большинство голосов получили коммунисты.

В середине ноября в Ревеле легально вышла газета «Коммунист». 18 ноября ЦК эстонской компартии объявил всеобщую мобилизацию членов партии и призвал всех трудящихся к решительной схватке с оккупантами.

Германское командование, боясь проникновения в среду солдат «большевистской заразы», пыталось изолировать их от местного населения. Тем не менее развернувшаяся большевистская агитация среди солдат не замедлила дать положительные результаты. 9 ноября, в день свержения Вильгельма II, германские матросы подняли на военных кораблях в Ревельском порту красные флаги. В Нарве немецкие солдаты убили своего полковника; 500 немецких солдат там же сложили оружие и покинули город.

В конце 1918 г., после капитуляции германских войск и ноябрьской революции в Германии, немецкие оккупанты вынуждены были оставить Прибалтику.

Но, уходя, немецкие грабители забирали всё, что не успели ещё вывезти.

Вот как красочно описывает один из очевидцев уход немецкой армии из Риги: «С раннего утра 2 января немецкие войска покидают Ригу. Длинной лентой тянутся они по бульварам к Митавскому шоссе...

Невольно вспоминается знаменитая картина Верещагина «Отступление великой французской армии из Москвы». Одета во что попало, укутанная в разное тряпье, вразброд и частью без оружия брела теперь эта... армия домой. Нечто невероятное делалось на повозках. Рядом с запасами продовольствия виднелся всякий домашний скраб, портьеры, драгоценные картины и т. д. Немцы небрезговали ничем. Все, что... отягощало отступление, тут же продавалось... Вечером огромное зарево поднялось над Ригой. Горел прекрасный театр, подождённый немцами... Всю ночь работали пожарные команды. Здание удалось отстоять, хотя все ценные декорации и костюмы погибли в огне»¹.

Немецкие громы не ограничились поджогом театра: они подожгли и элеватор.

В Либаве состоялись забастовка и демонстрация протеста с участием 10 тыс. населения города против вывоза немцами всего продовольствия.

III

Военное командование, стремясь удержать своё господство в Прибалтике, начало восстанавливать разогнанные им при оккупации марионеточные временные правительства и объявило Литву, Латвию и Эстонию «независимыми» республиками. Немецкие империалисты не отказывались от плана колонизации Прибалтики. Буржуазия Прибалтики, предпочитавшая господство германских империалистов власти советов, охотно пошла им навстречу.

В Латвии осуществление этих планов германским командованием было поручено «социалисту» Виннингу, прибывшему в Латвию

¹ Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны». Фонды III тома.

ещё в сентябре 1918 г. в качестве «германского генерального уполномоченного в Прибалтике». С его ведома и согласия местная буржуазия совместно с лидерами меньшевиков в Риге сформировала 18 ноября «народный совет». Латвия была провозглашена «независимой» республикой; во главе её правительства стал лидер кулацкого «крестьянского союза» Ульманис.

Виннинг заключил письменный договор с правительством Ульманиса о предоставлении прав гражданства в Латвии и о раздаче земли всем немецким добровольцам, которые изъявили согласие принять участие в борьбе против большевиков.

В Эстонии 11 ноября 1918 г., по соглашению с командующим оккупационными войсками ген. Зеккендорфом, возобновило свою деятельность разогнанное в феврале буржуазное временное правительство. Но это правительство могло существовать, только опираясь на немецкие штыки.

По соглашению с временным правительством, немецкий совет матросских и солдатских депутатов принял на себя «наблюдение за порядком» в Эстонии¹. Он согласился оставить в Нарве отряд оккупационных войск, чтобы не допустить эстонских красногвардейцев на родину. Этот совет снабдил эстонские белогвардейские добровольческие отряды необходимым вооружением, до броневиков включительно.

Литовская Тариба с разрешения оккупационных властей также образовала «собственное» правительство с Вольдемарсом во главе. Но марионеточные временные правительства существовали очень недолго. Причины недолговечности этих «правительств» с предельной глубиной вскрывает товарищ Сталин в своей статье «С Востока свет». «Эфемерность национальных «правительств» оккупированных областей,— говорит он,— объясняется не только их буржуазным характером, чуждым интересам рабочих и крестьян, но и, прежде всего, тем обстоятельством, что они являются простыми придатками оккупационных властей, что не могло не лишить их всякого морального веса в глазах широких слоёв населения. В этом смысле оккупационный период в развитии окраин, несомненно, сыграл свою положительную роль, разоблачив до конца гнилость и предательство национальной буржуазии»².

Под влиянием побед Великой Октябрьской социалистической революции в России борьба трудящихся Прибалтики за изгнание оккупантов и их агентов ещё больше усилилась.

Центральное бюро финляндской, эстонской, латвийской, литовской, белорусской и польской коммунистических партий выпустило воззвание к народам оккупированных областей, в котором призывало к решительной борьбе за восстановление советской власти.

12 ноября 1918 г. рабочие Ревеля вышли на демонстрацию под лозунгом «Долой бур-

жуазное временное правительство!» Демонстранты требовали от оккупационных властей вернуть народу отнятое у него имущество. Чтобы помешать германскому командованию вывезти народное достояние Эстонии, рабочие устраивали забастовки, отказывались выполнять распоряжения оккупационных властей.

На помощь трудящимся Эстонии пришли из России красные эстонские полки. 22 ноября под Нарвой они выдержали первые сражения с немецкими войсками. 28 ноября Нарва была занята красными частями. 29 ноября, по постановлению эстонского революционного комитета, было образовано советское правительство Эстонии, названное Эстонской трудовой коммуной.

29 ноября Эстонская трудовая коммуна выпустила манифест ко всем рабочим и крестьянам Эстонии, призывая их взяться за оружие для освобождения от немецких оккупантов и их агентов всей территории Эстонии.

Рабочие и крестьяне Эстонии откликнулись на призыв своего советского правительства и подняли знамя восстания. С оружием в руках они выступили против немецких захватчиков, за освобождение родной земли.

8 декабря 1918 г. Совет народных комиссаров торжественно провозгласил независимость Эстляндской советской республики³.

В связи с этим товарищ Сталин в статье «С Востока свет», писал, выражая мнение российского советского правительства: «В ответ на запрос эстляндского советского правительства Российское Советское правительство торжественно признало независимость Эстляндской Социалистической Республики. Нужно ли доказывать, что этот акт является долгом и обязанностью Российского Советского Правительства? Советская Россия никогда не смотрела на Западные области, как на свои владения. Она всегда считала, что области эти составляют неотъемлемое владение трудовых масс населяющих их национальностей, что эти трудовые массы имеют полное право свободного определения своей политической судьбы»⁴.

В декабре 1918 г. красные эстонские полки с боями заняли города Везенберг, Верро, Юрьев и важный узловой пункт Тапс. В районе Тапса белые оказывали упорное сопротивление.

20 декабря Юрьевский запасный батальон занял город. Отступив от Юрьева, белоэстонцы оставили 70 паровозов, 800 вагонов, много снарядов и вооружения. Население Юрьева радостно встречало советские войска. По пути следования красных частей к ним примыкали сотни добровольцев. Во всех очищенных от оккупантов и белогвардейцев районах восстанавливалась советская власть, начинали работать учреждения, фабрики и заводы.

Во всех государственных и общественных учреждениях снова слышалась эстонская речь, до того изгнанная немецкими оккупантами.

¹ Немецкий совет матросских и солдатских депутатов был создан в Ревельском порту 9 ноября, в день свержения Вильгельма II. Совет сотрудничал с эстонской буржуазией.

² «Правда» от 15 декабря 1918 года.

³ Там же.

⁴ Там же.

В середине декабря 1918 г. в Вильно и других городах Литвы была провозглашена власть советов. Было образовано временное рабоче-крестьянское правительство Литвы, которое возглавил старый, испытанный большевик Мицкевич-Капсукас. Буржуазное правительство бежало в Ковно, под защиту немецких войск. 16 декабря временное революционное правительство провозгласило Литовскую советскую социалистическую республику.

В манифесте временного революционного правительства Литвы сказано: «Именем восставших рабочих и беднейших крестьян Литвы, именем красноармейцев Литвы объявляем власть германской военной оккупации литовской Тарибы и всех других буржуазных национальных советов и комитетов низложенной. Вся власть переходит в руки советов рабочих, безземельных и малоземельных депутатов Литвы. Рабочие, безземельные и малоземельные депутаты Литвы! Пробил час освобождения от невыносимого гнёта оккупантов, унижения и нищеты. Пробил час освобождения вашего от векового гнёта помещиков, кулаков и капиталистов, которые на горе народном нажили себе огромные богатства... Мы уже не одиноки... Нам обеспечена всемерная поддержка рабоче-крестьянской Советской России. К нам спешат на помощь с развёрнутыми красными знамёнами наши братья-красноармейцы, сыны рабочих и крестьян нашей измученной, ныне освобождающейся Литвы. Окажите им дружеский, братский приём и вступайте в их ряды. Общими усилиями вы легче справитесь со своими угнетателями. Поднимайте же знамя восстания! Все пролетарии, без различия национальностей, к оружию! Всюду организуйте власть советов рабочих и малоземельных депутатов. Свергайте своих вековых угнетателей. Стройтесь в ряды Красной Армии Советской республики Литвы»¹.

16 декабря состоялось торжественное открытие Виленского совета рабочих депутатов. Совет принял текст приветствия Совнаркому РСФСР и Красной Армии Советской России.

В приветствии Совнаркому говорилось: «Совет Народных Комиссаров, возглавляемый испытанным вождем мирового пролетариата товарищем Лениным, служит путеводной звездой рабочему классу Литвы в развёртывающейся борьбе за полное своё освобождение»².

В приветствии, обращённом к Красной Армии Советской России, сказано: «Мы, рабочие Литвы, с величайшим восторгом следим за героической отвагой, проявляемой вами в борьбе против вооружённых сил контрреволюции. Также приветствуем тех рабочих и крестьян, сынов Литвы, кто вступил в ряды этой армии, жертвует своей жизнью во имя общего освобождения рабочего класса и, в частности, своих братьев, стонущих под игом тяжёлой оккупации»³.

Декретом от 21 декабря Совет народных комиссаров РСФСР признал независимость Литовской советской социалистической республики.

В середине декабря 1918 г. в Латвии была восстановлена советская власть. Трудящиеся Латвии под руководством большевиков Латышского края восстали с оружием в руках против оккупантов и их агентов — немецких баронов и латвийской буржуазии. К ним на помощь пришли латышские стрелковые полки. Население восторженно встречало их и приурочивало к моменту их прихода вооружённые восстания в городах. 17 декабря временное советское правительство рабочих, безземельных крестьян и стрелков Латвии опубликовало манифест, которым провозглашало свержение буржуазного временного правительства Латвии и восстановление власти советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов как в центре, так и на местах, согласно решению II съезда советов в Вольмаре, состоявшегося в декабре 1917 года.

Декретом от 21 декабря правительство РСФСР признало независимость Латвии. 19 декабря 1918 г. красные войска освободили от оккупантов и белогвардейцев город Валк, а 21 декабря — город Вольмар. Разбив под Вольмаром части немецкой «железной дивизии» и белогвардейские банды, латышские стрелки на плечах отступающего неприятеля ворвались в Венден и заняли его 23 декабря⁴.

В Либаве, которая была ещё занята немцами, 25 декабря была объявлена всеобщая забастовка с требованием передать власть рабочим. На вокзале состоялся большой митинг и был поднят красный флаг.

В результате боёв у Зегевольда и Хинценбрега (с 28 декабря 1918 г. по 2 января 1919 г.) латышские стрелковые полки прорвали германский фронт и 3 января вступили в Ригу, где восставшее население к тому времени фактически одержало победу. Советское правительство Латвии телеграммой от 5 января 1919 г. известило ВЦИК о победе пролетариата Латвии и приветствовало Советскую Россию и все братские республики.

13 января в Риге был созван I учредительный съезд советов Латвии. На съезде присутствовало 705 делегатов, среди них делегаты ещё занятых немцами Либавы и Виндавы.

С приветствием от РСФСР на съезде выступил председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета Яков Михайлович Свердлов «Я приветствую, — говорил Яков Михайлович, обращаясь к съезду, — от имени Центрального исполнительного комитета те десятки тысяч, которые своей кровью добыли эту свободу. В вашем лице я приветствую те массы, которые в борьбе за возвращение своих прав, лишённых бывшим германским империализмом, подготовили тот праздник, который мы празднуем сейчас. Товарищи, ни с одной другой частью мира мы не связаны так тесно, как мы связаны с красной Латвией...»

¹ «Красный архив» № 5 (102) за 1940 г., стр. 8 и 10.

² Там же, стр. 11.

³ Там же.

⁴ «Правда» от 26 декабря 1918 года.

Своим постановлением от 25 декабря прошлого года Центральный исполнительный комитет Советской России признал независимость Латвии. Но это не значит, что мы не попрежнему близки. Мы знаем хорошо, что те удары, которые падут на нас, будут встречены как с нашей, так и с вашей стороны: мощным контрударом — и каждый удар мы будем знать — как отразить»¹.

К концу января вся Латвия, за исключением Либавы и её окрестностей, была советской.

Постановлением от 25 декабря 1918 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет подтвердил постановление Совета народных комиссаров «о признании Социалистической Федеративной Советской Республикой независимости советских республик Эстляндии, Латвии, Литвы»².

«Пред лицом созданных революционной борьбой пролетарских и крестьянских масс советских республик Эстляндии, Латвии и Литвы, — говорилось в постановлении, — Центральный исполнительный комитет вновь подтверждает, что факт бывшей принадлежности этих стран к старой царской империи не налагает на них никаких обязательств и в то же время Центральный исполнительный комитет выражает твёрдую уверенность, что только ныне, на почве признания полной свободы самоопределения и перехода власти в руки рабочего класса, создаётся свободный, добровольный и нерушимый союз трудящихся всех наций, населяющих территорию бывшей Российской империи»³.

¹ «Красный архив» № 6 (103) за 1940 г., стр. 51.

² Там же, стр. 50.

³ Там же.

Признание советским правительством независимости стран Прибалтики ещё больше укрепляло дружбу народов Прибалтики с великим русским народом.

Всего несколько месяцев существовала советская власть в Прибалтике. В 1919 г. немецкие захватчики совместно с польскими панами, финскими контрреволюционерами и русскими белогвардейцами при помощи баронов и буржуазии Прибалтики задушили молодые советские республики Эстонии, Латвии, Литвы, залили их потоками крови. Но борьба трудящихся Прибалтики за советский строй никогда не прекращалась.

В июле 1940 г. осуществились чаяния народов Прибалтики: народные сеймы Литвы, Латвии и Государственная дума Эстонии с полного согласия народа провозгласили Литву, Латвию, Эстонию советскими социалистическими республиками и приняли декларацию о вступлении этих республик в состав Советского Союза.

Вероломное нападение немецко-фашистских полчищ временно приостановило социалистический расцвет прибалтийских советских республик. Могучей волной поднялись народы Прибалтики на борьбу против немецко-фашистских поработителей. Национальные части прибалтийских советских республик мужественно сражаются плечом к плечу с Красной Армией против немецко-фашистской армии. Беспощадную борьбу в тылу врага ведут партизаны.

Близится час, когда советская Прибалтика будет освобождена от фашистской нечисти и вернётся в братскую семью советских народов.

НАЧАЛО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДОНБАССА (1920 г.)

Д. Баевский

Величайшие трудности лежали на пути к восстановлению Донбасса и других районов, освобождённых Красной Армией в конце 1919 года. Зимой 1919—1920 г. особую остроту приобрёл топливный кризис. Советская Россия в то время почти совсем была лишена минерального топлива. В руках врага были Бакинские нефтяные промыслы и почти все остальные нефтеносные районы. Белогвардейцы и интервенты захватили Донбасс и угольные районы Урала и Сибири (осенью 1919 г. лишь часть последних была очищена от врага). Вне зоны военных действий находился только Подмосковский угольный бассейн, дававший всего 12% угледобычи всей страны. Ничтожная часть потребности в топливе покрывалась торфом и горючими сланцами. Основным видом топлива стали дрова, перевозка которых была крайне затруднена.

Зимой 1919—1920 г. москвичи и петроградцы в печках-«буржуйках» сожгли немало заборов. В ноябре 1919 г. в печати появилось сообщение, что Петроградский совет решил ускорить «ломку деревянных домов, от которых ожидается 60 тыс. кубических сажень топлива»¹. Из-за недостатка топлива закрывались или работали с перебоями фабрики и заводы. Нередко груженные топливом и продовольствием маршрутные поезда простаивали в пути по нескольку дней в ожидании подвоза дров или из-за отсутствия паровозов.

К началу 1920 г. по всем железным дорогам РСФСР было около 60% больных паровозов. На украинских железных дорогах после разгрома Деникина процент больных паровозов достигал 70.

Интервенты и белогвардейцы, в течение двух лет опустошавшие и разорявшие нашу страну, беспощадно разрушали транспорт. Из очищенных от Колчака районов Сибири Ленину сообщали, что на Томской железной дороге свыше 4 тыс. брошенных белогвардейцами вагонов находится в «многовёрстных лентах», что один железнодорожный путь превращён в «санную дорогу, образовавшую толстый слой уплотнённого снега над рельсами»². Превращённое в санный путь железнодорожное полотно, вернувшиеся к лучине и огниву деревни, потухшие домы, заброшенные шахты, огромные кладбища паровозов, горы трупов на железнодорожных станциях, опустошённые тифом сёла — вот результаты империалистической войны, блокады, интервенции и гра-

жданской войны. Хозяйственная разруха, порождённая вражеским нашествием, к началу 1920 г. превратилась в грозную опасность.

К тому времени, когда были разгромлены Колчак и Деникин, топливно-транспортный кризис создал угрозу полного паралича всей хозяйственной жизни. ЦК РКП(б), характеризуя хозяйственное положение страны в то время, писал в своём отчёте: «Паралич транспорта грозил бы нас погубить, несмотря на все победы Красной Армии»³. Ленин в письме от 6 февраля 1920 г. членам Совета обороны требовал принять срочные меры по налаживанию работы транспорта: «Положение с железнодорожным транспортом совсем катастрофично. Хлеб перестал подвозиться. Чтобы спастись, нужны меры действительно экстренные»⁴. ЦК РКП(б) мобилизовал для работы на транспорте 5 тыс. коммунистов и призвал всех большевиков, рабочих и крестьян «героическими усилиями добиться перелома»⁵ в работе транспорта.

Большевики-энтузиасты увлекали за собой тысячи трудящихся на трудовые подвиги. «Великий поин» коммунистов Московско-Казанской железной дороги, которые помогли государству самоотверженным трудом на субботниках, был подхвачен широкими массами трудящихся. Но для борьбы с хозяйственной разрухой надо было мобилизовать миллионы граждан на трудовой фронт в порядке всеобщей государственной повинности. Советское правительство в начале 1920 г. ввело всеобщую трудовую повинность, приступило к мобилизации квалифицированных рабочих, осуществило милитаризацию ряда отраслей народного хозяйства.

«Передышка» в первые месяцы 1920 г. позволила перебросить на трудовой фронт некоторые части Красной Армии. Для работы по перевозке, погрузке и разгрузке топлива и продовольствия были созданы трудовые армии.

Совнарком РСФСР по соглашению с Всеукраинским ревкомом 21 января 1920 г. принял решение создать в районе югозападного фронта украинскую трудовую армию. В решении говорилось, что председателем совета этой трудовой армии, состоящего из представителей ряда наркоматов и югозападного фронта, «назначается Особо уполномоченный Совета Рабочей и Крестьян-

¹ «Экономическая жизнь» от 12 ноября 1919 года.

² Центральный архив Октябрьской революции (ЦАОР), ф. 130, оп. 19, д. № 111а, лл. 40, 41.

³ Отчёт о деятельности ЦК РКП(б) с VIII до X съезда, стр. 20. М. 1921.

⁴ Ленинский сборник XXIV, стр. 62.

⁵ «Известия ЦК РКП(б)» от 2 марта 1920 года.

ской Обороны... член Совета Обороны тов. Сталин»¹.

Товарищ Сталин выдвинул первоочередную задачу — восстановить Донбасс. Этот важнейший промышленный район страны в 1913 г. давал 70,3% всего добывавшегося в России угля и 66,8% чугуна. В результате нашествия интервентов и белогвардейцев промышленность Донбасса пришла в упадок. К 1919 г. валовая добыча донецкого угля упала до 20%, а чистая добыча (без расхода на месте) — до 13% к добыче 1913 года. К моменту освобождения Донбасса от белогвардейцев и интервентов все доменные печи были потушены. В годы интервенции угольная промышленность непрерывно деградировала — крупные предприятия приходили в упадок, становились нерентабельными, уступая место мелким, полукустарным. Для поддержания своих силовых установок крупные шахты вынуждены были перейти на разработку «хвостов» угольных пластов при помощи мелких шахт — «журавок». Развивавшаяся при хозяйничании белогвардейцев спекуляция углем способствовала росту мелких шахт. Лишь за два летних месяца 1919 г. в районе станций Щербиновка, Никитовка и Магдалиновка возникло до 200 таких полукустарных шахт.

Белый террор, отсутствие продовольствия, одежды, обуви, задержка выдачи рабочим и без того низкой заработной платы вызвали усиленный отлив шахтёров из угольной промышленности. Это привело к падению добычи угля в той части Донбасса, которая входила в состав Екатеринославской губернии, с 20 млн. пудов в январе 1919 г. до 7 млн. пудов в апреле 1919 года. При отступлении деникинской армии значительная часть технического и административного персонала либо ушла с белыми либо была ими насильно увезена. К середине февраля 1920 г. 18 угольных районов, т. е. большая часть бассейна, не имели управления.

Совет украинской трудовой армии на одном из своих первых заседаний установил, что причинами продолжающегося падения добычи угля являются сокращение числа рабочих, недостаток продовольствия, обуви, одежды, технических сил, технических материалов (смазочных и осветительных, крепёжного леса и т. д.), недостаток денежных знаков для расплаты с рабочими, отсутствие партийно-политической работы, ненадежность работы районных административных центров и «отсутствие руковод-

ства производством в целом»². Для повышения добычи угля совет украинской трудовой армии наметил ряд экстренных мер. Первое его решение, вынесенное 18 февраля 1920 г., гласило: «В целях спасения крупных шахт от затопления, поддержания добычи угля предложить Ревсовету Юго-западного фронта организовать в трёхдневный срок маршрутный круговой поезд для доставки в Донбасс в порядке оперативной переброски денежных средств, смазочных и осветительных материалов, одежды и необходимых для данного момента работников»³.

Объяснение причин затопления шахт мы находим в ряде телеграмм, посланных Ленину из Донбасса в январе и первой половине февраля 1920 года. Председатель губернского революционного комитета Донбасса 20 января телеграфировал из Луганска: «Рабочие расходятся, шахты затопляются»⁴. В другой телеграмме, от 13 февраля, говорилось, что шахтёры не получают жалованья и продовольствия пятый месяц, что они буквально «разуты и раздеты».

Разруха на транспорте достигла больших размеров. В Донбассе в конце января и начале февраля 1920 г. составы с углем неделями стояли без движения, так как не было паровозов, а в Харькове в это время прекратили работу паровозостроительный завод и железнодорожные мастерские; даже депо работало с перебоями. И заработную плату шахтёрам приходилось в первое время привозить из Харькова на лошадях. Ещё трудней было доставлять горнякам продовольствие, обувь, одежду и необходимые для работы шахт материалы. Реввоенсовет юго-западного фронта сформировал круговой маршрутный поезд, который доставил материалы, необходимые для работы шахт. Наряду с этим рудничным паровозам было предоставлено право доезжать с угольными маршрутами до станций, где их ждали поезда с продовольствием для шахтёров. В конце февраля на станции Миллерово ожидали отправки в Донбасс 80 вагонов с продовольствием, на станции Чаплино — 48, в Мелитополе — 47, в Купянске стояли 2 состава с мукой, сахаром и другими продуктами.

Продовольственные перевозки для горняков совет украинской трудовой армии приравнял к военно-оперативным. Совет обязал смежные с Донбассом уезды, богатые продовольствием, снабжать его продуктами.

Донецкие шахтёры, в первую очередь забойщики, должны были обеспечиваться усиленным фронтным пайком. Совет украинской трудовой армии 27 февраля 1920 г. постановил выделить из запасов Красной Армии (Чусоснабарм⁵) несколько тысяч пар обуви, шинелей, гимнастёрок, белья и т. п.;

² «Экономическая жизнь» от 25 февраля 1920 года.

³ «Трудовая армия» от 5 марта 1920 года.

⁴ ЦАОР, ф. 130, оп. 19, д. № 696. 1920.

⁵ Чрезвычайный уполномоченный Совета обороны по снабжению Красной Армии.

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1920 год. Вып. 4—5, ст. 26.

в течение 3 месяцев (март, апрель и май) дать донецким рабочим дополнительно 80 тыс. комплектов красноармейского обмундирования; создать при Центральном правлении каменноугольной промышленности Донбасса Санитарное управление, которое должно было обеспечивать больницы шахтёрских посёлков медикаментами и медперсоналом; создать при Центральном правлении отдел военной связи и выделить две рабочие колонны связи для устранения оторванности районов Донбасса друг от друга.

Сталинская забота об улучшении условий жизни трудящихся Донбасса чувствовалась во всём — и в задании соответствующим строительным организациям немедленно приступить к ремонту рабочих жилищ, и в развёртывании культурно-просветительной работы силами армейских и местных организаций, и в открытии столовых для детей, детских садов, детских домов, домов отдыха и санаториев для рабочих, клубов и т. п.

Для усиления партийно-политической и культурно-просветительной работы среди рабочих и трудармейцев совет украинской трудовой армии поручил политотделу юго-западного фронта в недельный срок организовать при Центральном правлении каменноугольной промышленности политотдел.

Для перестройки работы Донбасса на военный лад совет украинской трудовой армии 20 февраля 1920 г. вынес постановление о милитаризации угольной промышленности. Для борьбы с нарушителями трудовой дисциплины и дезертирами трудового фронта был создан революционный трибунал угольной промышленности, в состав которого наряду с военными и хозяйственными работниками вошли представители профсоюза горняков.

Этим постановлением всё мужское население от 18 до 45 лет объявлялось трудообязанным. Учётом, распределением и перемещением трудообязанных должен был весть губернский комитет трудовой повинности при губвоенкомате.

Территория Донбасса входила в состав Харьковской и Екатеринославской губерний и области Войска Донского. Совет украинской трудовой армии 20 февраля 1920 г. объявил Донецкий бассейн «единой экономической и военно-административной единицей», а 15 марта вынес решение об образовании Донецкой губернии¹.

Товарищ Сталин считал, что восстановление промышленности Донбасса требует предоставления местным организациям больших прав и большей самостоятельности. Политотдел Донбасса должен был способствовать укреплению донецкой губернской партийной организации и соответствующих профсоюзных организаций, отнюдь не под-

меняя их. ЦК ВКП(б) для укрепления партийной работы в Донбассе систематически перебрасывал туда коммунистов из других губерний и направил на руководящую губернскую работу сначала тов. Артёма, а затем тов. Молотова. (Тов. Артём был председателем Донецкого губернского исполнительного комитета весной и летом 1920 г., а тов. Молотов — председателем губернского комитета партии осенью того же года.)

Ведущую роль в восстановлении угольной промышленности Донбасса играли квалифицированные рабочие. Товарищ Сталин считал первоочередной задачей «привлечь к промышленности новые силы»². Это означало в первую очередь рост числа шахтёров, особенно забойщиков. Только таким путём можно было увеличить добычу угля.

Одной из причин падения производительности труда в угольной промышленности Донбасса за годы хозяйничанья белогвардейцев в три с лишним раза по сравнению с 1914 г. было ухудшение структуры рабочих кадров. Процент забойщиков среди всего количества рабочих в Донбассе и в довоенное время был вдвое ниже, чем в угольной промышленности Англии и Германии³, а за годы интервенции этот процент снизился с 22 в 1916 г. до 14,2 к 1920 году. За годы первой империалистической и гражданской войн процент женщин и подростков среди шахтёров вырос вдвое. Многие квалифицированные и передовые шахтёры Донбасса либо погибли на фронте, либо находились в рядах Красной Армии, или на руководящей работе. Благодаря демобилизации шахтёров из Красной Армии и переброски их из других районов число забойщиков было увеличено с 13,9 тыс. в конце января 1920 г. до 18 тыс. в конце ноября 1920 года. При этом рост числа рабочих на поверхностных работах обогнал рост числа забойщиков и других подземных рабочих.

В Донбассе в 1920 г. была большая нехватка рабочих рук и на неквалифицированных работах, в особенности на подвозке угля к станциям и на погрузке его в вагоны.

Огромнейшее значение для всей страны в этот период имел вывоз угля из Донбасса, его охрана в пути и т. п. На этой работе в значительной мере были использованы красноармейцы и крестьяне, мобилизованные в порядке выполнения трудгужповинности.

В обращении к бойцам, командирам и политработникам прославленной в боях с Деникиным 42-й дивизии в связи с её переводом на трудовой фронт товарищ Сталин выразил уверенность, что они теперь будут самоотверженно и честно трудиться «для подвоза угля к станциям, погрузки его в вагоны и сопровождения угольных грузов до места назначения»⁴.

В феврале и отчасти в марте 1920 г. про-

¹ В состав Донецкой губернии вошла часть Изюмского, Купянского и весь Старобельский уезд, Харьковской губернии, Бахмутский, Луганский и Мариупольский уезды, Екатеринославской губернии, и весь Таганрогский уезд и часть Черкасского округа области Войска Донского.

² «Коммунист» (Харьков) от 21 марта 1920 года.

³ В Донбассе забойщики составляли 22,6% всего числа рабочих, в Руре — 45,9%, в Англии — 42%.

⁴ «Пролетарская революция» № 3 за 1940 г., стр. 164.

должались формирование и перегруппировка частей украинской трудовой армии. Как видно из телеграммы командования этой трудармии от 12 апреля 1920 г. в Москву Ленину и Сталину, два полка, предназначенных для работы в Донбассе, находились ещё в Моршанске и Козлове. Регулярную работу трудовые части в Донбассе начали в апреле.

Совет украинской трудовой армии сыграл огромную роль в восстановлении Донбасса в первые месяцы после его освобождения, главным образом в феврале и марте, когда совет работал под председательством товарища Сталина. Постановления совета в это время дают направление всей дальнейшей восстановительной работе в Донбассе в условиях гражданской войны.

Насколько быстро удалось достигнуть перелома в работе угольного Донбасса, об этом говорят цифры и факты. Улучшение положения рабочих, перемещение их внутри Донбасса, вербовка рабочей силы в губерниях, поставлявших рабочую силу в Донбасс, демобилизация забойщиков и крепильщиков из Красной Армии — всё это привело к росту числа шахтёров. Число их с 80 тыс. в январе 1920 г. возросло до 101 тыс. в марте и в дальнейшем продолжало непрерывно расти, в том числе и в весенние месяцы (апрель, май), когда обычно происходил отлив рабочих на сельскохозяйственные работы. Размер валовой и в особенности чистой добычи угля зависел прежде всего от работы забойщиков. Вот почему особенно важно, что число забойщиков возросло с 10 тыс. в январе 1920 г. до 15,7 тыс. в марте, т. е. более чем на 50%.

Валовая добыча возросла с 13 млн. пудов в январе до 24,2 млн. пудов в марте. Возросла и погрузка угля: в январе она не достигала 2 млн. пудов, а к марту поднялась до 12,7 млн. пудов. Таковы первые результаты проведённых мероприятий по восстановлению Донбасса, намеченных товарищем Сталиным.

Товарищ Сталин в своём докладе об экономической политике на IV Всеукраинской конференции КП(б)У 19—20 марта 1920 г. указал на расхлябанность органов управления промышленностью.

Линия Ленина — Сталина на укрепление государственной и трудовой дисциплины, усиление оперативности и военной подтянутости хозяйственных органов нашла отражение в решениях IX съезда РКП(б). Съезд одобрил такие экстренные меры, как мобилизация квалифицированных рабочих, массовые трудовые мобилизации, создание трудовых армий и введение политотделов на транспорте (Главполитпуть). Съезд принял единый хозяйственный план, в основу которого была положена идея возрождения нашей страны на основе передовой техники и в первую очередь на основе электрификации. Единый хозяйственный план намечал очередность восстановления различных от-

раслей народного хозяйства. Первоочередной задачей он признал «улучшение состояния транспорта, подвоз и образование необходимых запасов хлеба, топлива и сырья»¹.

Дальнейшая работа по возрождению Донбасса, этой «всероссийской кочегарки», проводилась на основе решений IX съезда РКП(б) и сталинских директив.

Вскоре после IX съезда РКП(б) в Донбасс вернулся тов. Артём, избранный председателем Донецкого губисполкома. Выступая на луганской районной партийной конференции в июне 1920 г., тов. Артём сказал, что первоочередная задача — восстановить угольную промышленность. Он говорил: «Нам нужно пустить 35 левиафанов, 35 крупных шахт — и они спасут промышленность; нужно за счёт мелких шахт-«мышеловок» снабдить крупные шахты всем необходимым, нужно закрыть частновладельческие мелкие шахты, ибо, продавая уголь по спекулятивным ценам, владельцы [этих] шахт переманивают к себе рабочих крупных шахт»².

Тенденция роста мелких шахт за счёт крупных наметилась ещё в годы первой империалистической войны. В условиях гражданской войны эта тенденция усилилась.

К моменту освобождения Красной Армией Донбасса значительная доля добычи угля падала на мелкие шахты, так как крупные шахты большей частью были затоплены, а частью работали «на дым», т. е. сжигали на рудниках почти всё, что добывали. Некоторые местные работники считали, что при острой нужде в топливе и трудности восстановления крупной промышленности надо поддержать более жизнеспособные мелкие частновладельческие предприятия. Но партия большевиков отвергла эту линию наименьшего сопротивления. Передовые рабочие поддержали установку партии и советского правительства на развитие крупной национализированной индустрии.

Съезд горнорабочих Донбасса в конце марта 1920 г. признал необходимым в первую очередь восстановить крупные национализированные предприятия. Он высказался за ликвидацию «рудников, созданных в последнее время на «хвостах» пластов, дающих уголь низкого качества, отвлекающих квалифицированных рабочих с крупных предприятий, за национализацию ряда средних предприятий, работающих не хуже крупных»³.

Промбюро ВСНХ в Харькове вынесло решение национализировать рудники, имеющие паровые установки или пользующиеся энергией других рудников, изъять их из ведения местных органов и подчинить Центральному правлению каменноугольной промышленности (ЦПКП). В то же время тесно связанные с рудниками металлургические и металлообрабатывающие заводы Донбасса бы-

¹ «ВКП(б) в резолюциях», стр. 337. М. 1936.

² «Известия Донецкого губкома РКП(б) и губисполкома» от 17 июня 1920 года.

³ «Коммунист» от 28 марта 1920 года.

ли подчинены Центральному правлению тяжёлой индустрии (ЦПТИ). Оба эти органа были подчинены двум различным главкам¹. По всем вопросам снабжения каждый из них обращался в свой главк, что порождало волокиту и наносило ущерб производству.

Для устранения этих отрицательных сторон IX съезд РКП(б) признал необходимым сочетать «вертикальный централизм по линии главков... с горизонтальным соподчинением предприятий по линии хозяйственных районов»². Выделение Донбасса в особую экономическую и военно-административную единицу и создание политотдела Донбасса способствовали уменьшению ведомственных трений и волокиты.

Политотдел Донбасса вместе с Донецким губкомом РКП(б) и губисполкомом должны были обеспечить такое руководство милитаризованными предприятиями, которое обеспечивало бы интересы советского государства и рабочего класса в целом, а не ведомственные, местные или цеховые.

Основной задачей политработников, партработников и всех большевиков Донбасса было подчинение всех сил и средств интересам фронта. Для выполнения донецкой промышленностью заданий правительства необходимо было выделить достаточное количество партийных работников и правильно расставить их на решающих участках.

Товарищ Сталин говорил на IV конференции КП(б)У, что одна из основных задач политработы в Донбассе — поставить снабжение Донецкого бассейна на военную ногу. В постановлении совета украинской трудовой армии о политической и просветительной работе говорилось, что политотдел должен вести учёт и распределение коммунистов в Донбассе, организовывать партийные ячейки на предприятиях и руководить их работой. За полгода (с 1 марта по 1 августа 1920 г.) через политотдел прошло 430 опытных политработников, которые были распределены потом по трудовым частям и милитаризованным предприятиям. В январе 1920 г. партийная неделя в некоторых районах Донбасса проводилась политотделами армии и дивизии. С марта по октябрь 1920 г. политотдел Донбасса организовал 116 партийных ячеек, в которых насчитывалось 2 тыс. членов партии.

Каждая новая партийная ячейка на шахте или заводе увеличивала сеть опорных пунктов партии и советского государства на фронте борьбы с разрухой. Партийные организации Донбасса были застрельщиками в борьбе за повышение производительности труда и восстановление разрушенного белогвардейцами хозяйства. По инициативе подрайонного комитета партии в Каменском районе была «пущена в ход брошенная при уходе белогвардейцев шахта. Работа на шахте производится под наблюдением и

руководством председателя комячейки»³, — писала в июне 1920 г. местная газета.

С ростом числа партийных организаций росло и движение помощи государству путём субботников. Политотдел Донбасса организовал в первый же месяц своего существования 10 субботников. На субботники обычно выходили все члены партии, увлекаемая своим примером тысячи беспартийных. Они давали стране дополнительную продукцию или дополнительное число погруженных вагонов с углём. Рабочие рудника «Екатеринодон» по инициативе парторганизации в один из праздничных дней вышли на субботник и погрузили для Луганского патронного завода 17 вагонов угля, «чтобы не оставить завод без угля»⁴. Это была прямая помощь фронту.

В Бахмуте в день 1 Мая участники всероссийского субботника исправили мосты и шоссе, сменили шпалы на железнодорожных путях, починили мебель в детских садах, отремонтировали несколько станков и погрузили 22 вагона соли. В Каменском районе участники субботников построили подъездной путь к шахте «Ольга». Так коммунисты увлекали за собой беспартийных на трудовые подвиги, так партия мобилизовала трудящихся на помощь фронту.

В момент решающих боёв с польскими империалистами Донецкая губернская партийная конференция в резолюции по докладу тов. Артёма о текущем моменте выдвинула первоочередную задачу — развернуть «широкую агитацию для поднятия всего трудящегося населения на священную, решительную, поголовную борьбу с иноземным нашествием»⁵.

Формы этой агитации были самые разнообразные. Газеты, плакаты, брошюры, «Окна РОСТА» (или печатная стенгазета УкрОСТА), кино, театры, концерты, беседы, митинги, рабочие собрания, беспартийные рабоче-крестьянские конференции — всё было поставлено на службу политическому просвещению и мобилизации трудящихся на борьбу за укрепление завоеваний Октябрьской социалистической революции, всё это вовлекало их в строительство советского государства.

Одной из форм политической работы были открытые партийные собрания с широким привлечением беспартийных рабочих.

Мобилизующая сила большевистской агитации заключалась в её правдивости и остроте. Партия прямо ставила перед рабочими вопрос о крайне тяжёлых условиях их труда. Товарищ Сталин в своём докладе от 7 ноября 1920 г. говорил о трудностях, «от которых нельзя отбиться и против которых нельзя спорить, но которые надо преодолеть»⁶.

И в Донбассе тогда приходилось преодолевать невероятные трудности. Нередки бы-

¹ Главки — главные управления отраслей промышленности при Высшем совете народного хозяйства.

² «ВКП(б) в резолюциях». Ч. I, стр. 331. М. 1940. 6-е изд.

³ «Известия Донецкого губкома РКП(б) и губисполкома» от 20 июня 1920 года.

⁴ Там же, от 27 июня 1920 года.

⁵ Там же, от 8 июля 1920 года.

⁶ Ленин — Сталин, Т. II, стр. 330.

ли перебои с продовольствием. Это объяснялось плохой работой транспорта и постоянными налётами махновских банд, которые срывали хлебозаготовки, убивали продработников.

Трудно было обеспечить рабочих даже такой обувью, как чуни из пеньки. Здесь уместно напомнить, что в числе предметов обмундирования, отпущенных в феврале 1920 г. с армейских складов по постановлению совета трудовой армии, были и... лапти. Трудармейцы в Донбассе нередко грузили уголь, надев на босую ногу деревянные колодки.

Зная о том, какие лишения и жертвы несут красноармейцы на фронте, горняки и металлисты в трудных условиях того времени старались дать армии всё необходимое. Рабочие Енакиевского металлургического завода писали в своей резолюции: «Обещаем не отставать в нашей государственной работе от братьев красноармейцев на фронте»¹. Большинство рабочих Донбасса самоотверженно трудилось и преодолевало все трудности.

Применение репрессивных мер по отношению к дезертирам трудового фронта встречало поддержку всех честных тружеников Донбасса. Введение твёрдого порядка и дисциплины на предприятиях было в интересах государства и самих рабочих. Товарищ Сталин 20 марта 1920 г. на IV Всеукраинской партийной конференции говорил: «Рабочие милитаризации не боятся потому, что лучшим рабочим надоело отсутствие порядка»². И действительно, рабочие возмущались тем, что в Донбассе некоторые квалифицированные рабочие не занимаются производительным трудом на шахтах, а стали кустарями, спекулянтами и т. п. Съезд горнорабочих Донбасса в конце марта 1920 г. признал необходимым повышение трудовой дисциплины, привлечение к производительному труду квалифицированных рабочих и милитаризацию угольной промышленности Донбасса при «активной поддержке передовых рабочих, при посредстве и через местные отделы производственного союза»³.

Всеукраинское совещание металлистов в мае 1920 г. также высказалось за решительные меры борьбы с нарушителями трудовой дисциплины и предложило шире применять товарищеские дисциплинарные суды⁴.

В Юзовке дисциплинарный товарищеский суд рудников приговорил рабочего, отказавшегося выйти на сверхурочную работу, к принудительным сверхурочным работам в течение 12 дней, по 2 часа ежедневно. Этот факт показывает, как рабочие и их профессиональные союзы боролись с нарушителями трудовой дисциплины.

Совет украинской трудовой армии в постановлении «О милитаризации угольной

промышленности» поручил хозяйственным и профсоюзным организациям установить нормы выработки для шахтёров и обязательное количество выходов на работу. В качестве меры воздействия на не выполняющих нормы и нарушающих трудовую дисциплину это постановление вводило лишение (полное или частичное) их пайка и привлечение к судебной ответственности.

Совет трудовой армии постановлением от 20 февраля 1920 г. создал в Донбассе губернской и районные комитеты по трудовой повинности (комтруды), которые вели учёт квалифицированных рабочих, ведали распределением рабочей силы и массовыми мобилизациями неквалифицированной рабочей силы. Луганский районный комитет по трудовой повинности в своём приказе писал, что прогулявшие один день будут подвергнуты аресту на 7 суток в административном порядке. За более серьёзные нарушения постановления о милитаризации виновные подлежали суду революционного трибунала. Товарищ Сталин говорил, что этот судебный орган создан «для тех дезертиров труда, которые не выполняют норм выработки и готовы из своих личных интересов продать Украину и Россию»⁵.

В енакиевской газете было опубликовано сообщение о том, что революционный трибунал трудовой армии, рассмотрев дело машиниста Щербиновского рудника Огаркова, занимавшегося спекуляцией скотом и мясом и уклонявшегося от работы по специальности, приговорил его как шкурника и дезертира трудового фронта к высшей мере наказания — расстрелу⁶. Все честные рабочие одобрили этот суровый приговор.

Иногда выездная сессия трибунала происходила на предприятиях. Такое открытое судебное заседание на одном из заводов Дебальцева привлекло почти всех рабочих завода. Своими показаниями рабочие помогли разоблачить провокатора Савинкова, не раз пытавшегося сорвать мероприятия советской власти для помощи фронту. Так рабочие помогали вести борьбу с дезорганизаторами тыла Красной Армии.

Напряжённая борьба против панской Польши и барона Врангеля не мешала работе по восстановлению Донбасса. В мае и июне, когда на западном фронте шли напряжённые бои, из Красной Армии были демобилизованы и направлены на работу в Донбасс 1265 горняков. В течение первой недели мая в среднем ежедневно на погрузке угля было занято 707 красноармейцев, в третью неделю — до 1225, затем это количество несколько снизилось, но в июне снова ежедневно на погрузке работало до тысячи человек.

Общее количество погруженного угля возросло с 12 тыс. пудов в марте до 18 тыс. пудов в июне. Следовательно, срыв «передышки» белополяками не помешал росту погрузки столь необходимого стране донецкого угля.

Показательным является также рост добычи угля в летние месяцы 1920 года.

¹ «Путь советов» от 20 августа 1920 года.

² «Коммунист» от 25 марта 1920 года.

³ Там же, от 28 марта 1920 года.

⁴ 14 ноября 1919 г. Совнарком РСФСР принял Положение о дисциплинарных судах,

⁵ «Коммунист» от 25 марта 1920 года.

⁶ См. «Путь советов» от 26 августа 1920 года.

В Донбассе и в мирное время (до 1914 г.) кривая добычи давала в апреле сильное снижение, затем в мае небольшое повышение, за которым в июне, июле и августе снова следовало падение добычи в связи с уходом рабочих на полевые работы. В 1920 г., после снижения в апреле кривая добычи в мае и июне снова идёт вверх, достигая 25,6 млн. пудов. Наиболее показательны данные о добыче угля осенью 1920 г., во время наступления врангелевских войск. В сентябре Врангель занял Бердянск и Мариуполь. В октябре бои шли в районе Никополя и Каховки, Синельникова и Мелитополя. В ноябре, после ожесточённых боёв у Перекопа, врангелевские войска были разгромлены.

Приближение неприятеля вызвало приостановку работы части предприятий, ухудшилось снабжение рудников и заводов. И всё же, наперекор врагу, добыча угля в Донбассе продолжала расти. С 25 млн. пудов в сентябре она повышается до 30 млн. пудов в октябре и в декабре достигает 31,8 млн. пудов. В обстановке гражданской войны, хозяйственной разрухи и неисчислимых трудностей добыча донецкого угля за 11 месяцев возросла почти в 2,5 раза. Таким образом, сила народного противодействия разрухе оказалась несравненно больше, чем сила разрушительного действия врагов Советской России.

После захвата Деникиным Курска Ленин писал: «Пример Петрограда доказал, что у нас добавочные силы есть»¹. И у донецких шахтёров опасность потерять всё завоеванное вызвала новый подъём энергии, породила новые трудовые подвиги. Шахтёры не только писали в своих резолюциях, что нельзя отставать от братьев-красноармейцев.—они на деле вступили в благородное соревнование с героями фронта.

В дни напряжённой борьбы с Врангелем, угрожавшим вернуть рабочих Донбасса под ярмо белогвардейщины, шахтёры совершили немало трудовых подвигов. В Енакиеве, на руднике № 56 Южного общества, 2 ноября 1920 г. возникла угроза приостановки добычи угля из-за обледенения ствола, по которому ходила клеть с рабочими. Тогда забойщики и плотники, «плохо одетые, без бурок, работали круглые сутки не раздеваясь, только меняясь для обогрева. Они привели в порядок ствол, и 3 ноября смена

пошла на работу»². В газете «Путь советов» в октябре 1920 г. была помещена заметка одного рабочего о забойщике Нилове, который за месяц выдал 13 тыс. пудов угля вместо 250—300 пудов по норме, несмотря на то что работал в очень тяжёлых условиях. Заметка заканчивалась словами: «Побольше Ниловых, и тогда никакие Врангели нам не будут страшны»³.

И те, кто шёл на штурм Перекопа, и те, кто творил чудеса трудового героизма на рудниках и заводах, были воодушевлены одним желанием—скорее добить врага и освободить свою страну от его полчищ.

Тщетны были попытки империалистов поработить и обессилить нашу родину: Россия к концу гражданской войны стала и более независимой и более могущественной, чем была в начале первой мировой войны. Товарищ Сталин в своём докладе 7 ноября 1920 г., подводя итоги первому трёхлетию существования советской власти, сказал: «И вот, за этот период Россия, пройдя огонь и бурю, выковалась в величайшую социалистическую державу мира»⁴.

Враги Советской России сделали всё, чтобы опустошить, разорить и сбросить её в бездну нищеты. Они думали, что из этой бездны она без посторонней помощи не выберется. Но империалистические захватчики снова просчитались: без их помощи было построено мощное социалистическое хозяйство.

Прошло несколько лет после гражданской войны, и на обломках старого Донбасса иностранных акционеров с его примитивной техникой и землянками шахтёрских посёлков вырос социалистический Донбасс с его высокой культурой труда и быта. На шахтах «Ирмино», где в 1919 г. горняки вручную откатывали вагонетки с углем на целую версту, в 1936 г. зародилось стахановское движение советских людей, овладевших передовой техникой.

И восстановление Донбасса после очищения его от интервентов и деникинцев и возрождение Донбасса, освобождённого Красной Армией от немецких захватчиков в наши дни,—являются ярким свидетельством того, что Ленин и Сталин создали государство, силы которого неисчислимы.

² «Путь советов» от 8 ноября 1920 года.

³ Там же, от 30 октября 1920 года.

⁴ Ленин — Сталин. Т. II, стр. 330.

¹ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 473.

ОБ ОДНОЙ ФАШИСТСКОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ОСЕТИН

Проф. Д. Кокиев

Задолго до первой мировой войны, когда в среде русского дворянства и буржуазии считалось хорошим тоном приглашать домашних учителей из-за границы, в Россию приехал из Германии некто Карл Ган. В Петербурге и в Москве ему было сделано несколько весьма выгодных предложений занять место домашнего учителя. Но Ган, сославшись на свои немолодые годы, скромно отклонил эти предложения и шумным столичным городам предпочёл провинциальный Тифлис. Попечитель Кавказского учебного округа Рудольф назначил Гана преподавателем латинского языка в Тифлисскую мужскую гимназию. Так немец Карл Ган начал свою педагогическую деятельность, которую он искусно совмещал со шпионской работой в пользу германской разведки. Ган ни у кого не вызывал никаких подозрений. Напротив, о нём сложилось мнение как о скромном, любознательном и преданном человеке.

Однако накануне первой мировой войны Ган неожиданно для всех уехал в Германию и в Россию больше не вернулся. Тогда же стало известно, что Ган был крупным германским шпионом, который четверть века доставлял германской разведке важные сведения о Кавказе.

Одновременно с педагогической и шпионской деятельностью Ган занимался и «научной» работой. Он перевёл на русский язык и издал в 1890 г. два тома «Известий древних греческих и римских писателей о Кавказе», которые, кстати сказать, в силу низкого качества перевода и грубых искажений подлинника не получили признания в научном мире.

Особое внимание Ган уделял изысканиям в области истории, этнографии и лексики народов и племён Кавказа. Наибольший интерес представляет одна из его последних работ¹, в которой он пытается «теоретически» обосновать притязания германского империализма на Кавказ. Ган взял на себя неблагодарную задачу — доказать «арийское происхождение» некоторых кавказских народов, в частности осетин. В доказательство этнического родства осетин с германцами Ган приводил два осетинских термина — «qig» (корова) и «fus» (овца). Ссылаясь на фонетическое созвучие этих слов с немецкими словами «Kuh» и «Schaf», он заявляет, что «осетины очень близки к германским народам». Затем Ган приводит термин «bonarius»,

употребляющийся в старых германских и французских актах в значении меры земли, и сближает его с осетинским «bon-ganda», означающим участок земли такой величины, какой можно вспахать одним плугом за один рабочий день.

На основании приведённых осетинских терминов, которые в известной мере фонетически созвучны немецким словам того же значения, Ган заявлял: «Не подлежит никакому сомнению, что осетины как в своём языке, так и в своих нравах и обычаях имеют много общего с древними германцами»².

Между тем крупнейший осетиновед академик В. Ф. Миллер сближал осетинский язык не с немецким, а с иранским языком.

На основании новейших исследований осетинского языка осетин относят к числу древнейших обитателей Кавказского перешейка и увязывают их с кавказским яфетическим миром. Значительный интерес в этом отношении представляют новейшие исследования В. И. Абаева. На основе изучения языка и материальной культуры осетинского народа тов. Абаев приходит к такому выводу: «Если в отношении языка мы можем назвать осетин яфетидами лишь отчасти, то в других отношениях перед нами типичный кавказский яфетический народ»³.

Крупнейший учёный нашего времени академик Н. Я. Марр на основании этнических и лингвистических данных относит осетин к коренному яфетическому населению Кавказа. «Общность многих материальных, языковых и бытовых явлений осетин, — пишет акад. Марр, — склоняет к положительному ответу на вопрос об этнической принадлежности их к коренному населению Кавказа, т. е. к яфетидам, несмотря на иранскую природу их родной речи»⁴.

Однако если акад. Н. Я. Марр ещё не разрешил вопроса о том, кто такие осетины по своему происхождению — яфетизированные иранцы или иранизированные яфетиды, — то сейчас, благодаря новейшим исследованиям осетинского языка, на этот вопрос можно ответить более определённо. Научный анализ осетинского топонимического материала дал тов. Абаеву возможность установить мощный субстратный слой, лежащий за пределами современного осетинского языка и принадлежащий какой-то более

² Hahn K. Op. cit., S. 178.

³ Абаев В. К характеристике современного осетинского языка. Яфетический сборник. Т. VII, стр. 79. Ленинград. 1932.

⁴ Марр Н. Племенной состав населения Кавказа, стр. 24. Птгр. 1920.

¹ Hahn K. Neue, Kaukasische Reisen und Studien. Leipzig. 1911.

ранней общественности, в которой следует видеть яфетическую общественность.

Тот же автор в другом месте своего труда¹ делает интересные изыскания, открывая различные языковые наслоения и устанавливая процентное соотношение между ними. Результат этих изысканий таков: иранский элемент в осетинском языке составляет всего 20%; заимствования из наиболее распространённых языков Передней Азии — арабского, турецкого и грузинского — тоже 20%. Остаются ещё 60% осетинского словаря, которые не подверглись лингвистическому анализу. Этот пока не разъяснённый языковой материал, по видимому, относится к яфетической общественности. Яфетический элемент в осетинском языке является первичным и доминирующим, и, следовательно, осетины — не яфетизированные иранцы, а иранизированные яфетиды. Поэтому необходимо пересмотреть в свете новых научных данных устаревшую точку зрения, которая утвердилась в дореволюционной лингвистической науке и по которой осетины признавались «чистыми» иранцами.

Наличие в осетинском языке иранских слов и фонетическое сходство самоназвания осетин «ирон» со словом «иран» давали индоевропейской лингвистической школе некоторые основания считать осетин «чистыми» иранцами. Но, как уже указывалось, иранский элемент в осетинском словаре составляет всего 20%. Что касается сближения самоназвания осетин «ирон» со словом «иран», то после того, как акад. Марр разъяснил самоназвание осетин «ирон»², вопрос о праве сближать эти два термина снимается.

Таким образом, вопреки облыжным утверждениям Гана, осетины ничего общего не имели с древними германцами. По своему языку и культуре они являются представителями кавказского яфетического мира.

Несостоятельная и антинаучная точка зрения о германизме осетин была позаимствована Ганом у своего предшественника немецкого барона Гакстгаузена.

Барон Август фон Гакстгаузен изложил свою «теорию» в работе «Закавказский край», явившейся результатом его поездки на Кавказ и изданной на русском языке в 1857 году.

В предисловии к первой части своей работы Гакстгаузен пишет: «В этом сочинении изложены два предмета, заслуживающие особенного внимания и дальнейшего исследования: во-первых, сходство и родство поколений, заметное между иравами, обычаями и образом жизни осетин и древних германцев, и, во-вторых, важное место, занимаемое теперь армянскою областью»³.

Поскольку Гакстгаузен является автором «теории» арийского происхождения осетин, следует несколько подробнее остановиться на доводах, которыми он аргументирует

свою «теорию». Доказательством этнического «родства» предков современных осетин и древних германцев для Гакстгаузена служит совпадение форм некоторых предметов домашнего обихода, форм орудий сельского хозяйства и сходство в некоторых обычаях осетин и немцев. Наблюдая осетинский очаг, Гакстгаузен отмечает, что у осетин в «поперечное бревно вбит железный крюк, на котором висит котёл, точно так же как в крестьянских домах Германии, в Вестфалии и Нижней Саксонии». Кроме того Гакстгаузен обнаружил в осетинском доме «деревянные треножники вроде тех, какие употребляют вестфальские крестьяне при доении коров». В том же осетинском доме Гакстгаузен видел, что «на одной стороне скамьи лежит выдолбленная из дерева квашня, точно такая, какая употребляется крестьянами в Северной Германии».

В осетинском способе варения пива и печения хлеба в золе Гакстгаузен видит «решительный характер Германии». Такой же «решительный характер Германии» Гакстгаузен усматривает в некоторых сельскохозяйственных орудиях осетин. «Из земледельческих орудий, — пишет Гакстгаузен, — я заметил плуг, какого не встречал у прочих кавказских народов, устройство его напоминает мекленбургскую соху. Я также видел там обыкновенные немецкие грабли, которых нет в прочих кавказских странах»⁴.

В обрядно-бытовой области Гакстгаузен также находит некоторое сходство между осетинами и германцами. Он сравнивал осетинский свадебный обряд с немецким.

Устанавливая, наконец, аналогии в обычном праве осетин и германцев, Гакстгаузен пишет, что «у осетин примирительные и третейские суды существуют точно так же, как у германских племён»⁵.

Если не принимать во внимание другие аргументы, вроде того, что осетины «имели неуклюжую и человкую походку немецких крестьян», мы исчерпали все доводы Гакстгаузена, которые легли в основу его «теории», этнически сближающей осетин с германцами.

Гакстгаузен из всех кавказских горцев удостоил своим вниманием только осетин, избрав их предметом своих «научных» наблюдений. Но если бы Гакстгаузен удосужился познакомиться, хотя бы по литературным данным, с бытом и нравами других горских народов Кавказа, он легко убедился бы в недоброкачественности своих аргументов и в несостоятельности основанной на них нелепой и антинаучной «теории» арийского происхождения осетин.

Все примеры, приводимые Гакстгаузенем из быта осетин, не имеют ничего специфически осетинского. Всё это имеет место в быту всех горцев Северного Кавказа. Устройство осетинского очага — пристенного или среднего — ничем не отличается от устрой-

¹ Яфетический сборник. Т. VII, стр. 70.

² Марр Н. Избранные работы. Т. I, стр. 328. Ленинград. 1933.

³ Гакстгаузен А. Закавказский край. Ч. I, стр. 7. СПб. 1857.

⁴ Гакстгаузен А. Указ. соч. Ч. II, стр. 88.

⁵ Там же, стр. 106.

ства чеченского, ингушского, кабардинского, балкарского и карачаевского очагов. Треножник, квашня, грабли, соха, выпечка хлеба в золе, пивоварение, обряд, связанный с приходом невесты в дом жениха, процедура примирения кровников, наконец, третейский суд — все эти бытовые черты, рассматриваемые Гакстгаузенем как нечто специфически осетинское, являются общегорскими особенностями. Следовательно, если признать приводимые Гакстгаузенем бытовые параллели между осетинами и германцами сколько-нибудь основательными для доказательства якобы существующей этнической близости осетин и германцев, неизбежно встаёт вопрос о распространении «арийской теории» и на других горцев Северного Кавказа, поскольку и в их быту есть сходные с осетинами особенности. Но Гакстгаузен, боясь оказаться в смешном положении, ограничил свои «изыскания» осетинами. Он решительно заявляет, что «осетины происходят от готских и других германских племён, вероятно, разбитых гуннами и оставшихся в горах Кавказа»¹.

Таким образом он делает вывод, что территория, ныне занимаемая осетинами в Центральном Кавказе, есть колыбель европейских народов и в первую очередь германских племён.

«Краткие замечания эти,— пишет Гакстгаузен,—кажется, достаточны, чтобы обратить внимание на колыбель и родину европейских народов. Страна оссов, или осетин, была точкой отдохновения, а осетины — оставшие братья этих народов»².

Если исключить политические мотивы, лежащие в основе «теории» Гакстгаузена, то покажется смешным делать вывод об этническом «родстве» осетин и германцев на основании «доказательств» Гакстгаузена, ничего общего с наукой не имеющих. Никому не придёт в голову на основании поразительного сходства быта у народов Кавказа — совершенно разных по происхождению и языку.— рассматривать их как один народ.

Кавказская этническая среда, выработанная на протяжении столетий общую материальную и духовную культуру, но в то же время представляющая собой исключительное разнообразие, является ярким доказательством бесспорности слов товарища Сталина о том, что «исторические параллели всегда рискованны»³.

Одинаковый быт может быть у народов, не имеющих между собой никакой этнической близости, так как «на основе одной и той же формации всегда возникнут одни и те же характеры, одни и те же особенности»⁴.

¹ Гакстгаузен А. Указ. соч. Ч. II, стр. 117.

² Там же, стр. 123.

³ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г., стр. 6. Партиздат. 1937.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 374.

Одинаковый быт обусловлен одинаковыми социально-экономическими условиями, ибо, как указывает Маркс, «весь внутренний строй самой нации зависит от степени развития её производства и её внутреннего и внешнего общения»⁵. Более того, «даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми сублиматами [продуктами] их материального жизненного процесса, который может быть установлен на опыте и который связан с материальными предпосылками»⁶. Отсюда ясно, что доводы, которыми оперировали Гап и Гакстгаузен в обоснование «теории» германского происхождения осетин, при полном отсутствии других, более серьёзных данных не могут быть признаны убедительными. В самом деле, как можно приводить в качестве научного довода для доказательства этнической близости осетин и немцев «неуклюжую и неловкую» походку осетина, которая Гакстгаузену почему-то напоминает походку немецкого крестьянина? Все другие «аргументы» Гакстгаузена, которыми он пытается «обосновать» немецкое происхождение осетин, по своей научной убедительности стоят не выше «неуклюжей и неловкой» походки осетина.

Гакстгаузен в середине XIX в. имел большое влияние на формирование так называемой восточной ориентации германского империализма. Он был идеологом и теоретиком экспансии промышленного капитализма Германии на восток. Именно поэтому Гакстгаузен так упорно отстаивал «теорию» германского происхождения осетин и взял на себя неблагоприятную задачу «обосновать» её негодными средствами. Его «теория» послужила обоснованием требований группы германских империалистов об отторжении от России областей, лежащих к северу от Чёрного моря.

На «теории» Гакстгаузена об «арийском происхождении» осетин, как не выдерживающей никакой научной критики, в другое время и при других обстоятельствах не стоило бы и останавливаться. Но поскольку немецкие фашисты выкинули расистский лозунг «Арийцы всех стран, соединяйтесь!», постольку разоблачение этой, с позволения сказать, «теории» Гакстгаузена и его последователей приобретает сейчас политическое значение.

«Теория» Гакстгаузена никогда не пользовалась популярностью в научном мире. Представители передовой осетинской интеллигенции считали её просто заблуждением. Так, на замечание автора учебника географии России — Михаила Мостовского,—будто осетины имеют «по физиономии, языку и образу жизни большое сходство с германскими народами», известный осетинский народный поэт, революционный демократ Коста Хетагуров ещё в 1901 г. отвечал, что «сходство осетин с германскими народами по физиономии, языку и образу жизни — уже отжившее

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 11.

⁶ Там же, стр. 17.

свой век заблуждение»¹. Но зато эту «теорию» Гакстгаузена подхватили осетинские буржуазные националисты, выходцы из осетинской помещичье-кулацкой верхушки, идеологами которых были А. Кодзаев, Ваню и Г. Баев, эмигрировавший после Октябрьской социалистической революции в Германию, а с приходом фашистов к власти преподававший в Берлинском университете осетиноведение.

Эти, с позволения сказать, осетинские «историки» из буржуазно-националистического лагеря пытались доказать без каких-либо оснований, что «осетины были некогда многочисленным и могущественным народом, расселённым по всем трём частям Старого Света»².

С голословным утверждением Кодзаева, извращающего действительные территориальные границы древних осетин, являющихся аборигенами Кавказского перешейка, перекликается и «История Осетии», автор которой благоразумно скрыл свою настоящую фамилию под псевдонимом «Ваню». Ваню также «расселяет» осетин по всему Старому Свету, доводит их территории на востоке до Памира, кольцом охватывает ими Иранское плоскогорье, «занимает» Индию и Индокитай, а на западе осетинами «колонизирует» Грецию, Карпаты, Италию, Испанию, верховья Рейна, Фракию и Скандинавию³. Мнимый «захват» древними осетинами громадных территорий Ваню объясняет тем, что «сильный и могущественный народ всегда стремится к захвату у менее сильных соседей того, в чём он ощущает нужду», а потому «предки осетин, будучи сильным и могущественным народом, вышли за пределы своих первоначальных границ, которые перестали их удовлетворять, и завоевали себе обширные территории»⁴.

Тот же «осетинский империализм», но в более скромных территориальных границах проводится в работах белоэмигранта и апологета германского фашизма Г. Баева, который считает всё нагорье и всю Северокавказскую равнину — от Дарьяла и устья Терека до верховьев Дона и Кубани — территорией осетин⁵.

Чтобы обосновать господствующее положение осетин среди окружающих их народов, буржуазные националисты, фантазируя и извращая историческую действительность, пытались доказать культурную роль осетин в таких странах, в которых пребывание предков осетин невозможно доказать. По словам Ваню, «впервые огонь изобрели предки современных осетин, вследствие чего они пользовались преимуществом перед другими малыми и большими народами мира», а так-

же будто бы «в Месопотамию высокую культуру впервые внесли предки осетин, превратившие названную страну из дикой и мёртвой пустыни в цветущий, вполне пригодный для жизни человека край»⁶. Едва ли нужно доказывать абсурдность всех этих измышлений. Известно, что «уже доисторические люди знали практически, что трение порождает теплоту»⁷ и что «практическое открытие превращения механического движения в теплоту так старо, что от него можно считать начало человеческой истории»⁸.

После Великой Октябрьской социалистической революции буржуазные националисты вместе со своей идеологией сошли с исторической сцены. Казалось, что «теория» о германизме осетин забыта. Однако с приходом к власти фашизма в германской историографии научные исследования заменяются предвзятой угодливой апологетикой. Фашистские лжеисторики перетряхивают, как правильно указывал тов. Димитров, «всю историю каждого народа для того, чтобы представить себя наследниками и продолжателями всего возвышенного и героического в его прошлом»⁹. Они вновь извлекли нелепую «теорию» Гакстгаузена и решили пустить её в ход. Им неважно, правильна или неправильна та или другая теория, а важно то, полезна она для фашизма или вредна, удобна или неудобна, согласуется с захватническими планами фашизма или нет.

Из авторов, вновь отстаивающих в фашистской Германии «теорию» Гакстгаузена об арийском происхождении осетин, следует упомянуть Фридриха Риша, который в комментариях к «Истории монголов» Иоанна де Пиано Карпини¹⁰ называет осетин потомками древних готов. Ришу хорошо известны древние известия арабских, еврейских, итальянских, грузинских и армянских источников, которые полностью опровергают «арийское происхождение» осетин. Ему хорошо известно и капитальное исследование французского ориенталиста Вивиена де Сен-Мартена¹¹, который достаточно убедительно доказывает, что предки осетин происходят из древней Согдианы (VII в. до н. э.), географическое положение которой приблизительно соответствует местонахождению Аральского моря в Западном Казахстане.

Среди фашистских лжеисториков, выполняющих социальный заказ фашизма, видное место занимает некий проф. Вольфганг Шульц, который опубликовал в издаваемом Альфредом Розенбергом журнале «Национал-социалистический Monatshefte» статью, посвящённую характеристике древних гер-

¹ Газета «Северный Кавказ» № 72 за 1901 год.

² Кодзаев А. Древние осетины и Осетия, стр. 1. Владикавказ. 1903.

³ См. карту расселения осетин, приложенную к книге Ваню «История Осетии». Владикавказ. 1913.

⁴ Ваню. История Осетии (на осетинском языке), стр. 13.

⁵ Прелислобие Баева к «Песне об Аллузе», стр. 14. Берлин. 1922.

⁶ Ваню. Указ. соч., стр. 14.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 495.

⁸ Там же, стр. 569.

⁹ «Правда» № 215 от 6 августа 1936 года.

¹⁰ Carpini J. Geschichte der Mongolen und Reisebericht. 1845—1847. Leipzig. 1930.

¹¹ Vivien de Saint Martin. Etudes de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique. Paris. 1850.

манцев. В этой статье Шульц из всех кавказских народов только осетин «осчастливил» правом считаться арийцами.

Фашистские псевдоучёные проявляют повышенный интерес к изучению истории осетин. Они издают книги по осетиноведению. Предатель осетинского народа Гаппо Баев в продолжение ряда лет читал в Берлинском университете специальные курсы по истории, языку и этнографии осетин.

Осенью 1942 г., когда фашистские орды захватили Центральный Кавказ, немецкое командование рассчитывало через Осетию выйти на Военно-Грузинскую дорогу, ведущую в Закавказье и к Баку. Значительная часть плоскостной Осетии, расположенной по левому берегу Терека, была захвачена фашистскими ордами. Немецкое командование уже не сомневалось в близкой победе.

Но горцы рассуждали иначе.

Охваченные единым патриотическим порывом, горцы, верные славным боевым традициям своих предков, решили отстоять свою родину. И в самый критический момент, когда головные части германских армий уже рвались к подступам Военно-Грузинской дороги, к столице Североосетинской АССР, во Владикавказе у братской могилы 17 тыс. бойцов, павших за советскую власть в годы гражданской войны, на многотысячном митинге горских народов Северного Кавказа была объявлена гитлеровским захватчикам священная война — «газават».

Пророчески звучат в наши дни слова С. М. Кирова, сказанные им в Пятигорске на съезде горских народов в марте 1918 г., что величественная цепь гордых скал Кавказа «явится той могучей преградой, о которую разобьются все силы реакции»¹.

Так именно и случилось.

Знаменитые «Аланские ворота» (как называли Дарьяльский проход в древности) для гитлеровских полчищ оказались на запоре. Реакционные силы фашизма вдребезги разбились о несокрушимую волю кавказских народов. Фашистам не помогли ни арийские «теории», ни приказы гитлеровского командования немецким солдатам: не задевать первое время бытовых привычек горского населения, особенно осторожно подходить к женщине, так как поругание женщины в Осетии может вызвать взрыв беспощадной мести народа².

Первое серьёзное поражение фашистским полчищам было нанесено под Владикавказом в ноябре 1942 года. Немцы вынуждены

были отказаться от дальнейшего наступления и решили перезимовать на занятых рубежах. «Берега Терека, изобилующие населёнными пунктами,— говорится в приказе Гитлера,— наиболее благоприятный зимний рубеж, который нужно во что бы то ни стало отстоять для покорения Кавказа весной 1943 года»³.

Но фашистским разбойникам не пришлось зимовать на берегах вольного Терека, так как 24 декабря того же, 1942 года, по приказу Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина Красная Армия перешла в наступление.

Решающее сражение было дано в долине Терека и Ардона, на территории плоскостной Осетии. На территории Осетии фашистские войска были остановлены, здесь же начался и их разгром. Холодные волны бурного Терека мчали в Каспийское море десятки тысяч трупов гитлеровских захватчиков. А когда уцелевшие части разбитых немецких полков под ударами Красной Армии начали отступать на запад, их безжалостно уничтожали славные народные мстители — осетинские партизаны, среди которых было немало участников гражданской войны 1918—1920 годов.

Осетины имеют большой опыт партизанской войны, приобретённый ими в годы гражданской войны против белогвардейцев. Этот опыт им пригодился в борьбе против гитлеровских захватчиков. Славные традиции партизанской войны в Осетии передаются из поколения в поколение. Ветеран русско-турецкой войны 1877 г. крестьянин села Дигора—Бердиев Дзабе—в годы гражданской войны вместе со своими сыновьями сражался в партизанском отряде против белогвардейцев. Его сын, бывший красный партизан гражданской войны, колхозник Бердиев Георгий в дни Великой отечественной войны—народный мститель. Он прославил себя боевыми делами, за что награждён орденом Красной звезды.

Мужественно борются верные сыны осетинского народа в рядах Красной Армии против фашистских захватчиков на фронтах Отечественной войны. Овеянные славой имена Героев Советского Союза Г. Цокалаева, Х. Мильдзихова, С. Коблова и К. Тогузова, а также генералов Карсанова, Хетагурова, Цаликова и Мамсурова известны всему советскому народу. Осетинский народ в великой битве советского народа против гитлеровской Германии занимает достойное место.

¹ Киров С. Статьи, речи, документы. Т. I, стр. 39. Партиздат. 1936.

² «Известия» № 250 от 23 октября 1942 года.

³ «Социалистическая Осетия» № 52 за 1943 год.

ВОЛЬНЫЕ СТРЕЛКИ ВО ФРАНЦИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1870—1871 ГОДОВ

А. Молок,
проф. Ленинградского университета

Tout le monde sous les armes! (Все под ружьё!)
Из воззвания Гамбетты 1870 года

I

Стояла осень 1870 года. Франция переживала тяжёлые времена. Поражение следовало за поражением. Немецкие армии всё более широким потоком заливали французскую землю, занимали одну территорию за другой. В конце августа они окружили Мец и отрезали его от внешнего мира. 2 сентября разразилась седанская катастрофа — стотысячная армия во главе с императором Наполеоном III, попав в окружение, сдалась в плен пруссакам. 17 сентября немцы осадили Париж. Казалось, что Франция исчерпала все возможности сопротивления, что она не сможет долго продолжать борьбу.

События показали, что это не так. Седаном франко-прусская война не кончилась: кончился лишь первый этап её. Гнилостный режим Второй империи пал, и 4 сентября 1870 г. Франция снова стала республикой. Новое правительство приняло название правительства национальной обороны.

Высокий патриотический подъём охватил население Франции и поднял его на борьбу с немецким нашествием. Представители различных общественных слоёв, люди разных возрастов, профессий, убеждений встали в бой с заклятым врагом Франции, её свободы и независимости. Ожили славные традиции 1792 г., традиции федератов Марселя, традиции Вальми, традиции победоносной борьбы Первой республики с коалицией европейских монархов в конце XVIII века.

Лучшие сыны свободолюбивого французского народа призывали своих соотечественников к всеобщему восстанию против оккупантов. 65-летний Огюст Бланки начал издавать газету «Отечество в опасности», на страницах которой вёл горячую агитацию за использование всех сил и средств для обороны страны, критиковал ошибки и промахи правительства, разоблачал тех, кто мешал организации отпора неприятельскому нашествию. «Мы признаём возможность мирного сосуществования, более того — братства всех рас, — писал Бланки. — Но когда какая-нибудь раса вероломно бросается на миролюбивый народ и громко заявляет, что пришла с божественной миссией его уничтожить, — разве этот народ не имеет права ответить: «Это ты, раса разбойников, должна погибнуть!»¹.

¹ «La Patrie en danger». 5 décembre 1870.

20 сентября, через три дня после начала осады Парижа, появилось пламенное воззвание Виктора Гюго. Великий поэт, горячий патриот и убеждённый демократ, призывал все города и сёла Франции дружно подняться против врага. «Пусть каждый дом даст солдата, пусть каждое предместье станет полком, пусть каждый город превратится в армию! — восклицал Гюго. — Пруссаков — 800 тысяч, вас — 40 миллионов. Подымайтесь, чтобы ринуться на них!.. Пусть города тучами изготовляют пики, пусть накапливают штыки, пусть запрягают орудия! Пусть деревни берутся за вилы!.. Будем вести войну днём и ночью, войну в горах, войну равнин, войну лесов! Поднимайтесь! Поднимайтесь! Не давайте врагу передышки, покоя, сна!.. Дадим страшный бой за родину! Вольные стрелки! Пробирайтесь сквозь чащи, переходите через могучие потоки, прикрывайтесь тенью, используйте сумерки, скользите по оврагам, переползайте, цельтесь, стреляйте, истребляйте захватчиков!.. Будьте беспощадны, патриоты!»².

Эти и многие другие горячие призывы дошли до сердец французских патриотов, преисполненных священной ненависти к немецким захватчикам.

Рабочие горели желанием работать больше и лучше, чтобы ускорить победу над врагом. Студенты Политехнической школы принимали активное участие в защите Парижа. Видные учёные, профессора Сорбонны, академики Бертран, Боннез, Ложье, Фреми, Тиссо, Лагерр добросовестно несли караульную службу на 87-м бастионе городских укреплений Парижа³. Подростки в возрасте от 15 до 18 лет создали Республиканский Легион молодых граждан Парижа, вносящий и свою долю участия в оборону города (к началу октября этот легион насчитывал уже 3 тыс. человек)⁴.

Всюду шла запись добровольцев в части регулярной армии, в батальоны национальной гвардии, в партизанские отряды.

Лион за один день дал более 5 тыс. волонтеров. В Марселе за три дня в отряды волонтеров записалось 10 тыс. человек. От этих двух старых центров демо-

² Ibidem. 20 septembre 1870.

³ «Le Combat», 12 octobre 1870.

⁴ «Le National», 4 octobre 1870.

кратического движения во Франции не оставали другие провинциальные города, а также местечки и сёла. Средства, необходимые для организации добровольческих отрядов, собирались по подписке, для чего были выпущены займы местного значения.

Инициатива создания добровольческих отрядов исходила обычно от местных и областных органов власти — от городских и сельских муниципалитетов, генеральных советов департаментов. Особенно велик был приток добровольцев в Париже.

Наиболее решительные и смелые люди, преимущественно молодёжь, записывались в партизанские отряды, которые не входили ни в состав регулярных войск, ни в состав национальной гвардии.

Эти отряды, представлявшие собой особый вид вооружённых сил республиканской Франции, носили различные наименования: «партизаны» («partisans»), «волонтёры» («volontaires»), «гверильясы» («guerillas»), «мстители» («vengeurs»), «стрелки» («tirailleurs»), «разведчики» («éclaireurs»), «вольтижёры» («voltigeurs»), «охотники» («chasseurs») и т. п. Но самым распространённым было наименование «вольные стрелки» («francs-tireurs») ¹.

Одним из первых партизанских отрядов 1870 г. был отряд «вольных стрелков Парижа» (francs-tireurs de la ville de Paris). Отдельные районы осаждённой столицы создавали свои партизанские отряды. Так возникают отряд «вольных стрелков квартала Терн» (francs-tireurs des Ternes), отряд «разведчиков Монружа» (éclaireurs de Montrouge), отряд «стрелков Бельвилля» (tirailleurs de Belleville) и т. п. Организатором и командиром батальона бельвилльских стрелков был видный революционер Гюстав Флуранс, впоследствии член Парижской коммуны. Этот батальон насчитывал в октябре более 800 бойцов — жителей Бельвилля, одного из важнейших рабочих районов Парижа. Вооружённый ружьями новейшего образца (шасспо), отряд с начала октября нёс службу на передовых позициях в сёлах Ромэнвилль и Нуази-ле-Сек ².

¹ Впервые термин «вольные стрелки» («франкитирёры») появился во Франции во время революционных войн конца XVIII века. Этим термином обозначали тогда бойцов некоторых частей лёгкой пехоты. В последующих войнах Франции вольным стрелком называли солдата, который, зарывшись в специально вырытую для этого яму, вёл стрельбу по противнику с передовых позиций. В 1867 г., в предвидении войны с Германией, во Франции образовались стрелковые общества (sociétés des francs-tireurs), члены которых хотя и не входили в состав армии, но систематически обучались военному делу. Когда началась война 1870 г. и немецкие войска вторглись во Францию, французское правительство призвало вольных стрелков к оружию. После провозглашения республики отряды вольных стрелков стали возникать в большом количестве в Париже и в провинции, в городе и в деревне.

² «Le Combat». 30 octobre 1870.

⁴ «Исторический журнал» № 2—3.

Некоторые батальоны национальной гвардии выделяли из своей среды группы партизан, которые сражались в самых опасных пунктах, нередко далеко за пределами расположения своей части. В начале октября в газетах появилось сообщение, что 36-й батальон, стоящий в Коломб-Аньере, выделил партизанскую роту карабинеров; среди бойцов этой роты была не только молодёжь, но и старики, как например 72-летний маркиз де Понтекулан, отставной полковник. В середине октября командир одного из батальонов национальной гвардии Луи Нуар сформировал отряд разведчиков, в состав которого вошли 25 кавалеристов под начальством Вилье де Лиль-Адана, 900 стрелков-лехотинцев и 50 «отчаянных смельчаков» (enfants perdus) ³.

Люди разных профессий, даже самых мирных, становились во главе партизанских отрядов. Так например организатором и командиром отряда «парижских карабинеров» (carabiniers de Paris) был Дженнаро Перелли, видный пианист и композитор своего времени ⁴. Известный романист Понсон дю Террайль с разрешения Гамбетты 1 ноября приступил к формированию в городах Жие-не и Монтаржи (департамент Луары) батальона «вольных стрелков Орлеана» (francs-tireurs d'Orléans). 28 октября, находясь в Туре, писатель опубликовал письмо, в котором призывал записываться в этот батальон, чтобы в его рядах бороться за освобождение Орлеана от немецких оккупантов. «Орлеанец по месту своего жительства, — писал он, — я обращаюсь ко всем храбрым людям, которые краснеют от стыда при мысли о том, что город Жанны д'Арк окскверняют прусские орды. Я обращаюсь ко всем моим товарищам по охоте, ко всем, кто умеет держать ружьё и хочет вести войну в лесах, войну партизан (la guerre de broussailles, la guerre de chouan), самую священную из всех войн (la guerre sainte entre toutes). Мы будем защищать нашу землю пядь за пядью» ⁵.

Рядом с французскими патриотами за честь, свободу и независимость республиканской Франции, против захватнических полчищ прусского юнкерства сражались прогрессивные люди других стран Европы и отчасти даже Америки. «Легион волонтёров Запада» состоял наполовину из иностранцев (американцы, итальянцы, бельгийцы, голландцы, ирландцы, поляки).

Армия Вогезов (l'armée des Vosges) была сформирована великим итальянским патриотом и демократом Гарибальди, который ещё в сентябре 1870 г., сразу после провозглашения республики во Франции, предложил

³ «Le Combat». 19 octobre 1870. Вилье де Лиль-Адан — это, повидимому, известный писатель, автор «Жестоких рассказов».

⁴ «La Liberté». 22 janvier 1871.

⁵ «La Province». 3 novembre 1870 (Bordeaux). Тяжёлая болезнь, за которой в январе 1871 г. последовала смерть, помешала писателю принять активное участие в войне.

свою шпату французскому правительству для участия в борьбе против армий императорской Германии. Армия Гарибальди, насчитывавшая четыре пехотные бригады, артиллерийские и кавалерийские части и «отдельные отряды» (*corps isolés*), почти целиком состояла из отрядов волонтеров и вольных стрелков. Ряд французских провинций, департаментов, городов имел в армии Вогезов своих вооружённых представителей — партизанские отряды, созданные в этих местах и носившие соответствующие названия: «вольные стрелки юга» («*francs-tireurs du sud*»), «вольные стрелки Франш-Конте» («*francs-tireurs de Franche-Comté*»), «вольные стрелки Авейрона» («*francs-tireurs de l'Aveyron*»), «вольные стрелки Эльзаса» («*francs-tireurs de l'Alsace*»), «вольные стрелки Вогезов» («*francs-tireurs des Vosges*»), «вольные стрелки Тулузы» («*francs-tireurs de Toulouse*»), «вольные стрелки Доля» («*francs-tireurs de Dôle*»), «разведчики Роны» («*éclaireurs du Rhône*»), «разведчики Дуба» («*éclaireurs du Doubs*»), «охотники Дофинэ» («*chasseurs du Dauphiné*»), «охотники Савойи» («*chasseurs Savoisiens*»), «батальон Нижних Пиренеев» («*bataillon des Basses-Pyrénées*»), «батальон Верхних Альп» («*bataillon des Hautes Alpes*»), «гверильясы Марселя» («*guérillas de Marseille*») и многие другие. Названия некоторых отрядов отражали демократический дух армии Гарибальди, плебейское происхождение большинства её бойцов: «1-й батальон равенства» («*1-er bataillon de l'égalité*»), «2-й батальон равенства» («*2-me bataillon de l'égalité*»), «рота реванша» («*compagnie de la Revanche*») — так назывался небольшой отряд партизан, вошедший в состав армии Вогезов.

В армии Гарибальди было много иностранцев, были целые части, составленные из уроженцев других стран, главным образом Италии. Вот названия некоторых из них: «легион итальянских волонтеров» («*légion des volontaires italiens*»), «карабинеры Генуи» («*carabiniers de Gênes*»), «вольные стрелки-гарибальдийцы» («*francs-tireurs garibaldiens*»), «испанская рота» («*compagnie espagnole*»), «египетские разведчики» («*éclaireurs égyptiens*»). Много иностранцев было среди высшего и среднего командного состава армии Вогезов: сыновья командующего армией — Менотти и Ричиотти Гарибальди (из них первый командовал 3-й бригадой, второй — 4-й), Сан-Амброзио (начальник штаба 3-й бригады), Фамара (начальник легиона итальянских волонтеров), Разетто (командир карабинеров Генуи), Сильвестро (командир отряда «вольных стрелков смерти») и др. Кроме этих и других итальянцев в армии Гарибальди было несколько командиров-испанцев (Гарсиа, Артигала) и один командир-поляк (Грижибовский). Однако большинство бойцов и офицеров этой армии составляли коренные французы¹.

Вольные стрелки, как правило, определённой формы, установленной в регулярных

войсках, не имели и по своему внешнему виду резко отличались от солдат и офицеров армейских частей. Обычно они были одеты в короткую шерстяную куртку или блузу тёмного цвета (чёрную, зелёную, синюю, коричневую), ремень — светлого (серую или жёлтую), носили длинные гетры (суконные, кожаные или полотняные), красные или синие пояса. Головные уборы были самые разнообразные. Чаще всего встречались тирольские шляпы разной формы с кокардами всех размеров и с перьями всех цветов.

Вооружены были вольные стрелки по-разному: одни — карабинами устаревшей системы Минье, другие — ружьями Ремингтона или Шасспо, введёнными во французской армии незадолго до этой войны. Многие стрелки имели кроме того револьверы и клинжалы.

II

В чём должны состоять задачи партизанских отрядов и каков должен быть круг их действий? На этот вопрос, занимавший видное место в печати того времени, давала подробный ответ газета «*Combat*» («*Бой*») в статье «Оборона», опубликованной 5 октября.

Автором этой статьи был известный деятель польского национально-освободительного движения, участник восстания 1863—1864 гг. полковник Валерий Врублевский (во время Парижской коммуны — генерал). Основываясь на своём боевом опыте руководства партизанскими отрядами в ряде областей Польши, Врублевский давал конкретные указания, французским партизанам 1870 года. «Они должны, — писал он, — беспокоить врага по ночам, истреблять его часовых и патрули, перехватывать его курьеров и всех агентов его администрации, уничтожать в его тылу дороги, мосты, лодки, телеграфные линии, сжигать его обозы, продовольственные запасы, боеприпасы, атаковать колонны рекрутов, забирать у них или убивать лошадей, создавать секретную связь и организацию на всех пунктах национальной территории, ещё занятых неприятелем, усиливать свои ряды за счёт всех здоровых граждан той или иной местности и вооружаться за счёт врага. Таким путём завоеватель принуждён будет разделить свои силы, и вот тогда начнётся второй период этой войны, в котором мелкие отряды партизан, объединившись, смогут с успехом атаковать раздробленные части прусских войск. Многое тут зависит от личных качеств командиров». Они должны служить примером для своих подчинённых, должны отличаться «безупречной честностью и высокой нравственностью», большой предусмотрительностью и «всепоглощающей активностью», а главное — бесстрашием и самоотверженностью. Тогда они легко добьются в своих отрядах порядка и дисциплины, мужества и героической отваги. Девизом партизан должны быть слова: «Смерть тиранам!» «Их образ действий можно резюмировать в следующих словах: постоянно атаковать врага и стараться никогда не быть атакованным с его

¹ «*Journal officiel de la République française*», 16 janvier 1871.

стороны. Внезапные удары и нападения из засады — вот два основных закона партизанской войны». Но всего этого можно добиться лишь в том случае, если партизанские отряды будут действовать «в контакте с правительством»¹.

Программа действий, выдвинутая Врублевским, была принята вольными стрелками именно потому, что она отражала опыт не только польских партизан 1863—1864 гг., но и французских партизан 1870 г., первые отряды которых начали вооружённую борьбу ещё до опубликования приведённой выше статьи.

Газеты того времени были полны сообщений о боевых действиях вольных стрелков как в тылу врага — в различных частях оккупированной территории, — так и на отдельных участках фронта. Первые сообщения такого рода относились к сентябрю и касались преимущественно Парижского района. Депеша от 19 сентября, помеченная часом дня, сообщала, что в окрестностях Парижа мобильные гвардейцы и вольные стрелки захватили и перебили многих прусских курьеров. Другая депеша, отправленная в тот же день, но несколькими часами позже, сообщала, что «близ Мелена вольные стрелки причинили значительные потери прусским драгунам»². 20 сентября в другом пункте парижского фронта, близ Шуази-ле-Руа, рота вольных стрелков батальона Аронсона истребила 8 пруссаков и одного взяла в плен. 21 сентября близ форта Ванв (к югу от Парижа) группа стрелков-разведчиков под командованием капитана Каталан истребила трёх немцев, не потеряв при этом ни одного человека³.

1 октября четыре роты 3-го и 4-го батальонов «разведчиков Сены» под командованием капитана Пулизак и «вольные стрелки квартала Лилли» (francs-tireurs des Lilas) под командованием майора д'Анкетиль провели «несколько блестящих разведывательных операций» (так говорится о них в военном донесении штаба военного губернатора) за линией северовосточных фортов Парижа, в направлении от Нуази на Бонди и от Роменвилля на Дранси и железную дорогу Суассона. Вольные стрелки смелой атакой заняли Дранси; они преследовали немцев до линии железной дороги. И лишь после того как противник подтянул в этот пункт большие силы, майор д'Анкетиль отвёл свой отряд, захватив с собой каски, ружья и револьверы, брошенные врагом на поле боя⁴.

Активное участие приняли вольные стрелки и в сражении при Мальмезоне (в излучине Сены, к югозападу от Парижа) 8 октября. Стряд «вольных стрелков Пари-

жа» под командованием майора Тьерар с помощью сапёров взорвал стену парка Мальмезон и через образовавшуюся брешь проник в парк. Однако закрепить первоначальный успех и удержать за собой Мальмезон французам не удалось⁵.

В ночь на 9 октября группа «вольных стрелков Парижа» численностью в 126 человек ворвалась в село Абли (к югу от Парижа), занятое сильным немецким гарнизоном, завладела построенными на его улицах баррикадами, обратила в бегство и истребила много вражеских солдат и офицеров, после чего отступила, уведя с собой 69 пленных⁶.

28 октября разыгралось сражение в деревне Ле-Бурже, к северу от Парижа. Утром этого дня «вольные стрелки Прессы» при поддержке батальона мобилей и двух батальонов регулярных войск внезапным ударом овладели деревней Ле-Бурже. Защищавшая эту деревню рота прусской гвардии отступила. Немцы подтянули сильные подкрепления. В течение нескольких часов они обстреливали Ле-Бурже из 30 орудий, но не смогли выбить оттуда французов и вынуждены были отступить к северу. Пруссаки не добились успеха и на следующий день: многочасовой обстрел французских позиций в Ле-Бурже не сломил стойкости частей, оборонявшихся в этой деревне. Лишь 30 октября немцам удалось штурмом овладеть ею. Французы сражались упорно и оставили свои позиции только после ожесточённого 12-часового боя, потеряв треть своего состава.

Неудачный для французов исход этого сражения вызвал сильное возбуждение в Париже. Объясняется он тем, что успешные действия 28 октября не были закреплены присылкою необходимых подкреплений, и это позволило немцам создать здесь значительный перевес и в пехоте и в артиллерии. Вина в этом генерала Трошию, председателя правительства национальной обороны и военного губернатора Парижа. Человек, который ещё 4 сентября заявлял своим коллегам, что оборона Парижа — «чистое безумие», занимался ею лишь для видимости, лишь потому, что должен был считаться с патристическим настроением широких слоёв населения. Героизм вольных стрелков при атаке Ле-Бурже был сведён на-нет Трошию и его штабом.

Октябрь (особенно его вторая половина) явился переломным моментом в развитии партизанского движения на оккупированной врагом территории Франции. Большую активность проявляли в это время вольные стрелки во многих департаментах. Из Калэ сообщали 12 октября, что «область Вогезов в тылу у пруссаков вся охвачена восстанием и взялась за оружие против них. Там нет регулярных войск, но каждый человек — солдат. У всех входов и выходов стоят ча-

¹ «Le Combat». 5 octobre 1870.

² «Journal de Genève». 20, 21 septembre 1870.

³ «La Patrie en danger». 21, 22 septembre 1870.

⁴ Ibidem. 3 octobre 1870.

⁵ «Le Siège de Paris. Tablettes au jour le jour» № 1.

⁶ «Journal de Genève». 9 octobre, 24 novembre 1870.

совые. Все горные проходы заняты вольными стрелками, которые не теряют времени на разговоры с врагом: каждый курьер, каждый улан, появляющийся в этих местах, расстреливается. Каждый деревенский домик представляет собой военный пост. Женщины воюют наравне с мужчинами. Война 1792 г. возобновилась в Вогезах¹.

Из Доля писали 15 октября: «Всюду — в больших городах, как и в самых скромных коммунах, — видны сплошь только вооружённые люди... Здесь, в Бургундии, то же, что и в Вогезах... вся область под ружьём, полная доверия к Гарибальди, которому поручена оборона этих провинций»².

«Вольные стрелки кишат в этих областях: они вырастают, словно из-под земли, при каждом шаге врага и причиняют ему огромный ущерб»³, — так характеризует местная печать положение в департаментах, граничащих с Лионом.

29 октября генерал Бурбаки, командующий французскими войсками в Лилле, признал в приказе по армии заслуги партизанских отрядов в борьбе против неприятельского нашествия. «Несколько вольных стрелков, — говорится в этом приказе, — остановили поезд с пруссаками на железнодорожной линии Мезьер — Ретцель. Этот смелый налёт стоил врагу 465 человек»⁴.

Одним из самых ярких примеров стойкости и доблести, проявленных вольными стрелками во время франко-прусской войны, была оборона города Шатодена (департамент Эр-э-Луар). Здесь 18 октября 1870 г. 1300 партизан и национальных гвардейцев под командованием капитана Эрнеста Липовского (уроженец Страсбурга) мужественно дрались с 10-тысячным отрядом пруссаков, наступавшим при поддержке сильного артиллерийского огня. В ознаменование этой героической битвы Шатоден был награждён орденом Почётного легиона. Озлобленные пруссаки превратили город в груды развалин, но понесли в этом сражении большие потери.

Так выглядели те «булавочные уколы», о которых с таким презрением писал в конце октября кронпринц прусский. События показали, что удары, наносимые вольными стрелками, достаточно чувствительны для пруссаков. 18 октября принц Фридрих-Карл писал сыну короля Вильгельму: «С этими бандами, остающимися ещё в распоряжении Франции, мы покончим в такое же короткое время, какое нам понадобится для маршей к южной и восточным границам Франции»⁵. Осуществить это намерение не удалось: «банды» оказали более упорное и длительное сопротивление, чем того ожидали немецкие оккупанты. Именно это обстоятельство заставило принца Фридриха-Карла, так же как и начальника германского генерального штаба фельдмаршала Мольтке, из-

менить вскоре мнение о французских партизанах и признать, что «огромные усилия Франции прямо-таки вызывают уважение и шутить с нами нельзя»⁶.

III

Чтобы подавить растущее сопротивление французского народа, немецкая военщина прибегала к варварским средствам, к специфически прусским методам ведения войны. «Они взяли за правило, — писал Энгельс в статье «Бои во Франции», относящейся к началу ноября, — что каждый город или деревня, где один или несколько жителей принимают участие в обороне, стреляют по их войскам или вообще помогают французам, должны быть сожжены, что каждый человек, захваченный с оружием в руках и не являющийся, по их понятиям, солдатом регулярной армии, должен быть расстрелян на месте; и всюду, где есть основание предполагать, что сколько-нибудь значительная часть населения города повинна в подобного рода проступках, все физически годные мужчины должны быть немедленно истреблены. Эта система безжалостно проводится уже в течение шести недель и действует с полной силой и сейчас.. Всё делается систематически и по приказу: окружают обречённую деревню, выводят жителей, захватывают продовольствие и поджигают дома, а настоящие или подозреваемые виновники предстают перед военным полевым судом, где их без всяких проволочек наверняка ожидает полдюжины пуль. В Абли, деревне, насчитывающей 900 жителей и расположенной на пути в Шартр, эскадрон 16-го (Шлезвиг-гольштинского) гусарского полка подвергся ночью внезапному нападению французских партизан и потерял половину своих людей; в наказание за такую дерзость вся кавалерийская бригада двинулась на Абли и сожгла деревню; два различных сообщения, — оба исходящие от участников драмы, — утверждают, что из числа жителей были отобраны все здоровые мужчины, и все они без исключения были расстреляны или зарублены. Но это только один из очень многих фактов. Один баварский офицер в окрестностях Орлеана пишет, что его отряд в течение двенадцати дней сжёг пять деревень; можно без преувеличения сказать, что всюду, где в центре Франции проходят летучие немецкие отряды, их путь слишком часто отмечен огнём и кровью»⁷.

Чем дальше шла война, тем больше насильный, грабежей и жестокостей совершали

⁶ Там же, стр. 271. Впоследствии Мольтке признавался, что он продолжал испытывать страх перед французами и после Седана, страх перед народным сопротивлением, которое могло привести к задержке войны и свести на-нет первоначальные успехи германского оружия (Тарле Е. «Неизбежный перелом». «Правда» от 14 ноября 1913 г.).

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, Ч. 2-я, стр. 173—174.

¹ «Journal de Genève». 18 octobre 1870.

² Ibidem. 23 octobre 1870.

³ Ibidem. 20 novembre 1870.

⁴ «Le Combat», 19 novembre 1870.

⁵ Дельбрюк Г. «История военного искусства», Т. VI, стр. 250, М. 1939.

оккупанты. Ещё в августе в отместку за убийство нескольких прусских уланов пруссаки сожгли дотла село Вонк и увели с собой скованными 26 жителей. «Теперь Вонк может сравниться с Базейлем (деревушка близ Седана, сожжённая немцами дотла. — А. М.), — писала одна иностранная газета, — 200 домов больше не существуют, 700 жителей бродят в развалинах, 50 зданий, уцелевших от пожара, разграблены»¹.

Заняв 15 ноября Немур, «современные гунны» (ces Huns modernes), как называет пруссаков «Женевская газета», сожгли целый квартал города только за то, что в нём было убито три немецких солдата; во время пожара играла немецкая военная музыка. Мэра и трёх членов комитета обороны немцы взяли в качестве заложников².

В Эльзасе и Лотарингии оккупационные власти, чтобы положить конец антигерманским диверсиям местных жителей, с конца октября стали насильно сажать в воинские поезда именитых людей (прокурора, председателя судебной палаты, судей и др.), которые должны были своей головой отвечать за налёты партизан³.

Газета «Liberté» писала: «Они сбросили с себя маску, все эти короли и министры, ландграфы и маркграфы, помещики и буржуа, студенты и дипломаты, доктора прав, признающие только один аргумент — язык лешек... Они предстают перед миром тем, чем являются на деле, — потомками гуннов и вандалов... Гётевская Маргарита уступает место Маргарите Шнейдер, невесте Иоганна Дитриха, стрелка 7-й роты 88-го полка 42-й бригады 21-й дивизии германской армии, приглашающей своего возлюбленного «зайти в ювелирную лавку, где можно пограбить»... Немцы — варвары и хвалятся этим. Они гордятся тем, что ушли на 15 столетий назад и снова сделались германцами времён дикости»⁴.

Резко осуждала жестокости и насилия немецкой военщины во Франции и русская передовая печать того времени. «Это собрание ужасов всякого рода, а никак не война, — заявляла редакция «Отечественных записок», — ... всё это такие вещи, которые наводят на серьёзные мысли о цивилизации Пруссии, руководящей войною»⁵.

Чем больше зверств и насилий совершали оккупанты, тем ожесточённей становилось сопротивление французских патриотов. Исторические документы полностью подтверждают правдивость сцен и картин народной войны во Франции 1870—1871 гг., которые мы находим в художественной литературе. Папаша Милон из одноименного рассказа Мопассана — яркий пример непримиримой ненависти французам к врагу, толкавшей их на истребительную войну против него. Так же

характерны фигуры дядюшки Мерлье и юного Доминика из рассказа Золя «Осада мельницы», рассказа о стойкости и мужестве простых людей, защищающих свою родину от чужеземных захватчиков. Типична и сцена расправы французских партизан с прусским шпионом, изображённая Золя в романе «Разгром». Они не церемонились с врагом, хищнический облик которого с таким реализмом обрисован в рассказах Мопассана «Два приятеля», «Мадмуазель Фифи», «Пышка» и других произведениях, посвящённых событиям франко-прусской войны.

IV

Ноябрь 1870 г. принёс новое усиление активности партизан, особенно на фронте под Парижем. 12 ноября в Сен-Клу (к западу от Парижа) отряд волонтеров под командованием капитана де Неверле, адъютанта генерала Дюкро, окружил неприятельский патруль. Произошло столкновение, в результате которого было убито пять немцев и один тяжело ранен. 14 ноября отряд «парижских стрелков» во главе с капитаном Лавинь, посланный на рекогносцировку в направлении деревни Шампиньи (к востоку от Парижа), отбросил противника с тяжёлыми для него потерями⁶. 15 ноября разведчики майора Пулизака искусным маневром вытеснили неприятеля из его позиций со стороны Дранси. Руководивший атакой капитан де Кергалек взял в плен несколько немцев⁷.

«Несколько отрядов вольных стрелков действуют в поле между Нанси и Парижем, — писала 11 ноября газета «Отечество в опасности». — Они захватывают прусские обозы. В окрестностях Тионвилля была захвачена целая колонна с продовольствием, она состояла из 130 повозок»⁸.

15 ноября газета «Echo de Lille» сообщила, что 1-я рота «вольных стрелков Сен-Кантена» задержала около Бюзиньи три повозки с шампанским из Реймса и две подводы с шерстяными тканями и фланелевыми изделиями, также из Реймса. Все эти грузы, предназначавшиеся для Германии, были доставлены в Лилль и переданы французским властям этого города⁹.

В это же время в департаменте Кот д'Ор, близ местечка Сен-Жан де-Лон, вольные стрелки захватили у врага 40 повозок с продовольствием, убили одного из солдат охраны и обратили в бегство остальных¹⁰.

16 ноября корреспондент «Амьенской газеты» писал, что в округе Бовэ (департамент Уазы) немецкие солдаты день и ночь рыщут по лесам в поисках вольных стрелков, которые скрываются там и отсюда совершают нападения на прусских уланов. Тот же корреспондент сообщал, что на дорогах из Сент-

⁶ «Le Siège de Paris. Tablettes au jour le jour», № 2.

⁷ Ibidem.

⁸ «La Patrie en danger». 11 novembre 1870.

⁹ «Le Combat». 11 décembre 1870.

¹⁰ «Journal de Genève», 23 novembre 1870.

¹ «Journal de Genève». 15 octobre 1870.

² Ibidem. 30 novembre 1870.

³ Ibidem. 4 novembre 1870.

⁴ «La Liberté». 9 janvier 1871.

⁵ «Исторический журнал» № 9 за 1942 г., стр. 52—53.

Омера и Сонжона не проходит и дня без налётов «вольных стрелков Сен-Кантена» и бойцов отряда «мстителей смерти» (les vengeurs de la mort) на проходящие по этим дорогам колонны неприятельских войск. «Это стало теперь привычным явлением»¹, — добавлял корреспондент, отмечая, что за последние десять дней более 30 солдат полка саксонских егерей застрелено французскими партизанами.

19 ноября отряд Ричиотти Гарибальди напал в Шатильоне (департамент Кот д'Ор) на немецкий отряд численностью в 700 человек, состоявший из пехоты и кавалерии, «и продержал его почти 14 дней в окружении, причинив потери в 200 человек»².

Близ Везуля (департамент Верхней Соны) группа в 40 человек из 3-й роты «вольных стрелков департамента Дуб», под командованием капитана Гюо, в середине декабря напала на немецкий отряд из 70 человек, конвоировавший 120 пленников, которых направляли в Германию; стрелки рассеяли конвоиров и освободили всех пленников³.

Опорными пунктами вольных стрелков, оперировавших на севере и северовостоке Франции, служили крепости Тионвиль, Монмеди, Мезьер и Ля-Фер. Осада их затянулась на несколько месяцев: крепость Ля-Фер пала 27 ноября, Монмеди — 14 декабря, Мезьер — 2 января. Большую роль в обороне этих крепостей играли отряды вольных стрелков. В Арденнах базой вольных стрелков была крепость Рокруа, в Вогезах — Лангр, в тылу маасской армии — Амьен.

Германские коммуникации в районе Вогезов были крайне слабо защищены от ударов французских партизан.

Чтобы очистить коммуникации 2-й армии от вольных стрелков, 24 ноября Мольтке отдал приказ штабу 14-го корпуса выслать сильные подвижные отряды на север и северозапад. Одна подвижная колонна была направлена в район Монбара, против вольных стрелков, которые своими налётами препятствовали восстановлению железной дороги Шомон — Равьер — Жуаньи. Но французы, следуя тактике «малой войны», уклонились от сражения и отошли, чтобы затем атаковать противника в другом месте.

Вооружённые силы Гарибальди занимали район Вогезов, горные проходы Юры и Кот д'Ор. Стоявший в Дижоне и вокруг него корпус генерала фон Вердера испытывал огромные трудности в борьбе против партизанских групп армии Гарибальди. «Тщетно обшаривают все складки и хребты Кот д'Ор войсковые части, — жаловалась 24 ноября немецкая газета, издававшаяся в Дижоне. — Неприятель постоянно ускользает от нас, а иногда внезапно появляется, пугая наших. Вот почему нам приходится действовать с величайшей строгостью»⁴.

В начале декабря французские газеты со-

общали, что «на плоскогорье Морвана, в узле гор, разделяющих бассейны рек Луары, Сены и Соны, расположился корпус вольных стрелков Ионны, Ньевры и Аллье, который не даёт возможности соединиться войскам генерала фон-дер-Танна с армией, оккупирующей Дижон»⁵.

27 декабря Вердер вынужден был эвакуировать Дижон, занятый войсками Гарибальди, а 31-го — Грэ. Но и в Везуле, куда он отступил, он не чувствовал себя в полной безопасности: партизаны разрушали коммуникации немецких войск.

Даже в окрестностях Версаля, где находилась главная квартира германских войск и резиденция прусского короля (ставшего 18 января императором Германии), немецкие газеты отмечали присутствие вольных стрелков. С нескрываемой тревогой сообщалось, что партизаны остаются неуловимыми, несмотря ни на какие обыски, что они собираются в городе, «чтобы, воспользовавшись благоприятным моментом, захватить главную квартиру»⁶.

V

Военное положение Франции в этот момент было далеко не безнадежно. Импровизированные армии, созданные неутомимой энергией Гамбетты, сдерживали продвижение вражеских войск. Партизанская война не затихала. Осаждённая столица, казалось, твёрдо стояла на своём боевом посту.

Сомнение в конечной победе немецкого оружия овладевало по временам германским командованием, заносчивыми и самоуверенными прусскими юнкерами. 9 января принц Фридрих-Карл записывал в свой дневник: «Сопrotивление французов день ото дня становится упорнее... Состав войск, видимо, улучшается. В общем не могу скрыть, что и я начинаю чувствовать утомление от этой войны».

«Все леса департамента Об полны, говорят, партизан, которые ведут убийственную войну против пруссаков»⁷, — писала «Комба» в статье «Партизанская война».

«В Сезанне, — писала «Комба», — вольные стрелки господствуют в районе Куломье, в 18 километрах от Парижа, и держат под контролем неприятельские эшелоны,двигающиеся по линии Страсбурга и по линии Мюльгаузена. Сверх того, они перерезали дорогу, по которой следуют прусские войска, дорогу, идущую непосредственно из Шалона-на-Марне на Париж. Наконец, дорога, по которой осуществлялось снабжение армии Фридриха-Карла, ныне находится под угрозой, поскольку у луарской немецкой армии теперь отрезаны её коммуникации с Востоком и она может получать продукты и боеприпасы только из большого парка Парижа»⁸.

2 января большой отряд вольных стрелков напал близ Сезанна на 2-ю роту 2-го батальона прусских резервных егерей. «Рота, —

¹ «La Patrie en danger». 7 décembre 1870.

² Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. VI, стр. 266.

³ «Journal de Genève». 16 décembre 1870.

⁴ «Journal officiel de la République française». 16 décembre 1870.

⁵ «Le Combat», 4 décembre 1870 (перепечатка из «Le National»).

⁶ «La Liberté». 13 janvier 1871.

⁷ «Le Combat», 4 janvier 1871.

⁸ Ibidem. 19 janvier 1871.

писал на следующий день из Эперне один немецкий егерь, — была окружена хорошо организованной и отлично вооружённой ордой. Пришлось тогда попытаться осуществить прорыв. Это было проделано с исключительной энергией, но вместе с тем и с большими жертвами»¹.

На бургуандском театре войны вольные стрелки долго держали под ударом район Ионны, так что командование 2-й и 3-й германских армий вынуждено было двинуть против них значительные силы. Отряды вольных стрелков были рассеяны, а 13 января, после исправления разрушенных партизанами мостов через реку Армансон у Равьера и Бриеннона, было восстановлено движение по железной дороге Шатильон — Жуаньи. Но 25 января французы снова привели в негодность эти мосты; таким образом, важный в военно-стратегическом отношении участок железной дороги Шатильон — Жуаньи вторично вышел из строя².

К этому времени относятся также успешные действия итальянских партизан под командованием Ричиотти Гарибальди, находившегося тогда в окрестностях Шатильона. Рота немцев, производившая реквизиции продовольствия в селе Бенье-ле-Жюиф, южнее Шатильона, подверглась нападению гарибальдийцев и отступила. К югозападу от Лангра отряд гарибальдийцев уничтожил немецкий обозный парк. Эти неудачи заставили командующего южной германской армией графа Мантейфеля изменить маршрут своих войск и переместить этапные пути из Центральной Франции в Восточную³. Так велико было влияние партизанского движения на ход военных действий в этой части Франции.

Одним из последних по времени успехов вольных стрелков в провинции в январе 1871 г. было «хорошо выполненное разрушение моста (через Мозель, — А. М.) в Фонтенуа около Туля, в центре области, занятой противником»; это «показывает, — писал Энгельс, — что может быть достигнуто смелыми партизанами»⁴. Взбешенное этим взрывом, немецкое командование наложило на население прилегающих округов штраф в размере 10 млн. франков.

Упорные бои с участием партизанских отрядов велись в это время и на фронте под Парижем.

В первых числах января группа «разведчиков Сены» численностью в 50 человек под командованием майора Пулизак совершила успешный налёт на прусские аванпосты со стороны Суассонской железной дороги, близ Ле-Бурже. Смелым ударом разведчики захватили укрепленные рытвы перед баррикадами, прикрывавшими аванпосты противника. Застрелив часового, атакующие завладели караульным постом, где находилось 40 человек. В завязавшемся рукопашном бою 10 пруссаков были убиты, 3 ра-

нены и взяты в плен, 5 сдались сами. Несколько человек, укрывавшихся в подвале, отказались сдаться и были перебиты. Остальные бежали, побросав часть своего оружия. Отряд разведчиков вернулся без потерь, приведя 8 пленных.

Так был выполнен приказ генерала Дюкро совершить вылазку, чтобы добыть «языка»⁵. За этот подвиг майор Пулизак получил орден Почётного легиона.

VI

28 января 1871 г. предатели Франции во главе с генералом-капитулянтом Трошио сдали Париж немцам и заключили с ними перемирие, признав себя побеждёнными и пойдя на тяжёлые условия мира, навязанного врагом. Тщегно протестовали против позорной капитуляции и предстоящего расчленения страны патриоты Парижа и провинции во главе с Гамбеттой, тщегно требовали они «борьбы до последней крайности» и настаивали на необходимости продолжать сопротивление. Их не слушали: власть была в руках людей, которые не доверяли своему народу и боялись его больше, чем немцев. «Все сообщения из Парижа, — писал Энгельс за несколько дней до его сдачи, — единогласно приписывают недостаток успехов отсутствию доверия у солдат к высшему командованию. И это правильно. Мы не должны забывать, что Трошио — орлеанист и как таковой боится как огня Ля Виллета, Бельвилья и других «революционных» кварталов Парижа. Он боится их больше, чем пруссаков. Это не просто наше предположение или вывод. Мы знаем это из источника, не вызывающего никаких сомнений: из письма, посланного из Парижа членом правительства, в котором говорится, что от Трошио со всех сторон требовали энергичного наступления, но последний неизменно от этого отказывался, говоря, что подобный образ действий мог бы передать Париж в руки «демагогов»⁶.

Значительная часть правящих кругов Франции следовала предательской тактике Трошио. Разве не характерно для них то, что произошло в Руане, который немцы заняли 5 декабря? В течение двух месяцев рота «морских вольных стрелков» (compagnie des marins francs-tireurs) обороняла на аванпостах соседний городок Вексен. Узнав о грозящей Руану опасности, они отправились в Руан, чтобы принять участие в его защите. Муниципальный совет Руана обещал вольным стрелкам использовать их в борьбе против врага. Но «отцы города» обманули моряков. Когда последние собрались на площади перед ратушей, им объявили, что они должны сложить оружие, так как Руан уже капитулировал. Возмущению патриотов не было границ. Раздались крики: «Долой трусов! Долой муниципальный совет, продавший нас пруссакам! Смерть им всем!» Из рядов национальной гвардии были сделаны выстрелы по ратуше. Но было уже поздно: немцы вступали в город. Подчиняясь при-

¹ «Le Combat», 18 janvier 1871.

² Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. VI, стр. 328—401.

³ Там же, стр. 402.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 2-я, стр. 269.

⁵ «La Liberté», 5 janvier 1871.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 2-я, стр. 257.

казу генерала Горнана, вольные стрелки заправились в Гавр¹.

Рассказанный здесь эпизод далеко не единичен и весьма характерен: он показывает, что патриотический подъём французского народа не получил должного направления по вине тех, кто, прикрываясь фразами о национальной обороне, творил дело национальной измены.

Значит ли это, что стойкое сопротивление и мужественная борьба бойцов народного ополчения (национальной гвардии) и партизанских отрядов (вольных стрелков и им подобных формирований) оказались напрасными в тяжёлую для Франции годину войны с Пруссией? Нет, такой вывод был бы совершенно ошибочен. И национальные гвардейцы и вольные стрелки 1870—1871 гг. сделали своё дело: они отдалили роковую развязку, причинили немалый ущерб захватчикам и спасли честь своей родины, запятнанную виновниками седанской катастрофы, капитуляции Меца, сдачи Парижа².

Французским патриотам в их борьбе против немецких оккупантов помогали передовые люди других стран. Прав был командующий Легионом друзей Франции (Légion des amis de la France) бельгийский генерал граф Ван-дер-Меер, писавший в своём прощальном приказе 29 января 1871 г.: «Поверьте, каково бы ни было мнение тех стран, к которым вы принадлежите, ваши соотечественники будут гордиться вами и, указывая на вас, будут говорить: «Он был бойцом парижской армии»³.

Даже самый безвестный участник народной войны 1870 г. в какой-нибудь глухой деревушке Франции мог с чувством глубокого удовлетворения и законной гордости вспоминать о том времени, когда он и его товарищи на смерть разили наглого и жестокого пруссака.

После окончания военных действий добровольческие части были распущены. Но некоторые отряды вольных стрелков, состоявшие из трудовых слоёв населения и сражавшиеся под Парижем, остались под ружьём. После народного восстания 18 марта они стали под знамя Коммуны и вместе с батальонами национальной гвардии приняли участие в обороне Парижа от версальских реакционеров и стоявших за их спиной немецких интервентов.

★

Славные боевые традиции вольных стрелков 1870—1871 гг. живы среди патриотов

¹ «Journal de Genève». 15 décembre 1870 (из «Journal du Havre»).

² Документация, имеющаяся в нашем распоряжении в настоящий момент, не даёт нам возможности точно установить количество партизанских отрядов во Франции в 1870—1871 гг., их численный состав, объём и результат их операций. В исторической литературе о франко-прусской войне нет обобщающих данных по этим вопросам.

³ «La Liberté». 31 janvier 1871.

современной Франции, ведущих самоотверженную борьбу против гитлеровских разбойников, которые уже более трёх с половиной лет терзают французский народ. Лозунг Гамбетты: «Все под ружьё!» — стал теперь национальным лозунгом французских патриотов. С новой силой зазвучали пламенные слова Виктора Гюго, обращённые к партизанам в 1870 г. и подхваченные лучшими людьми нынешней Франции⁴.

Историческим именем вольных стрелков называют себя сейчас отряды французских партизан, действующие в Париже и в Марселе, в Амьене и в Гренобле, в Лилле и в Лионе, в департаменте Па-де-Калэ, в Эльзасе, в горах Верхней Савойи, на севере и на юге, на западе и на востоке. Смело и отважно, не зная страха, не боясь смерти, истребляют французские патриоты немецких оккупантов, уничтожают их оружие, продовольственные обозы и склады военного имущества, взрывают обслуживающие их заводы, электростанции, шахты, не дают пощады предателям — агентам петэнов и лавалей.

Великие победы Красной Армии и успехи войск наших союзников потрясли до основания военную машину гитлеровской Германии и поставили Германию на край пропасти. «Дело немецкого фашизма проиграно, а созданный им кровавый «новый порядок» идёт к краху. В оккупированных странах Европы нарастает всенародный взрыв возмущения против фашистских поработителей» (Сталин).

Партизанское движение во Франции, возникшее летом 1942 г., растёт, ширится, приобретает всё более массовый характер⁵. Против него бессильны оккупанты и их слуги. Воодушевлённые замечательными победами советских войск и подвигами героических советских партизан, вдохновляемые свободолюбивыми традициями своей родины, традициями героев Вальми 1792 г., вольных стрелков 1870—1871 гг., защитников Вердена 1916 г., патриоты современной Франции добьются освобождения своей страны от гнёта гитлеровских хищников.

Близится момент, когда при содействии СССР и его союзников борьба за Францию перерастёт в битву на самой французской земле, при активном участии войск французского комитета национального освобождения. Из этой битвы Франция выйдет победительницей и снова займёт в Европе своё место свободной, независимой, демократической великой державы.

⁴ Ветеран рабочего движения и один из руководителей коммунистической партии Франции, Марсель Кашен, в своём заявлении, опубликованном в печати 11 февраля 1943 г., приводит слова знаменитого писателя из его воззвания 20 сентября 1870 г. (цитировано выше, стр. 46).

⁵ В декабре 1943 г., по данным швейцарской, английской и американской печати, во Франции насчитывалось 200—250 тыс. партизан.

АНГЛИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ВЕНЕЦИАНСКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА (40—50-е годы XVII в.)

С. Архангельский,
проф. Горьковского пед. ин-та

С момента завоевания турками Константинополя до конца XVII в. Венеции пришлось вести против Турции пять войн. В результате этих войн всё византийское наследство, которым владела Венеция, перешло к Турции. В период между 1645 и 1669 гг. Венеция напрягала все силы, чтобы отстоять свой последний крупный остров — Крит, замыкающий с юга Эгейское море. Война из-за Крита вспыхнула неожиданно: она была начата Турцией без формального объявления. Венеция, не располагавшая значительной сухопутной армией, но превосходившая турок опытом в морском деле, стремилась запретить Дарданеллы, чтобы помешать турецкому флоту подбрасывать подкрепления и продовольствие своим десантным войскам на Крите. Блокада Дарданелл вызвала ряд крупных морских битв в 1649, 1654, 1655, 1656 и 1657 годах. Все эти битвы, кроме последней, были выиграны венецианцами, но несмотря на это турки продолжали упорно держаться на Крите.

Война, потребовавшая мобилизации всех морских сил Венеции и Турции, а также напряжения платёжных средств воюющих стран, являлась серьёзным препятствием для развития торговли на Средиземном море. Между тем в этой торговле была сильно заинтересована Англия. Английское поселение, т. е. колония английских купцов, в Акконе (*vicus Anglorum*) появилось ещё в середине XIII века. По словам венецианского дипломата Сагрето, Левантская компания в середине XVII в. была наиболее преуспевающей купеческой компанией из всех, торгующих в турецких владениях. Английские купцы продавали сукно и олово, а покупали шёлк, специи, коринку¹. Будучи заинтересованы в использовании своего флота, они вели в Англии широкую агитацию за Навигационный акт и оказывали сильное влияние на её ближневосточную политику, являясь связующим звеном между Англией и государствами, лежащими на берегах Средиземного моря. Они выдвигали на пост английского посла в Турцию своего человека. Интересно отметить, что ещё до признания Венецией английской республики тосканский резидент в Англии Сальветти, по поручению венецианского

дожа, вёл переговоры с руководителями Левантской компании об использовании турками у себя на службе английских кораблей². Этот вопрос в конце 40-х и в начале 50-х годов являлся столь же острым для Венеции, как и вопрос о блокаде Дарданелл для Англии.

В этот период Константинополь служил ареной дипломатических интриг иностранных государств, в частности ареной дипломатической борьбы между Англией и Францией.

В 1647 г., т. е. в момент обострённейшей борьбы в Англии между армией короля и парламентской армией под руководством Ферфакса и Кромвеля, в Константинополе произошло столкновение между двумя английскими дипломатами, вызвавшее скандал в дипломатическом мире.

В сентябре 1647 г. в Турцию прибыл из Англии назначенный парламентом посол Томас Бендиш³. Богатый владелец кораблей, человек очень решительный, он добился от турецкого правительства признания своих прав, несмотря на возражения прежнего английского посла Секвила Крау, назначенного в своё время королевским правительством. Английские купцы помогли новому послу, предоставив ему денежные средства, чтобы воздействовать на турецких министров; Томас Бендиш был допущен к завершающему приёму посла дипломатическому акту — целованию руки султана⁴.

После этого Секвил Крау был грубо удалён из Константинополя: полиция вломилась в его дом и насильственно вывела его на улицу; подвергая оскорблениям, его провели мимо дома нового посла, где собрались купцы, встретившие его появление ироническими приветствиями. Затем Секвила Крау посадили на корабль и отправили в Англию. Королевская дипломатия сделала в 1650 г. попытку вернуть в Константинополе утраченные позиции. Туда был направлен Генри Гайд с уведомлением, что Карл II назначил послом в Турцию Джона Берклея. Однако и этот роялистский агент по приказу султана вынужден был покинуть пределы Турции. Английские купцы постара-

¹ Venetian Calendar, T. XXVIII, 133.

² Ibidem, 56, 63, 75, 128, 159, 205, 211.

³ Ibidem, 14.

⁴ Ibidem, 22.

лишь отплыть, корабль, на котором находились Генри Гайд и четверо роялистских купцов, в Лондон, в распоряжение парламента. По прибытии в Лондон Генри Гайд попал прямо с корабля в Тюрэр¹.

Дипломатическое представительство английского парламента окончательно утвердилось в Порте, получив поддержку большинства английских купцов, которые через Левантскую компанию вели торговлю в странах Ближнего Востока. К официальному признанию нового английского строя пришла и Венеция после длительной проволочки и больших колебаний.

Правительство Венеции во многих отношениях представляло полную противоположность турецкому. Опираясь на своих постоянных дипломатических представителей в европейских государствах, венецианский дож и сенат были хорошо осведомлены об иностранных делах. Венецианское правительство имело большой опыт в тонкой дипломатической игре; его дипломаты стремились проинтриговать в тайны чужих государств, войти в доверие руководителей этих государств. Реальные торговые и политические интересы своего государства венецианское правительство умело прикрыть пышными словами о защите интересов христианского мира от неверных.

Венецианская республика установила дружеские отношения с двумя находившимися в открытой войне крупнейшими монархиями Европы, с Францией и Испанией, и от обеих получила небольшие эскадры для защиты Крита от турок. Представляя интересы сравнительно небольшого круга фамилий, так называемого «нобилитета», венецианское правительство проявило гибкость и во внутренних делах: чтобы получить необходимые денежные средства для ведения войны, оно пошло на продажу за деньги звания венецианского патриция². И всё же это было правительство средневекового государства; оно недооценило новые политические силы, созревшие в Европе, не учло ни бурный рост экономики на основе океанской торговли, ни поднимающиеся демократические движения в Европе. Оно принимало посланников Карла II Стюарта и выслушивало их меморандумы об английском мятеже и об успехах королевского дела.

«Я прихожу от имени моего короля выразить его уверенность в прочности вашей дружбы», — гласил меморандум Килигрю. «Мы отвечаем на благородные чувства короля сердечным признанием и полным сочувствием к его несчастьям. Мы будем всегда стараться дать доказательства нашей доброй воли»³. — так отвечал королевскому резиденту венецианский сенат. Венецианское правительство обменивалось дипломатическими любезностями с резидентом короля и не имело своего официального представителя в Лондоне, так как не признавало de jure английскую республику, а с руководителями Левантской компании сношались

лишь окольными путями, через лондонского резидента тосканского герцога.

Обе воюющие стороны — как Турция, так и Венеция — нуждались в кораблях для своих эскадр и прибегали к найму их у иностранных купцов, в том числе и английских. Английские корабли считались лучше голландских. До 1649 г. английский посол в Константинополе и английские купцы возражали против использования турками английских кораблей, но впоследствии это дело было улажено к большому огорчению венецианского байло⁴, являвшегося одновременно и главой старинной венецианской колонии в Галате и представителем интересов венецианской республики при турецком правительстве. Английская дипломатия сделала этот шаг навстречу турецким интересам потому, что Венеция тогда ещё не признавала нового английского строя⁵.

Однако недружественный этот акт по отношению к Венеции был завуалирован тем, что уступка английских кораблей Турции была делом английских купцов, т. е. частных лиц, а английский посол в Константинополе хлопотал даже об освобождении своего коллеги — венецианского байло — из Семибашенного замка, куда он был посажен по распоряжению турецкого правительства.

Венецианская дипломатия, хорошо понимая истинные цели английских политиков, пыталась воздействовать на руководителей Левантской компании, доказывая им, что помощь Турции — удар по всему христианскому миру. Однако Турция продолжала пользоваться поддержкой английского торгового флота. Тогда венецианский посол в Париже, по инструкции от своего правительства, заявил секретарю английского посланника во Франции, что союз Англии и Турции — чудовищное и небывалое дело; что этот союз несовместим с благочестием англичан и полезен только общему врагу⁶.

Напуганная перспективой объединения морских сил Англии и Турецкой империи, Венеция пошла на признание нового строя Англии, чтобы побудить английское правительство изменить свою политику на Ближнем Востоке. Хотя Венеция и пользовалась некоторой военной поддержкой со стороны Франции, находившейся с начала 50-х годов XVII в. в состоянии фактической войны с Англией, но, конечно, ни замаскированный, ни открытый конфликт с Англией Венеции не был выгоден. В Константинополе шла глухая дипломатическая борьба между Англией и Францией. Французский посол разжигал разногласия среди английских купцов в Константинополе, поддерживая связи со сторонниками английского короля и венецианского байло⁷. Когда великий визирь посадил в Семибашенный замок венецианского байло, секретари арестованного нашли убежище во французском посольстве, а сам французский посол снабжал венецианское

¹ Venetian Calendar. T. XXVIII, p. 159.

² Daru Histoire de la République Venise. T. IV, 525.

³ Venetian Calendar. T. XXVIII, 141.

⁴ Bailo — так назывался посланник венецианской республики в Константинополе.

⁵ Venetian Calendar. T. XXVIII, 106.

⁶ Ibidem, 179.

⁷ Ibidem, 163.

правительство информацией о кораблях, уступленных англичанами туркам¹.

Немаловажным фактором, определявшим отношение Англии к венецианско-турецкой войне, являлась блокада Дарданелл, начатая венецианским флотом под водительством Томаса Моросини в 1646 году. В результате блокады полностью прекратилось судоходство через Дарданелльский пролив, в частности движение судов, направлявшихся в Константинополь. Английским торговым интересам был нанесён, таким образом, ущерб. Хотя Венеция и выразила впоследствии готовность пропускать через Дарданеллы корабли Левантской компании, но фактически корабли задерживались и вынуждены были выгружать свои товары в Смирне.

Через Сальветти, тосканского резидента в Лондоне, Венеция заключила соглашение с Левантской компанией о пропуске 2—3 кораблей компании одновременно через Дарданеллы². Венеция стремилась улучшить этим путём свои отношения с английской республикой.

Левантская компания была более чем частная купеческая организация; она оказывала большое влияние на английскую внешнюю политику, ибо оплачивала из своих средств английского посла и двух консулов в Турции, содержала форты, фактории и военные корабли³.

Так как Англия продолжала оказывать помощь туркам кораблями, то венецианский сенат через своего посла в Париже поручил при посредстве третьих лиц выразить английскому правительству дружеские чувства венецианцев к Англии и сообщить об их желании противодействовать делам, «обидным для христианства и оскорбительным для бога»⁴. В том же сообщении сената была заявлена готовность вступить в сношения с английским парламентом, а это означало признание английской республики не только *de facto*, но и *de jure*. Таким путём Венеция стремилась не только лишить Турцию помощи английского торгового флота, но и самой получить эту помощь, а также нанять в Англии военные отряды на службу Венеции.

Конечной целью венецианской дипломатии было вовлечение английской республики в войну против Турции — «врага всего христианского мира». В этих словах, к которым часто прибегали тогда венецианские дипломаты, было отражение средневековой идеи крестового похода, борьбы креста с полумесяцем.

Помощи против Турции Венеция искала всюду, стремясь объединить всех врагов Турецкой империи в борьбе с ней. В 1655 г. посол Венеции Альбертус Вимони просил царя Алексея Михайловича послать донское

войско на турок и тем облегчить для Венеции войну с Турцией⁵.

II

Только в 1652 г. Венеция направила в Лондон Паулуччи, состоявшего секретарём при венецианском поселе в Париже Микаэлло Моросини, без верительных грамот, но с поручением зафрахтовать корабли для Венеции и вступить в переговоры о найме военных отрядов. Ему было поручено вести эти дела, обратившись к руководящим членам английского правительства⁶.

Представив письмо сената спикеру парламента, Паулуччи занял место в ряду иностранных дипломатов, находившихся в Лондоне, — послов Испании и соединённых провинций, резидентов Португалии, Тосканы, Генуи, Швеции и Дании. Но сам Паулуччи не имел ни звания посла, ни звания резидента, а именовался секретарём. В разговоре с английским дипломатом Флемингом, заведовавшим приёмом послов при республике, Паулуччи заявил, что его миссия состоит в том, чтобы получить в Англии отряды воинов и корабли для операций против турок — врагов всего христианства⁷.

Однако время венецианцами было выбрано неудачно: начиналась война Англии с Голландией. Голландцы стремились прервать английскую торговлю с Левантом, Англия должна была собрать все свои военно-морские силы для борьбы с Голландией на море. В Тоскану был направлен в качестве посланника английской республики новый деятель — Карл Грандье, один из крупнейших купцов, связанный торговыми операциями с Левантом. Он получил полномочия располагать по своему усмотрению всеми английскими кораблями на Средиземном море.

Интересна характеристика этого дипломата новой формации, данная ему Паулуччи: «Это убеждённый, упорный человек, проповедник, который считается только с интересами новой республики»⁸. В беседах, которые несколько раз происходили между Паулуччи и Флемингом, последний всё более настойчиво проводил мысль о необходимости скорейшего оформления дипломатических отношений между Англией и Венецией на основе признания английской республики, что должно привести к безопасности торговли на Средиземном море для обеих наций. В октябре этот вопрос получил благоприятное разрешение — Паулуччи представил свои верительные грамоты. Но за этим следовало выполнить второй формальный акт — обменяться послами. Кромвель и весь совет были удивлены отсрочкой со стороны Венеции в решении этого вопроса⁹. Флеминг в разговоре с Паулуччи в июле 1653 г. развивал мысль о том, что дружба Англии и Вене-

¹ Venetian Calendar. Т. XXVIII, 153, 156, 159, 176.

² Ibidem, 117, 123.

³ Ashley. Financial and commercial policy under the Cromwellian Protectorate, 117.

⁴ Venetian Calendar. Т. XXVIII, 165.

⁵ Баятыш-Каменский И. Обзор внешних сношений России. Т. II, стр. 207.

⁶ Venetian Calendar. Т. XXVIII, 213.

⁷ Ibidem, 229. Первая встреча Флеминга и Паулуччи произошла в дворцовом парке 29 апреля 1652 года.

⁸ Venetian Calendar. Т. XXVIII, 328.

⁹ Venetian Calendar. Т. XXIX, 92.

ции при английских королях носила более формальный, чем реальный характер; теперь эта дружба должна окрепнуть, а после примирения с Голландией республики посчитаются и с турками и с другими, кто участвует в заговоре против свободы¹. Эти многообещающие слова нашли отзвук в сенате Венеции и были поняты как программа внешней политики поднимающегося к власти Оливера Кромвеля. Сенат поручил Паулуччи выразить Кромвелю совершенное почтение и высокую оценку его редкого характера и качеств².

В то же самое время произошла замена английского посла в Константинополе Томаса Бендиша Ричардом Лауренсом³. Паулуччи добивался, чтобы Лауренсу была дана инструкция благоприятствовать интересам Венеции и помогать делу христианства против общего врага.

В мае 1654 г. была направлена в Средиземное море сильная английская эскадра Блэка. Левантская компания, опасаясь конфликта с Турцией, выступила против враждебных Турции актов. Однако Кромвель отдал приказ эскадре поддержать честь английского флота и добиться удовлетворения от пиратов Туниса и, если надо, от самой Турции⁴. Так начались при Кромвеле сближение Англии с Венецией и охлаждение в её отношениях к Турции.

Немаловажное значение для отношений Англии к Венеции и Турции имела борьба английской республики с мусульманскими пиратами в западной части Средиземного моря. Ещё в 1637 г. туда была направлена экспедиция под начальством Вильяма Ренборо для истребления турецких пиратов и для освобождения английских подданных из рабства. В 1646 г. в Алжир был направлен Эдмунд Кэссон для заключения договора с алжирским беем о свободе торговли для английских купцов. Наряду с дипломатическими переговорами республика использовала и средства вооружённого воздействия. В 1655 г. эскадра Блэка напала на берега Туниса и сожгла тунисский флот. Позднее Джон Стоакс — продолжатель дела Блэка в Средиземном море — заключил договоры с пиратскими государствами о прекращении разбоев на море⁵.

В этой начальной стадии утверждения господства английского флота на Средиземном море у венецианского правительства появилась надежда на возможность разрыва отношений между Англией и Турцией. Нападение Блэка на Тунис вызвало остановку в отправлении помощи из Туниса в Турцию⁶. Это событие породило тревогу среди заправил Левантской компании. Распространились слухи, что по приказу Кромвеля Блэк должен направиться в Левант для защиты интересов английской нации.

¹ Venetian Calendar, T. XXIX, 105.

² Ibidem, 114.

³ Calendar of State papers D. S. 1653—1654, 123, 148.

⁴ Venetian Calendar, T. XXIX, 250, 256.

⁵ Calendar of State papers D. S. 1657—1658, 307—310.

⁶ Venetian Calendar, T. XXX, 50, 59.

Принимая Паулуччи 25 июля 1655 г., Кромвель говорил о своём желании помочь Венеции⁷. Назначенный вместо Паулуччи послом Венеции в Лондоне Сагрето в осторожных выражениях запрашивал о возможности выступления Англии для оказания помощи Венеции в её борьбе с Турцией. «Если английская экспедиция будет направлена в Индию — за что говорят многие доводы, — то она вызовет большие трудности и нет ничего невозможного в том, что Англия направит свои силы против Турции, поскольку Протектор захочет вознаградить свои подвиги и восстановить престиж своего оружия, омрачённый неудачей»⁸.

Однако Сагрето из своих бесед с английскими дипломатами скоро понял, что английское правительство, формируя эскадру, колебалось, послать ли её против Испании или против Турции, но в данный момент (22/X) дело уже шло к разрыву с Испанией, поскольку испанский посол получил приказание оставить Англию и направиться во Фландрию⁹.

В такой момент активная помощь Венеции со стороны Англии была невозможна. Но Сагрето был неутомимым и энергичным дипломатом. Он зорко наблюдал за развитием английской революции, а наряду с этим широко использовал свои встречи с дипломатическими представителями других стран, горячо убеждая их выступить против Турции. В беседе с голландским послом он приветствовал благородное намерение Голландии собрать большой флот против турок; шведскому послу он указывал на блестящую возможность после многочисленных побед его короля нанести удар в самое сердце Турции, ослабленной длительной войной. Эти беседы являлись выполнением широко задуманного венецианской дипломатией плана объединения в союз всех враждебных Турции сил.

В беседе со шведским послом 5 октября 1655 г. Сагрето снова указывал, что судьба предоставила шведскому королю возможность захватить богатую и плодородную страну, соединив свои силы с силами Москвы, тем более что в Турции нет преград, которые могли бы остановить движение такого потока¹⁰. Английским дипломатом Сагрето стремился, с одной стороны, доказать лёгкость войны с Турцией; с другой стороны, он указывал, что захват Крита турками откроет ворота, через которые турецкое войско может ворваться в Европу и захватить её лучшую часть. Но в Англии войне с Турцией противились и политики ввиду войны с Испанией и купцы Левантской компании, опасавшиеся конфискации английских товаров турецким правительством, которое могло последовать примеру испанского правительства.

На приёме у Кромвеля 12 ноября 1655 г. Сагрето красноречиво убеждал Кромвеля в том, что он не может лучше использовать свой меч, как в защиту Евангелия. Два флота, венецианский и английский, говорил он,

⁷ Ibidem, 86.

⁸ Ibidem, 122.

⁹ Ibidem, 125.

¹⁰ Ibidem, 133.

должны быть щитом для христиан, подвергшихся нападению турок¹. Небольшой части английских военно-морских сил было бы достаточно, чтобы победить Османскую державу. Кромвель отнёсся вполне сочувственно к словам Сагрето, отметил, что турки являются общим врагом Англии и Венеции, признал обязанностью каждого христианского государя помочь Венеции. Но наряду с этим Кромвель заявил, что ему не удалось обсудить это дело со своим советом. Сообщая об этом разговоре своему правительству, Сагрето пишет, что англичане готовят флотилии, вооружают корабли, собирают отряды для войны с Испанией.

В середине февраля 1656 г. Сагрето вернулся на родину, сдав свою должность в Лондоне Джаварине, который до этого был секретарём венецианского сената и который получил новое назначение представлять интересы Венеции в Англии. Он продолжал политику своего предшественника, стремясь вовлечь Англию в войну с Турцией, и встретил те же заверения в симпатиях к Венеции².

В это время при попытке прорвать блокаду Дарданелл турецкий флот потерпел поражение, самое тяжёлое со времён морского боя при Лепанто³. Турки начали усиленные приготовления к новой кампании, под руководством энергичного визиря Магомета Кеприлу. Потерпев неудачу в 1655 г. при попытке получить корабли от Англии, Голландии и Франции, турецкое правительство решило наложить руку на иностранные корабли, стоявшие в турецких портах.

Джаварина убеждал Кромвеля послать через английского посла в Константинополе решительный протест против насилия над капитанами кораблей. Кромвель ответил, что он принимает к сердцу интересы Венеции и готов осуществить всё, что предлагает Джаварина, но вопрос о способах проведения в жизнь этих предложений необходимо обсудить в совете⁴. Уклончивый ответ Кромвеля показывал, что у английского правительства была своя линия поведения в венецианско-турецком конфликте, отклонявшаяся от того пути, на который толкала его венецианская дипломатия. Занятый внутренними делами, подготовкой второй конституции протектората, Кромвель долго откладывал решающее объяснение с Джавариной⁵.

События на театре военных действий развёртывались своим чередом; венецианский флот вновь одержал победу при Дарданеллах; венецианцы отвоевали о. Тенедос и отбили атаки турецкого флота. Приём Джаварины Кромвелем состоялся лишь 3 декабря, и только в донесении от 7 декабря 1657 г. Джаварина мог изложить свою беседу с Кромвелем, в которой раскрывалась основная линия английской политики в отношении турецко-венецианского конфликта.

¹ Venetian Calendar, T. XXX, 136—137.

² Ibidem, 244.

³ Hammett. Histoire de l'Empire Ottoman, T. X, 392.

⁴ Venetian Calendar, T. XXX, 291.

⁵ Venetian Calendar, T. XXXI, 41.

Выразив удовлетворение победами республики над общим врагом и пожелав ей полного успеха, Кромвель заявил, что он выпустит строгие приказы о воспрещении английским кораблям служить туркам. По поводу заявления о продаже англичанами туркам военных материалов (железо, свинец, порох, мушкеты, ядра и т. п.) Кромвель обещал повторить указы, запрещающие это делать, но намекнул, что в этом отношении есть больше оснований жаловаться на голландцев, которые снабжают турок, Индию и мавров оружием и учат, как им пользоваться против англичан. Вместе с тем Кромвель заявил, что послать эскадру против Турции — значило бы вызвать конфискацию всех английских капиталов в Турции и арест проживающих там англичан. Кромвель отметил, что Венеция получила помощь от Англии, так как Блэк сжёг тунисские корабли и таким образом предупредил их появление в Леванте на помощь Турции.

Как бы желая ещё яснее показать, что линия английской политики на Ближнем Востоке согласована с желаниями купцов, вложивших свои капиталы в левантскую торговлю, Кромвель сказал, что если Триполи не вернёт захваченный английский корабль и не возместит убытки за товары, то английский флот начнёт активные операции против Триполи, поскольку этого желают английские купцы, которые рады были бы видеть разорение не только Триполи, но и Алжира, и Туниса, и других мест берберского берега, но только в том случае, если это не нарушит мира с Турцией, который они желают продолжить и укрепить⁶.

Было ясно, что Англия не хотела идти на разрыв с Турцией, но готова была принять репрессивные меры против североафриканских пиратов, помогавших Турции и вредивших английской торговле в западной части Средиземного моря.

Английский флот в Средиземном море должен был охранять торговые интересы Англии, а не помогать Венеции в её морской войне против Турции, хотя бы это была, по выражению венецианских дипломатов, война «против врага всего христианского мира».

Последняя беседа Джаварины при жизни Кромвеля с государственным секретарём состоялась в начале августа 1658 года. Венецианский дипломат снова говорил, что слава ожидала бы Протектора, если бы он решил поддержать венецианскую республику в борьбе с турками. Ответ последовал в духе прежних бесед: война с Турцией признавалась справедливой, но вмешаться в неё и выполнить свой долг перед христианским миром Протектор не может в силу внутренних и внешних событий, поглотивших все средства и требующих всего внимания и всех сил⁷. Этот ответ находился в полном соответствии с тем, какой несколько раньше дали купцы Левантской компании: в нём не было ничего конкретного и положительного, заинтересованность купцов в торговле с Турцией и надежды на прибыль побуждали их

⁶ Ibidem, 136—138.

⁷ Ibidem, 230.

высказываться против активного вмешательства в войну¹.

После смерти Оливера Кромвеля его политику продолжал сын его Ричард, выразивший уважение к венецианской республике и готовность соединить силы против общего врага. «Это было бы великое дело, если бы эти прекрасные слова претворились в поступки»,—сообщает венецианский дипломат, тут же подметивший, что сын, подобно отцу, не дал никаких обещаний порвать отношения с Турцией².

Между тем в 1659 г. и внутреннее состояние Англии и её международное положение изменились. В стране происходила борьба за власть между Офицерским советом и «охвостьем».

Пиренейский мир между Францией и Испанией ставил Англию в изолированное положение в Европе. В этот момент английская дипломатия начинает сближение с Турцией. Английский посол в Турции ведёт переговоры о монополии торговли на турецких рынках, с тем чтобы оттуда вытеснить французские товары³.

Переговоры о заключении договора между Англией и Турцией сильно беспокоили Венецию. Возможность заключения такого договора или даже союза допускал и Джаварина «при правительствах, которые готовы там, где это выгодно, делать друзьями всех без уважения религии или интересов христианства»⁴.

В то время как в конце 1659 г. и в начале 1660 г. английская дипломатия вступила на путь сближения с Турцией, Франция подготавливала отправку помощи Венеции. Французский дипломат Круассон 26 мая 1660 г. подписал в Венеции условия, на которых республика получает французские отряды, используемые против турок⁵.

Отмеченный выше поворот английской политики оказался кратковременным. Когда появились несомненные признаки реставрации Стюартов и Джаварина мог переслать в Венецию экземпляр декларации Карла II к палатам парламента, мэру, общинному совету Лондона и генералу Монку, он выразил надежду, что с возвращением на престол короля прекратятся все затруднения между Англией и Венецией⁶.

Королевское правительство назначило в Константинополь нового посла, графа Уинкельси. Купцы Левантской компании, опасаясь больших расходов на содержание Уинкельси, просили короля оставить ста-

рого посла, но получили отказ. Граф Уинкельси выразил Джаварине свою готовность служить интересам Венеции и, намекнув, что французский посол, державший сторону Венеции, получал за это большие подарки, заявил Джаварине, что он в состоянии служить ей много лучше, чем француз⁷. Это заявление поразило своей откровенностью венецианского посла, который характеризует графа Уинкельси как человека, не очень устойчивого, скорее легкомысленного и ветренного, думающего только о выгоде тогда как пост в Константинополе требует, чтобы его замещал человек зрелый и рассудительный. Действительно, Уинкельси самостоятельной политики вести не мог, так как находился в материальной зависимости от Левантской компании, выплачивавшей ему содержание. Между Уинкельси и дипломатами революционной эпохи, людьми энергичными и целеустремлёнными, выявлявшими волю нового класса, пришедшего к власти, были большая разница; она выступает и в мелких черточках жизни и быта, подмеченных зорким глазом венецианского наблюдателя.

Описывая приём у Карла II, Джаварина отмечает, что король говорил с ним на французском языке, у него мягкие манеры и любезные слова. Он обещал помощь Венеции в борьбе с Турцией: «Было бы позором для христианских государей допустить гибель республики»⁸. Но король, как и Оливер Кромвель, дальше добрых обещаний не пошёл в деле помощи Венеции. Левантская компания, вложившая большие капиталы в торговлю на турецком рынке, и при Кромвеле и при короле Карле II играла решающую роль в направлении английской политики на Ближнем Востоке.

III

Венецианско-турецкая война за Крит происходила в то время, когда Англия приобрела через Левантскую компанию большие связи с турецким рынком. Левантская компания и стала в конечном счёте той силой, которая определила отношения Англии и Турции как отношения мирные. Венеция, добивавшаяся разрыва этих отношений и активной поддержки от Англии в борьбе её с Турцией, успеха не имела, хотя Кромвель заверял венецианских дипломатов в своей готовности помочь христианскому миру против неверных. К тому же англо-испанская война поглощала так много сил Англии, что создавать ещё новый фронт борьбы на Ближнем Востоке было очевидной несообразностью. Но Англия тогда заложила основы своего будущего господства на Средиземном море, показав силу английского флота турецким вассалам, какими были Алжир, Тунис, Триполи.

⁷ Ibidem, 168—169.

⁸ Ibidem, 182.

¹ Venetian Calendar. T. XXXI, 173.

² Ibidem, 263.

³ Venetian Calendar. T. XXXII, 124.

⁴ Ibidem, 185.

⁵ De Flissan. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française. T. III, 248.

⁶ Venetian Calendar. T. XXXII, 147.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ УСТАВА ЛИГИ НАЦИЙ*

Б. Штейн,
проф. Высшей дипломатической школы

В Декларации Московской конференции трёх министров иностранных дел от 30 октября 1943 г. сказано, что четыре государства (СССР, США, Великобритания и Китай) «признают необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей Международной Организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства — большие и малые»¹.

Таким образом, создание международной организации по охране мира и безопасности является задачей, к осуществлению которой руководящие державы антигитлеровского блока приступают, не дожидаясь неизбежного полного разгрома Гитлера и его союзников, а также окончания войны.

Контуры этой будущей международной организации уже давно служат предметом обсуждения в мировой (главным образом американской и английской) печати. По этому вопросу имеются уже высказывания ряда государственных деятелей. Некоторые государственные деятели и авторы работ, посвящённых этой проблеме, высказываются за создание новой организации, ничего общего не имеющей с прежней Лигой наций; другие же склоняются к возрождению Лиги наций, с тем, однако, чтобы исправить те основные недочёты и пороки, которые привели её к гибели.

В современной литературе и в высказываниях отдельных государственных деятелей анализ причин неудач Лиги наций отличается значительной пестротой и противоречивостью. Критикуя деятельность Лиги наций, многие основной причиной провала Лиги считают недостатки её устава. В дальнейшем мы увидим, что такая критика — только попытка затушевать действительные причины провала Лиги. Не в уставе Лиги наций было дело. Лига наций, по замыслам и согласно декларациям её творцов, должна была стать всемирной организацией, призванной регулировать международные конфликты и охранять мир. Этот принцип был нарушен с первых дней её создания отсут-

ствием в её составе ряда государств. Отсутствие в её составе величайших держав — СССР (за исключением короткого периода — 1934—1939 гг.) и Соединённых Штатов Америки (на протяжении всей истории Лиги) предопределило её бессилие в разрешении проблем международной политики, даже если бы не существовало других глубочайших причин слабости Лиги наций в условиях всё растущих противоречий послевоенных лет.

Ни одно решение Лиги не могло быть принято вопреки точке зрения руководивших Лигой государств. Когда ответственность за те или иные решения Лиги возлагалась на неё самоё, то это всегда было попыткой снять ответственность с руководивших ею государств. Лига в течение всего периода своего существования была теснейшим образом связана со всей международной политикой, которую проводили руководившие ею государства в период между первой и второй мировыми войнами. В течение первой фазы существования Лиги наций все её решения отражали политику государств — победителей в первой мировой войне. Эту политику, в частности, отличало ярко выраженное антисоветское направление, которое предопределило тогдашнюю позицию Лиги наций. В последний период существования Лиги, когда руководящие государства осуществляли так называемую политику невмешательства, Лига отражала эту политику «невмешательства». Таким образом, говорить о какой-либо самостоятельной позиции Лиги в отличие от позиции ведущих в ней государств, конечно, не приходится.

Лига наций оказалась недостаточным оружием в борьбе против агрессии. Отказ Лиги от действительной борьбы против агрессии облегчил развязывание второй мировой войны. Именно поэтому важно учесть весь опыт Лиги наций, дабы не повторять при создании международной организации по охране мира и безопасности ошибок, допущенных в прошлом.

Важно отметить и то обстоятельство, что самый устав Лиги наций содержал постановления, достаточные для проведения политики коллективной безопасности и коллективной борьбы против агрессии. Конечно, этот устав или, вернее, его интерпретация давали возможность уклоняться от подлинной борьбы против агрессии. Однако основная причина этого самоустранения заключа-

* Настоящая статья представляет собой сокращённую первую главу подготовленной к печати работы «История Лиги наций».

¹ «Известия» от 2 ноября 1943 года.

лась не в недостатках устава, как такового. С этой точки зрения анализ происхождения устава представляет значительный интерес.

Уже с самого начала первой мировой войны в различных странах появились общества, ставившие своей целью изучить проблему межгосударственной организации мира и безопасности.

Известный германский исследователь устава Лиги наций профессор Шюкинг насчитывает свыше 50 различных проектов организации Лиги наций, появившихся в период между 1914 и 1919 годами¹. Если идея Лиги наций была очень популярна в период, предшествовавший окончанию первой мировой войны, то причины этого надо искать в общей обстановке этого периода. Наряду со стремлением руководителей стран Антанты закрепить намечавшуюся уже победу над Германией и её союзниками, в успехе идеи Лиги наций большую роль сыграли возмущавшее недовольство широких масс невиданно до того тяжёлыми жертвами и бедствиями, вызванными войной, и их ярко выраженное стремление больше не допустить подобной войны. Известно, что организация Лиги наций сделалась официальным лозунгом избирательной кампании в США при выборах президента. Стремлением создать у широких масс уверенность в том, будто война больше не повторится, объясняется тот факт, что идею Лиги наций поддерживали не только широкие круги буржуазных пацифистов, но и многие представители рабочего движения.

Не останавливаясь на анализе всех возникших проектов, перечислим наиболее существенные из них. В 1914 г. в Швейцарии образовался Швейцарский комитет по изучению основ договора для установления прочного мира. Комитет разработал проекты о международном посредничестве и арбитраже, о создании обязательного международного суда и, наконец, о создании конференции европейских государств.

В том же, 1914 году в Англии был создан Союз демократического контроля, который также занимался разработкой проекта создания международной организации. В 1915 г. в Англии образовалась Лига общества наций.

Проектами создания международной организации занималось во время первой мировой войны и Фабианское общество в Англии. Оно разработало проект создания международного совета, задачей которого являлось бы урегулирование международных споров. Известный интерес представляет в этом проекте структура международного совета: великие державы должны назначать в международный совет по 5 делегатов, остальные державы — по 2 делегата. Внутри этого большого совета предполагалось организовать несколько более мелких советов: великих держав, второстепенных держав, амери-

канских государств и европейских государств².

В 1915 г. в Гааге образовалась Центральная организация в пользу прочного мира, которая выработала большую и детально разработанную программу международной организации. В том же году в США возникла организация под названием «Лига для достижения мира», во главе с бывшим президентом США Тафтом. В программе этой Лиги было следующее требование: «Подписавшие державы (речь идёт о членах будущей международной организации, которая должна быть добровольной. — Б. Ш.) направят в общем согласии свои силы — как экономические, так и военные — против той из них, которая обратится к войне или предпримет враждебные действия против другой подписавшейся державы». Во Франции Лига прав человека и гражданина в 1915 г. разработала проект создания Лиги наций. В апреле 1917 г. известный британский пацифист лорд Брайс опубликовал проект объединения всех великих держав. Это объединение — Союз для предотвращения будущих войн — должно было разбирать все международные конфликты при помощи согласительной процедуры и арбитража.

В 1918 г. социалистический конгресс в Стокгольме выпустил манифест, в котором, в частности, высказался за создание Лиги наций после войны. В этом же смысле была принята резолюция на конференции рабочих и социалистических партий стран Антанты в Лондоне в феврале 1918 года.

Устав Лиги наций был разработан во время Парижской мирной конференции 1919 г., и именно в таком виде он был включён в качестве интегральной части в текст как Версальского, так и всех других мирных договоров 1919—1920 годов.

Этот период в истории Лиги наций обыкновенно связывают с именем президента США Вильсона — автора известных 14 пунктов (программы мира), причём его очень часто называют автором и устава Лиги наций. Это утверждение не соответствует истине. Как правильно замечает председатель американского комитета печати на Парижской конференции Рей Стеннард Беккер³, «в сущности, ни одна мысль, ни одно положение договора о Лиге наций не принадлежит в своей основе президенту. Он скорее его издатель или компилятор, который подробно расценивает поступивший из другого источника материал, выбирает, выбрасывает, редактирует и связывает воедино»⁴. История разработки устава Лиги наций полностью подтверждает эту оценку роли Вильсона.

² Ibidem, S. 5—10.

³ Р. Беккер был ближайшим помощником президента Вильсона в течение всего периода Парижской мирной конференции и издал затем свои записки о деятельности Вильсона на этой конференции.

⁴ Беккер Р. Вудро Вильсон, стр. 238. Госиздат. М. 1923.

¹ Schücking u. Wöhberg. Die Satzung des Völkerbundes. Erster. Band. Berlin. 1931.

Весной 1918 г. английское правительство, учитывая внимание, которое общественное мнение Англии уделяло в этот период идее Лиги наций, образовало специальную комиссию для разработки соответствующего проекта. Палата лордов приняла предложение приветствовать «принципы Лиги наций и поручить правительству выяснить необходимые для их осуществления условия»¹. Даже такой весьма мало склонный к абстрактным идеям политический деятель, как лорд Керзон, выступил в Палате лордов с защитой идеи Лиги наций.

Комиссия, образованная в начале 1918 г. английским правительством во главе с лордом Филлимом, выработала к 29 марта 1918 г. проект, известный впоследствии под названием «проект Филлима». Этот проект был направлен военному кабинету Великобритании, премьер-министру доминионов и президенту Соединённых Штатов Америки. Именно проект Филлима лёг в основу компилятивной работы Вильсона по созданию устава Лиги наций. Проект Филлима содержал 18 статей, причём некоторые из них давались в альтернативных вариантах. Многие из этих статей в несколько изменённом виде вошли затем в устав Лиги наций.

Проект Филлима делился на разделы, которые трактовали вопросы о предотвращении войны, о мирном разрешении международных споров, об отношениях между государствами, участвующими и не участвующими в Лиге наций, и, наконец, о столкновении договоров.

Основная мысль первого раздела (о предотвращении войны) заключалась в том, что каждый член Лиги наций обязуется не вступать в войну с другими её членами: «а) без предварительной передачи спорных вопросов на разрешение арбитров или конференции союзных государств (под союзными государствами проект Филлима понимает членов будущей Лиги наций.— Б. Ш.); б) до объявления постановления арбитров или доклада конференции и в) с другим союзным государством, действующим в соответствии с постановлением арбитров или рекомендацией, которые могут содержаться в докладе конференции»².

Это постановление статьи 1-й проекта Филлима почти полностью вошло в устав Лиги наций.

Статья 2-я проекта Филлима заключала в себе постановления о санкциях против государства, которое начинает войну в нарушение постановления статьи 1-й.

Первая часть статьи 2-й с конкретным перечислением санкций (военных, военноморских, финансовых и экономических) затем была инкорпорирована в статью 16-й устава Лиги наций. При последующей переработке была выброшена вторая часть статьи 2-й, расширявшая санкции против государства-нарушителя и выраженная

в следующей формулировке: «В целях проведения в жизнь настоящей статьи союзные государства будут задерживать все суда и товары, принадлежащие подданному государства-нарушителя, а также исходящие от какого бы то ни было лица, живущего на территории такого государства или предназначенные ему, и будут принимать другие аналогичные меры, которые окажутся необходимыми в тех же целях»³.

Второй раздел проекта Филлима был посвящён мирному разрешению международных споров. Согласно проекту, международный арбитраж объявлялся наиболее эффективным средством разрешения международных конфликтов, но вовсе не обязательным. Параллельно с арбитражем предлагался способ урегулирования конфликта при помощи особых конференций государств — участников Лиги наций. Решения такой конференции выражаются в форме рекомендаций, которые обращаются к обоим спорящим сторонам. Этот раздел проекта Филлима послужил впоследствии базой для статей 10-й, 11-й и 15-й устава Лиги наций.

Третий раздел плана Филлима был посвящён отношениям между союзными государствами и государствами, не участвующими в предлагаемой конвенции. Постановления этого раздела носили ещё более необязательный характер, нежели постановления предыдущего раздела. Они формулировали мероприятия союзных государств для урегулирования того или иного международного конфликта, участником которого может быть государство, не являющееся членом Лиги наций. Постановления этого раздела послужили впоследствии основой для статьи 17-й устава Лиги.

Наконец, в проекте Филлима была статья, в которой объявлялось, что с принятием настоящей конвенции её участники обязуются отменить все договорные обязательства между собой, не совместимые с постановлениями настоящей конвенции, а также обязуются впредь не заключать договоров, которые бы противоречили ей. Эту статью впоследствии почти дословно повторила статья 20-я устава Лиги наций.

Проект лорда Филлима был официально передан Вильсону правительством Великобритании в мае 1918 года. Он рассмотрел этот проект совместно с одним из своих ближайших помощников — полковником Хаузом — и поручил ему составить новый проект, который бы отвечал идеям Вильсона. Полковник Хауз передал составленный им новый проект вместе с объяснительной запиской президенту Вильсону 16 июля 1918 года.

★

Основным отличием проекта полковника Хауза от проекта лорда Филлима является пункт о международном судебном трибунале. Хауз не сразу пришёл к этой мысли. В своём письме на имя президента он писал: «Раньше я никак не мог примириться с судебным трибуналом, но при разработке про-

¹ Беккер Р. Указ. соч.

² Miller-D. The drafting of the covenant. Vol. II. p. 3—5. New-York—London 1928.

³ Ibidem, p. 4.

екта он всё-таки показался мне необходимой частью всего механизма. Возможно, что со временем он станет наиболее прочным учреждением Лиги»¹.

Судебный трибунал, по проекту Хауза, был процедурой, отличной как от арбитражного решения международных конфликтов, так и от урегулирования их при помощи конференций. (Эти два метода имелись в проекте Филिमора.) Главным принципом этого международного судебного разбирательства была его обязательность для членов Лиги наций. Стороны в споре могли по собственному желанию обращаться к арбитражу, а равно и к другим методам разрешения спора, но всякий неразрешённый спор обязательно должен был быть передан международному суду.

Положение о международном суде, по проекту полковника Хауза, включало санкции, причём эти санкции применялись не только в случае войны, начатой какой-либо стороной до передачи конфликта международному суду: они применялись и в том случае, если та или иная сторона отказывалась передать международному суду спор, входящий в его компетенцию, или же провести в жизнь решение этого суда. В этом случае по отношению к указанной державе применялись экономические санкции. Как сказано в статье 14-й проекта Хауза, «эта держава тем самым теряет все права торговли и сношений с договаривающимися сторонами и будет их лишена»². При этом проект Хауза не предусматривал, в отличие от проекта Филिमора, применения военных санкций. Хауз ограничивал санкции только полным разрывом торговых отношений и блокадой.

Следующей чрезвычайно важной особенностью проекта Хауза является статья, в которой провозглашалась гарантия территориальной неприкосновенности и политической независимости стран — участников будущей Лиги наций. Это было нечто абсолютно новое, не имевшее прецедента в предыдущих проектах международной организации мира и безопасности. Соответствующая статья изложена в проекте Хауза в следующем виде: «Статья 20-я. Договаривающиеся стороны совместно и раздельно гарантируют друг другу территориальную неприкосновенность и политическую независимость, подлежащую, однако, таким территориальным изменениям, которые могут оказаться необходимыми в будущем в силу изменения ныне существующих национальных условий и устремления на основе принципа самоопределения, причём три четверти делегатов должны считать эти изменения необходимыми и нужными для благосостояния заинтересованных народов, исходя при этом также из того, что все территориальные изменения должны быть связаны со справедливым возмещением и что мир всего мира стоит

выше по важности и значению, чем вопросы границ»³.

Последующее обсуждение вопроса о гарантиях территориальных границ и политической независимости государств — членов Лиги наций — показало, насколько был важен принцип, сформулированный в проекте полковника Хауза. Конечно, не случайно, что в проекте Филिमора, отражавшем тенденции внешней политики Великобритании, о такой гарантии территориальных границ не могло быть и речи. Великобритания не была намерена связывать себе руки во внешней политике. Когда впоследствии на Парижской мирной конференции Ллойд Джордж дал гарантию французских границ, это был шаг, вынужденный обстоятельствами и вызвавший резкую реакцию со стороны английских государственных деятелей. При первом удобном случае, как известно, Ллойд Джордж поспешил избавиться от этого гарантийного договора. Наоборот, Вильсон — представитель того течения внешней политики США, которое было заинтересовано в стабильности европейских границ и желало поэтому придать наибольшую устойчивость организации Лиги наций. — действовал иначе: он выдвинул в предварительных разговорах с полковником Хаузом именно идею гарантии территориальной неприкосновенности и политической независимости отдельных государств. Уже в своём послании конгрессу 8 января 1918 г. Вильсон определил цель Лиги наций как «создание взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности». Вот почему проект Филिमора, который отводил Лиге наций лишь арбитражные и посреднические функции, отнюдь не удовлетворял Вильсона.

К сказанному следует прибавить, что статья 20-я проекта Хауза заключала в себе не только идею гарантии территориальной неприкосновенности, но и мысль о возможной ревизии территориальных границ. Эта мысль была затем сформулирована, хотя и в весьма общем виде, в статье 19-й устава Лиги наций. При этом редакция Хауза по вопросу о ревизии территориальных границ была более конкретна, нежели редакция статьи 19-й устава. Статья 19-я не имела никаких точных признаков, в силу которых подобная ревизия могла быть предпринята. За всё время деятельности Лиги наций не была осуществлена ревизия территориальных границ, вопрос о которой систематически ставили государства, недовольные Версальским договором.

Проект полковника Хауза предусматривал также сокращение вооружений отдельных государств «до минимума, совместимого с безопасностью». Наконец, Хауз впервые выдвинул идею учреждения постоянного секретариата Лиги.

Так называемый первый проект Вильсона, составленный им в течение лета 1918 г., ис-

¹ Беккер Р. Указ. соч., стр. 242.

² Miller D. *Cit. Vol II*, p. 7—11.

³ *Ibidem*, p. 10.

пользовал проекты Филлмора и Хауза. В своём первом проекте Вильсон отверг предложение Хауза создать международный судебный трибунал. Ослабляя таким образом систему предотвращения войны путём обязательной передачи конфликтов на разрешение международного суда, Вильсон в то же самое время усилил санкции за нарушение устава Лиги. Именно с этой целью он использовал предложение Филлмора применять вооружённую силу в качестве карательной меры за нарушение постановлений Лиги наций. Что касается предложения Хауза о гарантии территориальной неприкосновенности и политической независимости, то Вильсон целиком включил в свой проект статью 20-ю проекта Хауза.

В декабре 1918 г., прибыв в Европу, Вильсон привёз с собой свой первый проект. К этому времени был готов ряд других проектов, как то: проект генерала Сметса, лорда Роберта Сесилия, государственного секретаря США Лансинга и др.

Проект Сметса был изложен не столько в виде устава будущей организации Лиги наций, сколько в виде брошюры, которая объясняла идеи автора. Подобно Вильсону, Сметс был горячим сторонником авторитетной Лиги наций, способной сделать войну невозможной. «Европа ликвидируется, — заявлял он, — и Лига наций должна стать наследницей её великого завещания»¹.

Новым в проекте Сметса было создание наряду с общим собранием Лиги наций особого, немногочисленного совета Лиги, причём Сметс высказался за постоянное представительство в этом совете наряду с великими державами малых государств. По вопросу о сокращении вооружений Сметс предусматривал, с одной стороны, отмену обязательной военной повинности, а с другой стороны, фиксацию определённой шкалы военного снаряжения и материала для каждого государства, в зависимости от его потребности. Наконец, Сметс предлагал установить особую систему, получившую название мандатной, по отношению к колониям. Впрочем, следует отметить, что Сметс ввёл в обиход лишь слова: «мандат», «мандатный», «подмандатная территория» и т. д. Самая же идея создания особого международного режима для колоний была изложена в проекте конференции рабочих и социалистических партий стран Антанты в феврале 1918 года. Уже этот проект предусматривал охрану колоний со стороны будущей Лиги наций.

В октябре 1918 г. со своим проектом организации Лиги наций выступил английский пацифист лорд Роберт Сесиль.

Составленный Сесилем проект конвенции в основном заключался в следующем: совет должен был состоять из представителей великих держав, причём предусматривалась возможность его расширения в будущем; общее собрание должно было собираться не реже одного раза в четыре года; было специально предусмот-

рено отдельное представительство британских доминионов и Индии. Вопросы о мандатах и ряд других вопросов должны были быть разрешены отдельными конвенциями.

В основу постановлений проекта Сесилия о разрешении международных споров положен план Филлмора. Несмотря на это в проекте Сесилия всё же есть новые идеи. Сесиль предусматривал создание постоянного международного суда. По его проекту спор, не переданный на арбитраж или на судебное разрешение, мог быть направлен либо совету либо ассамблее. Тот и другой органы могли передавать такому постоянному суду как спор сторон, так и любой связанный с делом вопрос; в этом случае решение суда подлежало утверждению органа, передавшего дело. Другими словами, проект предусматривал совещательное мнение постоянного суда в случае передачи спора на разрешение совета или ассамблеи.

В проекте Сесилия санкции в основном совпадают с санкциями, предусмотренными планом Филлмора. При этом конвенция даже содержит весьма суровое постановление о том, что операции, предпринимаемые для осуществления санкций, — военные, военно-морские и экономические — «будут проводиться без принятия во внимание каких бы то ни было ограничений, возложенных на воюющие государства какими бы то ни было конвенциями или нормами международного права».

Далее, проект Сесилия содержал, хотя и в других выражениях, чем у Вильсона, гарантии территориальной неприкосновенности и до известной степени сходным образом предусматривал процедуру изменения границ. Проект Вильсона (статья 3) говорил о будущих территориальных переустройствах; проект Сесилия (раздел I статьи 2) предусматривал рекомендацию Лигой соответствующих изменений, при этом в случае принятия сторонами этих рекомендаций остальные члены Лиги освобождались от «обязательства защищать данную территорию от насильственной агрессии»².

Проектом лорда Роберта Сесилия Вильсон совершенно не воспользовался. Он категорически отверг и предложения государственного секретаря США Лансинга.

Проект Лансинга существенно отличался от проекта Вильсона, ибо его основной целью было не создание политической организации мира, а продолжение и углубление работ Гаагской конференции по вопросам международной подсудности и кодификации международного права. К предложениям Вильсона о взаимной гарантии территориальной неприкосновенности и политической независимости Лансинг относился в высшей степени враждебно и в этих предложениях усматривал большую опасность с точки зрения внешней политики США. Разным образом Лансинг враждебно относился и к санкциям, как военным, так и экономическим. Единственная санкция, которую он допускал, — разрыв дипломатических отношений. Проект Лансинга настолько был далёк

¹ Беккер Р. Указ. соч., стр. 248.

² Miller D. Op. cit. Vol. II, p. 63.

от строя мыслей Вильсона, что последний совершенно отверг проект и ничего отсюда не позаимствовал.

Вильсон, сопоставляя все имевшиеся в его распоряжении проекты со своим первоначальным проектом, к 10 января 1919 г. выработал второй проект. Этот проект он довёл до сведения американских и английских государственных деятелей. Второй проект Вильсона не только отвергал идею постоянного и обязательного международного суда, но и отказывался от принципа обязательного арбитража. Он удовлетворялся лишь требованием, чтобы споры передавались либо на арбитраж либо на посредничество. Таким образом, второй проект Вильсона в этом отношении делал шаг назад не только по сравнению с планом Хауза, но даже по сравнению с планом Филлмора.

Второй проект Вильсона вызвал ряд критических замечаний в дипломатических кругах Парижской конференции. Учитывая эти замечания, в частности замечания генерала Блисса, а также юридического эксперта и советника американской делегации Давида Гунтер Миллера, Вильсон снова переработал свой проект и изложил его в виде третьего варианта. Так, по предложению генерала Блисса Вильсон смягчил пункт о гарантии территориальной неприкосновенности и политической независимости. В этот пункт были добавлены слова: «В целях предотвращения внешних нападений».

20 января 1919 г. британская делегация от имени своего правительства внесла официальный проект, который отличался как от проекта лорда Филлмора, так и от плана лорда Роберта Сесиль. Между 21 и 27 января 1919 г. происходили совещания. Их назначением было согласование всех трёх проектов. В совещаниях принимали участие полковник Хауз, лорд Роберт Сесиль и американский эксперт Давид Гунтер Миллер.

1—2 февраля английский эксперт сэр Сесиль Хёрст и Миллер выработали совместный проект, который впоследствии был назван проектом Хёрста—Миллера.

Вильсон снова принялся за редакционную работу, сопоставляя проект Хёрста—Миллера со своим третьим проектом, в результате чего возник четвёртый проект Вильсона. Именно этот четвёртый проект и был положен в основу дальнейших обсуждений особой комиссией, учреждённой Парижской конференцией.

Предварительная работа по редактированию устава будущей Лиги наций была закончена. Эта работа вступала в новую стадию — обсуждение в особой комиссии, выделенной Парижской конференцией.

На втором пленарном заседании мирной конференции, 25 января 1919 г., Вильсон произнёс речь о значении Лиги наций и о том интересе, который проявляет Америка к проекту устава. После выступления делегатов ряда стран было в принципе решено создать

особую комиссию для изучения вопроса и выработки устава Лиги наций. Немедленно возникла проблема: как организовать эту комиссию и каким образом в ней будут представлены отдельные страны? Когда бельгийский делегат Гиманс спросил о соотношении представителей стран в этой комиссии, то президент конференции Клемансо заявил обычным для него авторитарным тоном, что великие державы пошлют в комиссию по 2 делегата (Великобритания, США, Франция, Италия, Япония), все же остальные страны должны будут выбрать сообща 5 делегатов. Выступление Клемансо вызвало протест представителей малых стран, в частности Гиманса и делегата Бразилии Каллогераса. Клемансо безапелляционно отклонил эти протесты. Было решено, что комиссия будет состоять из 10 представителей великих держав (по два от каждой) и 5 представителей всех прочих участников Парижской мирной конференции.

Особая резолюция устанавливала необходимость создания Лиги наций. В ней говорилось: «Для сохранения международного мира, ради чего ныне собрались союзные народы, необходимо создание Лиги наций, которая будет содействовать международному сотрудничеству, следить за исполнением международных обязательств и принимать меры против войны». Эта же резолюция предусматривала создание органов Лиги—общее собрание её членов и постоянный секретариат. Что касается совета Лиги, то в резолюции о нём ничего не говорилось¹.

27 января 1919 г. специально обсуждался вопрос о составе комиссии по выработке устава Лиги наций. Делегат Чехословакия Крамарж и делегат Бразилии Каллогерас внесли предложение увеличить количество членов комиссии с 15 до 25. Однако великие державы настояли на прежнем решении, согласившись лишь на то, чтобы в дальнейшем комиссия была дополнена представителями тех государств, которые получили после первых 5 кандидатов наибольшее число голосов. В составе первой пятёрки делегатов были Бельгия, Бразилия, Китай, Португалия и Сербия. Следующими четырьмя государствами были выбраны Румыния, Польша, Чехословакия и Греция. Окончательный состав комиссии был таков: США: президент Вильсон и полковник Хауз; Великобритания: лорд Роберт Сесиль и генерал Сметс; Франция: Леон Буржуа—бывший президент совета министров и бывший министр иностранных дел—и профессор Ларнод—декан юридического факультета Сорбонны; Италия: Орландо—председатель совета министров—и Шалоя—сенатор; Япония: барон Макино—бывший министр иностранных дел—и виконт Шинда—японский посол в Лондоне; Бельгия: Гиманс—министр иностранных дел; Бразилия: Эпитасио Пессоа—сенатор; Китай: Веллингтон Ку—посланник Китая в Вашингтоне; Португалия: Батала Рейс—посланник Порту-

¹ Беккер Р. Указ. соч., стр. 330.

галки в Петрограде; Сербия: Веснич — посланник Сербии в Париже.

С 6 февраля 1919 г. на заседания комиссии приглашались: от Греции — Венизелос (председатель совета министров), от Польши — Дмовский (министр иностранных дел), от Румынии — Диаманди (посланник Румынии в Париже) и от Чехословакии — Крамарж (председатель совета министров). Комиссия по выработке устава Лиги наций заседала с 3 по 13 февраля 1919 г. в отеле «Крильон» (на конференции она получила название «Комиссия отеля «Крильон»), под председательством президента Вильсона и имела 10 заседаний.

На первом же заседании был поставлен на обсуждение внесённый президентом Вильсоном проект устава. Как мы отмечали выше, этот проект представлял собой компромисс между третьим проектом Вильсона и планом Хёрста — Миллера. Было решено, что в основу обсуждения будет положен именно этот проект. Одновременно Леон Буржуа вчлс от имени Франции свой план организация Лиги наций, одобренный французским правительством. В комиссию был внесён и итальянский проект организации Лиги. Дискуссия началась лишь со второго заседания комиссии, 4 февраля 1919 года.

Проект, внесённый Вильсоном и представлявший собой компиляцию всех предшествовавших проектов, отличался тремя особенностями. Первая из них относится к организация совета Лиги наций, который именуется в этом проекте «исполнительным комитетом». Интересно отметить, что в этот «исполнительный комитет», по цитируемому проекту, входили лишь представители 5 великих держав: США, Великобритании, Франции, Италии и Японии. Именно эти державы, согласно проекту, «будут рассматриваться как непосредственно заинтересованные во всех вопросах, относящихся к сфере деятельности Лиги наций». Все остальные государства тем самым исключались из возможного состава совета Лиги. Единственное обязательство, которое по отношению к ним было упомянуто, заключалось в том, что «всем государствам, интересы которых будут непосредственно затронуты, будут посланы приглашения и никакое решение, принятое собранием, не свяжет государство, которое не будет приглашено на это собрание»¹.

Таким образом, проект, положенный в основу дискуссии, был выдержан в смысле признания преобладающего и исключительного влияния 5 великих держав в Лиге. Указанные 5 государств заседали в совете («исполнительном комитете») в силу своего титула великих держав и не нуждались в чьём-либо избрании. Никакой выборный принцип не был установлен в отношении участия в совете других государств.

Второй особенностью этого проекта Вильсона было упоминание, и именно только упоминание, о будущей организации международного судебного трибунала. «Исполнительному комитету» надлежало разработать

план создания такого органа, причём категорически было отвергнуто обязательство стороны передавать на разрешение этого трибунала тот или иной конфликт, возникший между ними.

Наконец, этот проект предусматривал наличие санкций, причём не только экономических и торговых, но и военных. Редакция статьи 14-й этого проекта почти полностью была инкорпорирована затем в уставе Лиги наций.

Проект французской правительственной комиссии радикально отличался от всех проектов англо-американского происхождения. Это отличие в основном заключалось в подробной регламентации военных санкций, которая была предусмотрена французским проектом. Франция стремилась к созданию такой Лиги наций, которая, обладая вооружённой силой и применяя эту силу против любого агрессора, могла бы действительно служить инструментом безопасности. Франция, будучи самой сильной военной державой на континенте Европы в тот период и обладая наибольшим количеством военно-политических договоров, которые связывали её с рядом европейских континентальных держав, стремилась создать при помощи военной организации Лиги наций предпосылки для своей гегемонии в Европе. Именно поэтому как Великобритания, так и США решительно высказались против создания международной военной организации.

Проект, внесённый Леоном Буржуа, в той его части, которая касалась военных санкций, предусматривал создание международной военной силы, находящейся в распоряжении Лиги наций. Эта сила должна была быть составлена из континентов, которые каждое государство соглашалось предоставить в распоряжение Лиги наций. Было предусмотрено создание постоянного международного генерального штаба. При соответствующих обстоятельствах Лига наций должна была назначать на время предпринимаемых военных операций главнокомандующего международными военными силами. Главнокомандующий с момента своего назначения мог сам выбирать начальника генерального штаба. Международный генеральный штаб получал равным образом полномочия общего наблюдения под контролем Лиги наций за состоянием военных сил каждого государства — члена Лиги наций, — причём, осуществляя это наблюдение, он мог инспектировать военные силы входивших в Лигу наций государств².

Такова наиболее существенная часть проекта, представленного Леоном Буржуа от имени французского правительства.

Основная дискуссия по вопросу об организации международной военной силы развернулась между Леоном Буржуа и Вильсоном на заседании комиссии 10 февраля 1919 года. Сущность дискуссии была отражена в речи Буржуа, который отвечал президенту Вильсону, высказавшему своё отрицательное отношение к организации международной военной силы. В своём выступлении

¹ Miller D. Op. cit. Vol. II, p. 145—155.

² Ibidem, p. 397—411.

Вильсон заметил, что противники Лиги наций в Америке чаще всего используют как аргумент против Лиги именно то обстоятельство, что американская армия должна будет находиться в распоряжении международного совета; таким образом, указывали противники Лиги наций, американские войска должны будут сражаться в любой момент ради интересов, весьма далёких от интересов американского народа. Вильсон сказал, что подобная организация находилась бы в явном противоречии с конституцией США и общественным мнением этой страны.

Отвечая Вильсону, Буржуа заявил следующее: «В том, что касается международной военной силы, речь идёт не о постоянной армии, но о предвидении возможности военной организации, которая позволила бы быстро сгруппировать национальные контингенты против государства-агрессора. Если этого нам не удастся сделать, то возникнет серьёзная опасность. Франция охраняет границу на Рейне, которую президент Вильсон назвал границей свободы. Вследствие этого она должна обладать значительной силой даже и в мирное время. Но она не может быть спокойной, если она не будет иметь уверенность в том, что в случае нападения она не сможет рассчитывать на эффективную помощь своих союзников и будет вынуждена ожидать в течение месяцев, или даже лет, прибытия необходимых подкреплений. Без этого Франция может оказаться вновь жертвой внезапной атаки, и при этом будут утверждать, что Лига наций является не чем иным, как иллюзией»¹.

Комиссия отвергла предложение о создании международной военной силы. Победителем вышел Вильсон, которого поддержали английские делегаты.

Заседания комиссии по созданию устава Лиги наций между 3 и 13 февраля в общем проходили без особенных инцидентов.

Основные разногласия, возникшие вокруг проблемы Лиги наций, рассматривались не на заседании комиссии. 14 февраля 1919 г. на третьем пленарном заседании мирной конференции Вильсон сделал доклад о результатах работ комиссии, которая единогласно приняла устав Лиги наций. Пленарное заседание мирной конференции одобрило доклад о работах комиссии, хотя Леон Буржуа и сделал заявление, что для него борьба ещё не кончена и он будет продолжать защищать свой проект. 15 февраля Вильсон уехал в Соединённые Штаты с принятым мирной конференцией уставом Лиги наций.

В Париже во время отсутствия Вильсона против создания Лиги наций началась большая политическая кампания. Эта кампания была связана со всем ходом конференции, вступившей тогда в полосу кризиса. Разногласия между англо-американской делегацией и делегацией Франции, как известно, были очень острыми по ряду вопросов. Проблема левого берега Рейна, проблема Саарского бассейна, наконец, репараци-

онная проблема — всё это составляло предмет глубоких разногласий между союзниками.

То, что конференция приняла устав Лиги наций, означало победу Вильсона: тем самым он добился осуществления своей идеи. Наоборот, Клемансо не удалось провести те статьи мирного договора, которые обеспечивали бы Францию как политически, так и экономически. Именно потому, что создание Лиги наций являлось наиболее существенной частью программы Вильсона, Клемансо и попытался после отъезда президента вновь поднять кампанию против Лиги.

Борьба на конференции шла как по вопросу о репарациях, так и по вопросу о разделе колоний. Французская дипломатия настаивала, чтобы в условия перемирия, которое должно было быть возобновлено 16 февраля, были включены требования о репарациях. Вильсон этому всячески противился. С другой стороны, английская дипломатия, и в особенности представители доминионов, настаивали на немедленном разделе колоний. Вильсон и этому противился. Что касается вопроса о репарациях, то Вильсон считал необходимым установить связь между этой проблемой и проблемой всеобщего сокращения вооружённой. Последней должна была заняться Лига наций. Относительно дележа колоний Вильсон ссылаясь также на Лигу наций, которая приняла систему мандатов. Эта система исключала возможность простого дележа колоний, на чём настаивали Англия и доминионы. Таким образом, Лига наций, устав которой был принят на пленарном заседании мирной конференции 14 февраля 1919 г., уже являлась помехой для ряда участников конференции. Не успел Вильсон покинуть Париж, направляясь в США, как на мирной конференции появились попытки положить проект Лиги наций под сукно. Все её противники объединились в желании отложить вопрос о создании Лиги на более позднее время, т. е. на период после заключения мирного договора.

14 марта 1919 г. Вильсон вернулся в Париж. Застав весьма враждебную Лиге наций атмосферу, он немедленно принял энергичные меры к тому, чтобы обезвредить эту политическую кампанию. Уже 15 марта в печати было опубликовано следующее заявление: «Президент сегодня заявил, что принятое на пленарном заседании мирной конференции от 25 января решение, согласно которому создание Лиги наций составляет нераздельную составную часть мирного договора, сохраняет полную силу и что все слухи относительно предполагаемого изменения этого решения лишены каких бы то ни было оснований»². Далее в этом заявлении цитировалась резолюция, принятая мирной конференцией 25 января.

Этим категорическим заявлением Вильсону удалось изменить обстановку, создавшуюся в Париже во время его отсутствия. Однако, одержав эту победу, Вильсон встретился с новыми трудностями. Эти

¹ Miller D. Op. cit. Vol. II. p. 463.

² Беккер Р. Указ. соч., стр. 330.

трудности возникли в связи со статьёй 10-й проекта устава Лиги наций, статьёй, которая, с точки зрения Вильсона, была «душой Лиги наций». Эта статья в своём последнем варианте гласила: «Высокие договаривающиеся стороны обязуются уважать и охранять против агрессии извне территориальную неприкосновенность и существующую политическую независимость всех государств — членов Лиги наций»¹.

Вильсону пришлось выдержать острую борьбу с французскими дипломатами, требовавшими особых политических гарантий безопасности Франции. Требования Клемансо расчленить Германию, в частности его требование образовать автономное Рейнское государство (а это, по мнению Клемансо, само по себе могло стать гарантией безопасности Франции), были отвергнуты. Поражение, понесённое Клемансо по этим вопросам, заставляло его с ещё большей настойчивостью требовать создания такой организации Лиги наций, которая являлась бы военным союзом и могла бы в случае угрозы агрессии против Франции защитить последнюю. Как известно, мирная конференция не приняла и этого требования Франции (оно отражено в проекте Леона Буржуа). Вот почему статья 10-я устава Лиги в приведённой нами выше редакции, на которую Франция вынуждена была дать своё согласие, считалась французской дипломатией минимальной гарантией безопасности Франции. От этой гарантии, которую Клемансо и его помощники считали явно неудовлетворительной, французская дипломатия не хотела отступить ни на шаг.

Между тем эта же статья в приведённой редакции считалась в Америке слишком резкой. Ряд американских политиков, находившихся в оппозиции к президенту Вильсону, считал, что статья 10-я противоречит доктрине Монро, способна втянуть США в новую войну и наложить на них тяжёлые обязательства. 18 марта 1919 г. бывший президент США Тафт прислал Вильсону телеграмму, в которой писал: «Если вернётесь с мирным договором, включающим и Лигу наций, внесите ряд оговорок в пользу доктрины Монро... Оговорка в пользу доктрины Монро могла бы гласить следующее: «Всем американским штатам, каждому в отдельности, или всем совокупно, независимо от того, состоят ли они членами Лиги или нет, предоставляется право защищать неприкосновенность американской территории и политическую независимость соответственной области... Равным образом за ними признаётся право протестовать в интересах соблюдения американского мира против передачи вверь территории и американских суверенных прав какой-либо европейской или не американской державе и принимать меры к воспрепятствованию подобных актов»².

Вильсон был поставлен в трудное положение: с одной стороны, Франция требовала усилить гарантии по статье 10-й, а с другой, — американская оппозиция требовала

ослабить эти гарантии. Борьба разыгралась на заседании комиссии по уставу Лиги наций 10 апреля 1919 года. На этом заседании Вильсон внёс поправки к статье 10-й, учитывающие точку зрения, изложенную в телеграмме Тафта. Английские делегаты заняли позицию между французской точкой зрения и точкой зрения американской оппозиции. Они соглашались на упоминание доктрины Монро, но без определения её содержания. Выступивший от имени Великобритании лорд Роберт Сесиль заявил, касаясь доктрины Монро: «Лучше пусть останется (эта доктрина. — Б. Ш.) без дефиниции... так как всякая попытка дефинировать либо расширит либо ограничит сферу её действия»³.

Это выступление Сесиль последовало в результате непрерывных атак французских делегатов, которые требовали «точного определения доктрины Монро». Так, французский делегат профессор Лярнод заявил, что «считал бы чрезвычайно печальным, если бы доктрина Монро толковалась в том смысле, что Америка не должна принимать участия в разрешении европейских вопросов, поставленных на рассмотрение Лиги наций». В другом своём выступлении Лярнод настаивал на таком определении доктрины Монро, из которого явствовало бы, что невмешательство ею не предусмотрено. Лярнод прямо заявил, что «он желал бы возложить на Америку обязательство принимать участие в европейских делах»⁴.

Вильсону пришлось выступать несколько раз, пытаясь рассеять подозрения французских делегатов относительно того, что смысл включения оговорки о доктрине Монро в устав заключается в невмешательстве США. Эти выступления Вильсона, однако, своей цели не достигли. Прения в комиссии грозили полным срывом. Вильсону пришлось вступить в непосредственные, личные переговоры с Клемансо, причём в этих переговорах большую роль сыграл Ллойд Джордж. В результате переговоров (во время которых были обсуждены и другие спорные проблемы) вопрос был решён в духе компромисса. Поправка, внесённая Вильсоном и касавшаяся доктрины Монро, приняла общую форму, изложенную в особой статье — 21-й — устава Лиги наций следующим образом: «Международные обязательства, такие, как договоры о третейском разбирательстве и ограниченные пределами известных районов соглашения, как доктрина Монро, которые обеспечивают сохранение мира, не рассматриваются как не совместимые с каким-либо из постановлений настоящего статута»⁵.

Таким образом, самое содержание доктрины Монро не было расшифровано, что, в частности, соответствовало пожеланиям английской дипломатии. Эта доктрина и её применение к будущим проблемам, с которыми Лиге наций пришлось бы иметь дело, остались незафиксированными и, следова-

³ Там же, стр. 350.

⁴ Там же, стр. 353, 354.

⁵ Версальский договор. Статут Лиги наций, ст. 21.

¹ Miller D. Op. cit. Vol. II, p. 146.

² Беккер Р. Указ. соч., стр. 344.

тельно, могли подвергнуться различным толкованиям как со стороны США, так и со стороны европейских стран. Одновременно вопрос о применении доктрины Монро отрывался от основной проблемы гарантий, которые давались по статье 10-й. Оставался открытым вопрос, удовлетворится ли американская оппозиция этим компромиссом. Дальнейшие события, как известно, показали, что сенатские круги США оказались неудовлетворёнными. Редакция статьи 21-й явилась для них тем оружием, при помощи которого они добились отказа США от ратификации как Версальского договора, так и статута Лиги наций.

Эту компромиссную формулировку Вильсону пришлось купить ценою согласия на особый договор с Францией (параллельно такому же договору между Великобританией и Францией), которым он обязался от имени США прийти на помощь Франции в случае, если бы последняя подверглась нападению Германии.

Для окончательного утверждения устава Лиги нужно было ещё согласовать его с теми будущими её членами, которые не были участниками Парижской мирной конференции, поскольку они в течение войны сохраняли позицию нейтралитета. Работа по согласованию устава Лиги наций с представителями нейтральных стран больших трудностей не представляла. Она началась через неделю после возвращения Вильсона в Европу. Представители нейтральных стран были вызваны в Париж, и им предложено было выделить делегатов для участия в работах специальной подкомиссии, председательствовать на которой было предложено английскому делегату лорду Роберту Сесилю.

Первое совместное заседание подкомиссии состоялось 20 марта 1919 года. На этом заседании были представлены следующие нейтральные страны: Аргентина, Чили, Колумбия, Дания, Испания, Норвегия, Парагвай, Голландия, Иран, Сальвадор, Швеция, Швейцария, Венецуэла.

Лорд Роберт Сесиль заявил, что проект пакта Лиги наций был опубликован 14 февраля 1919 г., дабы дать возможность высказаться общественному мнению. Он предложил рассмотреть весь пакт, параграф за параграфом, и вносить изменения или дополнения. Обсуждение изменений и дополнений, внесённых представителями нейтральных стран, продолжалось на следующем заседании, 21 марта 1919 года.

Из основных предложений и изменений отметим следующие: представитель Дании внёс предложение о следующем конституировании совета Лиги: «Исполнительный комитет будет состоять из представителей США, Британской империи, Франции, Италии и Японии по 2 делегата от каждой, а равно из 8 представителей других государств, членом Лиги наций, избранных ассамблеей, согласно принципам и условиям, которые она сочтёт желательными»¹. Пред-

ставитель Норвегии предложил, чтобы члены совета, выбранные ассамблеей, осуществляли свои полномочия в течение трёх лет. Кроме того он предложил увеличить количество государств, представленных в совете, по крайней мере до 15. Представитель Швеции высказался в пользу установления наиболее сурового контроля над вооружением. Представитель Дании внёс предложение дополнить статью 16-ю (санкции) новым постановлением. Это постановление ограничивало применение военных санкций со стороны нейтральных государств. Дания изложила это положение следующим образом: «Государства, которые своей историей и своей политикой мира дают длительные гарантии беспристрастия, будут иметь возможность объявить свой постоянный нейтралитет. Из этого вытекает, что их территория будет объявлена неприкосновенной и останется вне военных операций как в случаях войны, в которой будут участвовать государства—не члены Лиги наций, так и в случаях военных мероприятий, которые будут предприняты самой Лигой, дабы обеспечить уважение к праву и поддержание мира. Если резолюция о применении принудительных мер не будет принята ассамблеей единогласно, государства, не голосовавшие за применение этих мер, не будут обязаны принимать участие в военных операциях»².

К предложениям делегата Дании присоединились норвежский и шведский делегаты. Эти предложения бросают свет на всю дальнейшую политику трёх скандинавских государств в вопросе о санкциях.

Все остальные предложения, сделанные делегатами нейтральных стран, не имели сколько-нибудь существенного значения. Предложения, вынесённые на заседаниях 20 и 21 марта, обсуждались комиссией 22, 24 и 26 марта, а также 10 и 11 апреля 1919 года. На двух последних заседаниях комиссия приняла окончательный текст пакта Лиги наций, который и был представлен мирной конференции в докладе комиссии от 28 апреля 1919 года.

На этом заседании Вильсон предложил назначить генеральным секретарём Лиги сэра Эрика Дреммонда. Кроме того он предложил, чтобы в качестве первых непостоянных членом совета впредь до избрания ассамблеей были назначены Бельгия, Бразилия, Греция и Испания. Затем последовали выступления отдельных делегатов. Японский делегат барон Макино подробно остановился на принципе расового равенства и выразил сожаление по поводу того, что японская поправка по этому вопросу не была принята. Гиманс (Бельгия) выразил разочарование по поводу того, что Брюссель не был избран местом пребывания Лиги наций. Буржуа (Франция) выразил сожаление по поводу отклонения французских поправок к статье 8-й. Представитель Гондураса выразил сожаление по поводу того, что доктрина Монро в статье 21-й недостаточно развита. Пишон от имени Франции заявил, что французское

¹ Miller D. Op. cit. Vol. II, p. 609.

² Ibidem, p. 616.

правительство несмотря на отклонение французских поправок принимает устав Лиги наций. Было ещё несколько выступлений, не представлявших большого интереса. По предложению Вильсона, устав Лиги наций был принят единогласно. Именно в таком виде, за очень небольшими редакционными поправками, устав и вошёл в текст Версальского договора, подписанного 28 июня 1919 года.

Вопрос о Лиге наций встал снова на мирной конференции после передачи германской делегации 7 мая 1919 г. текста Версальского договора. В ноте от 9 мая того же года германская делегация, представляя свои возражения против текста договора, обратила внимание союзников на то обстоятельство, что Германия, которая должна подписать статут Лиги наций в качестве нераздельной части мирного договора, тем не менее сама лишена права войти в состав Лиги наций. В своём ответе 22 мая союзники обратили внимание германской делегации на статью 1-ю, абзац 2-й, устава, в которой предусмотрена возможность принятия новых членов.

Равным образом этот же вопрос встал по отношению к Австрии во время переговоров, предшествовавших подписанию Сен-Жерменского договора. Австрийская делегация возражала против исключения Австрии из списка принимаемых стран. В своём ответе союзники выразили согласие поддержать в будущем кандидатуру Австрии, если последняя предоставит необходимые гарантии.

Венгерская делегация во время переговоров, предшествовавших подписанию Трианонского договора, подчеркнула в своей ноте от 12 февраля 1920 г. необходимость улучшить устав Лиги наций, усилив в нём принцип равенства государств. Ответа на эту ноту от союзников не последовало.

Ввиду того что комиссия по уставу Лиги наций в основу своих работ положила англо-американский проект, самое название Лиги наций и её устава было взято именно из этого документа. Это название гласило: «Ковенант Лиги наций». Слово «ковенант» должно было придавать этому документу религиозный характер. «Ковенант» является историческим именем для союза пресвитерианских шотландцев, воевавших частично против своих государей (как например в 1580 г. против Якова I, в 1638 г. против Карла I), частично между собой. Вильсон, который был по происхождению шотландцем, придавал слову «ковенант» особое значение и даже сказал о себе в речи в сентябре 1919 г. в Канзас-Сити, что он является «ковенантником». Именно по его желанию слово «ковенант» и было принято для обозначения устава Лиги наций. Французский перевод «пакт» должен был тоже подчеркнуть торжественный характер этого документа.

Слово «лига» не сразу вошло в обиход.

Попытка французского делегата Лягнода ввести в употребление слово «союз» не встретила одобрения Вильсона, который заявил, что слово «союз» обозначает больше, чем он имеет в виду. Английскому значению слова «лига» не совсем соответствовало его французское значение. Вот почему было избрано слово «общество». Имел место также спор относительно слова «наций». Делегат Бразилии предложил заменить выражение «Лига наций» выражением «Лига государств». Это предложение не было принято, так как в Лигу входили английские доминионы, которые не могли формально считаться государствами.

Устав Лиги наций был принят.

Борьба за устав Лиги наций в процессе подготовительной работы к Парижской мирной конференции, а затем и на самой конференции имеет значение не только историческое и отнюдь не только академический интерес.

История Лиги наций воочию показала, что устав отнюдь не является достаточной гарантией против попыток использования международной организации в целях, прямо противоположных целям, зафиксированным в этом уставе.

В начале этой работы мы отмечали, что не устав Лиги наций как организации коллективной безопасности был основной причиной её провала. Однако не менее справедливо и то, что устав Лиги давал слишком много возможностей для использования его в направлении, прямо противоположном подлинной борьбе с агрессорами и агрессией. Он не препятствовал враждебной политике, которую вела Лига в течение ряда лет в отношении СССР. Устав Лиги не обеспечил действительных преград для так называемой политики невмешательства, которая, будучи на деле политикой уступок агрессорам, способствовала развязыванию второй мировой войны.

Изложенная нами выше борьба за устав Лиги наций является весьма поучительной. Последовательный отказ авторов устава от придания Лиге характера действенной международной организации, отказ от создания вооружённой силы, отказ от политической гарантии независимости отдельных государств — членов Лиги, — смягчение санкций против агрессора — все это способствовало краху Лиги и давало лишний шанс тем, кто боролся против коллективной безопасности и в этой борьбе использовал слабости и погрешности устава.

Вот почему изучение истории устава Лиги наций должно не только пополнить наши знания в области истории первой международной организации, не справившейся с проблемой борьбы против агрессии, но и помочь борьбе за создание подлинной организации всеобщего мира и безопасности.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОТЬЕ

С. Бахрушин,
чл.-корр. АН СССР

17 декабря 1943 г. умер академик Юрий Владимирович Готье (1873—1943). Советская наука потеряла в его лице крупнейшего учёного в области русской истории. Старейший по возрасту и по научной работе среди современных русских историков, Ю. В. Готье являлся живым звеном между прошлым и настоящим русской исторической науки, между лучшими традициями этого прошлого и новыми научными достижениями советских историков.

Ю. В. Готье вышел из школы блестящего историка второй половины XIX в. — В. О. Ключевского. Советами Ключевского Готье пользовался при писании своей магистерской диссертации. «Предметом последней беседы моей с Василием Осиповичем Ключевским, — писал он в предисловии к книге «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II», — были вопросы, затронутые в этой книге. С благоговейным воспоминанием о великом историке издаю я мой труд»¹.

Ученик и последователь В. О. Ключевского, Ю. В. Готье воспринял от своего учителя все самые сильные стороны его исследовательского метода: строго критический подход к источникам и тщательную их разработку, исчерпывающую документацию, детальное изучение фактов. В основу всех работ Ю. В. Готье положен сплошной просмотр архивных фондов вместо часто практикуемой выборочной системы.

Обзоры источников, которые Ю. В. Готье предпосылал своим исследованиям и публикациям, могут служить образцами точности. В свою магистерскую диссертацию о Замосковном крае в XVII в. он включил большой раздел, посвящённый писцовым книгам и критике их достоверности. Этот раздел до сих пор остаётся непревзойдённым руководством при пользовании писцовыми книгами. Предисловие к «Памятникам обороны Смоленска» является исключительно подробным и тщательным описанием архивного фонда графа Брахе. Даже в небольшой статье «К вопросу об изучении внутренней торговли России в XVIII в.» Готье даёт сжатую характеристику таможенных книг города Клина, которыми он пользовался, и т. д.

Метод глубокой исследовательской работы и научные навыки, приобретённые в школе Ключевского, Ю. В. Готье сохранил до нашего времени. С живостью и отзывчивостью, не всегда свойственными людям преклонного возраста, Ю. В. Готье осознал и воспринял то новое, что внесла Октябрьская революция в историческую науку, сочетав унаследованные от прошлого методы работы с опытами марксистского обобщения исторического процесса. В нём всегда нахо-

дили отзвук все очередные задачи советской науки. И в Институте истории Академии наук и в вузах, в которых преподавал Юрий Владимирович, он быстро реагировал на все возникающие научные вопросы и с готовностью шёл навстречу им. Он отдавал с увлечением свои силы и знания на удовлетворение потребностей советской науки.

Ю. В. Готье прошёл длинный путь служения исторической науке. Полвека отделяет окончание им университета и начало научной деятельности в 1893 г. от его смерти в 1943 году. До последнего биения пульса он продолжал жить научными интересами и несмотря на тяжёлую болезнь работать для науки.

Первая печатная работа Ю. В. Готье относится к 1897 г. — «Воли Весьегонского уезда Тверской губ.»², последняя — к 1941 г. — «Культурные и политические связи России и Англии в XVI—XVII вв.»³. Но есть ещё ненапечатанные его статьи, относящиеся к 1942 г.: очерк истории завоевания Средней Азии царизмом и статья о польской политике Бисмарка в 70-х годах XIX века. Можно сказать, что он умер, как жил, на своём научном посту, высоко держа знамя подлинной исторической науки.

Характерная черта научного наследия Ю. В. Готье — необычайно широкий диапазон его исторических интересов. Его работы охватывают громадный период времени, начиная от палеолита и кончая царствованием Александра II. Этот период не может быть определён веками и даже тысячелетиями. Основные капитальные исследования Ю. В. Готье посвящены XVII в. («Замосковский край в XVII в.») и XVIII в. («История областного управления в России от Петра I до Екатерины II»), но его превосходные «Очерки по истории материальной культуры в Восточной Европе до основания первого русского государства» охватывают период от первых признаков зарождения человеческой жизни на территории европейской части нашего Союза до IX в. н. э. и с одинаковым знанием и мастерством трактуют и о людях палеолита, и о скифах, и о греческих колониях Черноморья, и об аланах и хазарах, и о финнах, и об истоках истории восточных славян. Наряду с циклом археологических статей Ю. В. Готье дал блестящие очерки из истории XIX века. И, наконец, он одним из первых русских историков того времени обращается к такой малоизученной области европейской истории, как история южных славян⁴.

² «Этнографическое обозрение» № 4 за 1897 год.

³ «Исторический журнал» № 12 за 1942 год.

⁴ Литографированный курс лекций. Изд. Общества взаимопомощи студентов-филологов при Московском университете. 1916.

¹ «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II». Т. I. М. 1913.

И не только в выборе тем проявляется разносторонность интересов и талантов Ю. В. Готье, но и в их разработке. Его нельзя назвать историком какой-нибудь одной стороны исторического прошлого. В каждой эпохе его интересовали самые разнообразные проблемы.

Ряд исследований Юрия Владимировича посвящён экономической истории. Его магистерская диссертация «Замосковский край в XVII в.» (1-е изд. М. 1906; 2-е изд. М. 1937) даёт развёрнутую картину хозяйства центральных областей Московского государства. Тесно переплетается связанный с этой темой вопрос о движении населения. Оба эти вопроса автор разрешает на основании большого материала писцовых и переписных книг уездов, входивших в XVII в. в состав Замосковского края.

Писцовые книги XVII в. ещё до Ю. В. Готье привлекали внимание исследователей (Миклашевский, Лаппо-Данилевский, Миллюков), привлекали они внимание историков и после Ю. В. Готье (С. Б. Веселовский). Но все эти исследователи подходили к ним исключительно как к источнику по истории финансов Московского государства, изучали по ним вопросы техники государственного обложения, а в связи с этим и техники писцового дела. Ю. В. Готье внёс свою долю в изучение и этой стороны дела. Но для него разрешение всех этих вопросов — не самоцель, оно нужно ему для выяснения «значения писцовых и переписных книг в ряду источников русской истории».

Писцовые книги интересуют Ю. В. Готье как источник, на основании которого можно восстановить экономику (в широком смысле этого слова) Московского государства. До него Н. А. Рожков уже использовал их для характеристики хозяйственного состояния Московской Руси в XVI веке. Для XVII в. это было впервые сделано Ю. В. Готье, и притом в более широком и полном масштабе. Данные Готье об экономическом состоянии страны после «смутного времени» прочно вошли в нашу научную литературу. Он проследживает далее движение населения «в пятидесятилетний промежуток времени, наступивший вслед за смутой», отчётливо выделяя три момента: возвращение разбежавшегося населения на старые места, естественный рост населения и хозяйственные условия («внутренняя колонизация заброшенных и запустевших земель»). Экономические и социальные явления (землевладение, сельское хозяйство, сельская промышленность и торговля, государственное обложение) Ю. В. Готье рассматривает тоже не статически, а в ходе их развития. Основной вывод его сводится к тому, что «экономическая почва» для реформ Петра I была подготовлена в XVII в. и «что именно в отношениях, создавшихся после «смутного времени», следует искать тех оснований, на которых создались порядки, развившиеся в XVIII веке»: именно в эту эпоху «в постоянном союзе с правительством, постепенно расширяя свой земельный капитал и подчиняя себе труд тяглого земледельца... дворянство заложило основание столь прочно установивше-

гося в России бюрократического строя с сословно-дворянским оттенком, пышно расцветшего в XVIII и XIX веках»¹.

Выводы автора обоснованы в исследовании тщательным и детальным выяснением всех самых мелких фактов и вместе с тем освещены законченной общей концепцией, которую некоторые моменты сближают с марксистской. Ю. В. Готье в книге «Замосковский край в XVII в.», напечатанной более 35 лет назад, подчёркивает, что социальные и экономические явления составляют «часто незаметную, но на самом деле перво-степенную по своему значению подпочву исторических процессов»². Исследуемые факты он рассматривает в аспекте классовых взаимоотношений. «Сельское хозяйство края,—говорит Готье,—несомненно, развивалось с увеличением частного землевладения, но развивалось односторонне, главным образом в интересах владельцев этой земли, а не тех, кто на ней сидел и кто её обрабатывал, т. е. тяглого сельского населения»³. Экономическая жизнь в Замосковном крае «слагалась в высшей степени неравно для тех двух общественных групп, которые жили и действовали в деревне, — служилого дворянства и тяглого крестьянства в деревне, и... оказывала сильное влияние на важнейшее явление в области социальных отношений — на установление крепостного права»⁴. Таким образом, значение исследования о Замосковном крае заключается не только в обширном, тщательно подобранном фактическом материале, но в том, что автор сумел впервые дать строго научную общую картину экономики в XVII веке.

Ю. В. Готье был знатоком истории XVII века. Это видно даже из его коротких «Заметок по истории защиты южных границ Московского государства»⁵. В них видна не только его обычная требовательность в отношении критики источников и точности терминологии, но и исчерпывающая эрудиция в вопросах, стоявших как будто очень далеко от основных его интересов, как например в вопросах чисто военных.

Докторская диссертация Ю. В. Готье переносит нас в новую область научного исследования — сугубо юридическую. Двухтомная монография Ю. В. Готье — «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II» (т. I. М. 1913; т. II. М. и Л. 1941) — является, в сущности, продолжением работы, начатой М. М. Богословским, который в 1902 г. напечатал известное своё исследование «Областная реформа Петра Великого 1719—1727 гг.». «По существу дела,—говорит Ю. В. Готье,— моё исследование начинается там, где остановился М. М. Богословский в своей «Областной реформе Петра Великого 1717—1727 гг.». Моя

¹ «Замосковский край в XVII в.», стр. 545, 546.

² Там же, стр. 546.

³ Там же, стр. 545.

⁴ Там же.

⁵ «Исторические известия» № 2 за 1917 год.

работа должна, таким образом, составить продолжение названного сейчас труда»¹.

Характерно, что предметом изучения Ю. В. Готье явился самый тёмный и неблагодарный отрезок истории областного управления. Он не остановил своего выбора на блестящей эпохе екатерининских реформ, представлявшей, казалось бы, гораздо более широкое поле для научного творчества, но предпочёл изучать время развала великолепно задуманной Петром I системы областного управления и первых шагов к екатерининским преобразованиям. Ю. В. Готье руководствовался при этом не выигрышностью темы, а научной пользой. История этого переходного времени была не только менее всего изучена, но и менее всего вообще известна. «Реформа Екатерины, — говорит Ю. В. Готье; — отделена от крушения Петровских учреждений целым полувеком: для истории областного управления этого полувека, кроме... старого труда Андреевского², очерка Блинова³ и некоторых отделов книги Дмитриева⁴, нет ничего; перед исследователем простирается пустыня, лежит пробел, для заполнения которого приходится начинать работу почти с самого начала»⁵.

При изучении истории управления Ю. В. Готье тоже следовал примеру М. М. Богословского, который отрешился от узкой постановки вопроса, наблюдавшейся у историков русского права. У историков-юристов, по выражению Ю. В. Готье, «на первом плане стоял интерес к учреждениям, как к таковым, к норме, регулирующей областную жизнь; от этого являлась склонность изучать учреждения вне связи с людьми, вне связи с обществом, мало учитывая реальную жизнь, которая безжалостно ломает самые стройные и самые разумные нормы, диктуемые человеческим разумом»⁶.

Ю. В. Готье не отрицал, конечно, необходимости изучать «систему областных учреждений», но он считал нужным показать также «их функционирование в связи с реальными жизненными условиями». «Юридическая норма, — говорил он, — факт, в который она претворялась, теоретическая схема законодателя и жизнь созданных им учреждений в связи с жизнью русского общества заслуживают одинакового внимания, требуют одинакового пристального изучения»⁷. Требование изучения юридических актов в связи с исторической обстановкой, впервые выставленное М. М. Богословским и Ю. В. Готье, для нас сейчас, может быть, предста-

вляется само собой понятным, но для поколения историков, воспитанных на трудах Чичерина и Градовского, это было совершенно новой постановкой вопроса и значительно осложняло их задачу. Юрий Владимирович справился с этой задачей блестяще. В своём двухтомном исследовании с исключительной скрупулёзностью он восстановил развитие «теории» и её осуществление в жизни. Громадный и по количеству и по разнообразию материал, извлечённый Ю. В. Готье из недр малоизученных архивных фондов, позволил ему во всех деталях проследить и законодательную работу, проводившуюся правительственными кругами, и практику областного управления в изучаемую эпоху. С такой же тщательностью Ю. В. Готье изучил во всех деталях подготовительные работы к реформе Екатерины II, истоки этой реформы. Можно сказать с уверенностью, что ему удалось воссоздать подробную историю областного управления за данный период и разъяснить все основные связанные с нею вопросы.

Не следует, однако, думать, что, посвятив значительную часть своей жизни историко-юридическим вопросам, связанным с XVIII в., Ю. В. Готье отошёл от социально-экономических вопросов, которыми он преимущественно занимался в исследованиях, посвящённых XVII веку. В ряде статей он касается их также в рамках XVIII века. Таковы превосходные статьи «Из истории передвижений населения в XVIII в.»⁸ и «К вопросу об изучении внутренней торговли в России в XVIII в.»⁹.

Ю. В. Готье дал несколько небольших очерков по истории XIX в., посвящённых характеристике отдельных лиц (Николай I, П. Д. Киселёв) или эпизодам, мало освещённым в литературе. Особенно интересны его статьи, появившиеся после Октябрьской социалистической революции и основанные на источниках, до тех пор не доступных исследователям по цензурным соображениям. Таков его очерк об отношениях между Победоносцевым и наследником престола, будущим Александром III, составленный главным образом на основании их переписки¹⁰, и статья, посвящённая борьбе вокруг Лорис-Меликовской «конституции» в 1881 г.¹¹ и представляющая собой сводку всех напечатанных и некоторых очень важных ненапечатанных известий об этих событиях, касаться которых при царском режиме было запрещено. Незадолго до смерти, уже серьёзно больной, Ю. В. Готье написал статью о политике Бисмарка в отношении Польши.

В статьях, посвящённых XIX в., не говоря об обширных познаниях по этой эпохе, вы-

¹ «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II». Т. I, стр. 4.

² Андреевский. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб. 1864.

³ Блинов. Губернаторы. СПб. 1905.

⁴ Дмитриев. История судебных инстанций. М. 1851.

⁵ «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II». Т. I.

⁶ Там же, стр. 2.

⁷ Там же, стр. 4.

⁸ «Чтения Общества истории и древностей российских». Т. I. 1908.

⁹ Сборник статей, посвящённых С. Ф. Платонову. СПб. 1911.

¹⁰ Сборник Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Т. II. М. 1928.

¹¹ «Исторические записки». Кн. 2-я. 1938.

явилось с особой силой умение Ю. В. Готье живо излагать события и давать меткие характеристики. Для разностороннего таланта Ю. В. Готье последняя черта особенно характерна. Учёный, привыкший разрабатывать общие проблемы, не боявшийся вникать во все самые мелкие детали, Ю. В. Готье вместе с тем никогда не уклонялся от художественного изображения крупных и некрутных исторических деятелей и делал это исключительно живо. Во втором томе его «Истории областного управления в России от Петра I до Екатерины II» проходит ряд государственных деятелей, подготовлявших екатерининскую реформу, обрисованных живо, одной—двумя чертами. Его неизданный лекционный курс блещит яркими характеристиками не только царей и цариц, но и всех видных людей XVIII века. Нельзя не выразить сожаления, что до сих пор не напечатаны подготовленные им комментарии к неизданной переписке Победоносцева с Е. Ф. Тютчевой — образец кропотливого труда и блестящей эрудиции автора, комментарии, в которых с большой любовью и старательностью собраны сведения о лицах, упоминаемых в переписке.

Ту же основную черту своего таланта — необычайную разносторонность — Ю. В. Готье проявил в одной отрасли исторического знания, которая в то время ещё не получила признания среди историков, — в археологии. Ю. В. Готье первый из русских историков стал привлекать археологический материал для изучения вопросов древнейшей истории нашей страны. В настоящее время необходимость для историка обращаться к археологическому материалу, равно как и для археолога пользоваться историческим методом при обобщении результатов, добытых археологическим путём, — настолько общепризнанная аксиома, что трудно себе представить время, когда о таком взаимодействии между обеими родственными дисциплинами не возникало даже мысли. «Когда жили и работали наши старые историки, — писал Ю. В. Готье в 1925 г., — науки русской археологии ещё не существовало; следующие поколения встречались с недостаточным археологическим материалом и осторожно его обходили. Их преемники продолжали держаться приёмов, сделавшихся традиционными»¹. С другой стороны, по его же словам, «русская археологическая наука и до сих пор не склонна к сближению с наукой русской истории; она неохотно согласует с ней свои действия, не всегда идёт к ней навстречу и не ищет её содействия даже и в тех вопросах, где их интересы совпадают, а методы дополняют друг друга»².

Юрий Владимирович Готье первый осознал необходимость согласованных действий археологической и исторической науки и определил значение археологических открытий для чисто исторических выводов. Но и в данном случае он не ограничился знакомством со специальной литературой, а на

практике изучил методы археологической работы. В те годы, когда ни одному историку не приходило ещё в голову непосредственно участвовать в работе археологов. Юрий Владимирович, ещё совсем молодым, в 1900—1901 гг. производил раскопки близ Волоколамска (Елизаровский могильник) и в окрестностях Каменки, в бывшей Харьковской губернии³. И в дальнейшем он неоднократно участвовал в археологических работах. Следует отметить, что Ю. В. Готье интересовался не только первобытной археологией: уже в советское время, проводя университетские каникулы в Судаке, он урывал от отдыха время для участия в организованных Государственным историческим музеем раскопках в знаменитой Судакской генуэзской крепости⁴.

Ю. В. Готье принадлежит ряд специальных археологических исследований: например о развитии техники в первобытные времена⁵, об обитателях верхнего Салтова⁶, статьи в Большой советской энциклопедии⁷ и т. д., не говоря о многочисленных рецензиях. Впервые он подверг критике тенденциозную норманистскую концепцию шведского археолога Арне⁸. Исходя из критического разбора этой концепции, Ю. В. Готье призывал «как русских археологов, так и русских историков пересмотреть выводы Арне и объективно решить, насколько они справедливы»⁹.

Глубокие изыскания в области археологии в сочетании с широким общим историческим миропониманием позволили Юрию Владимировичу поставить ещё в 1915 г. вопрос о значении археологической науки «для понимания древнейшего периода русской истории»¹⁰.

Вывод, к которому пришёл Готье в результате своих исторических и археологических исследований, следующий: «Русская историческая наука должна расширить рамки своих интересов, она должна принять в область своего прямого и непосредственного

³ Отчёт о раскопках Елизаровского могильника и доклад о раскопках 1901 г. в Трудах Московской археологической комиссии за 1901 и 1902 годы.

⁴ Археологические работы в Судаке. «Новый Восток» № 20—21 за 1928 год.

⁵ Изд. «Русский книжник». М. 1923.

⁶ Известия Государственного археологического института материальной культуры. Т. V. 1927.

⁷ БСЭ. Т. XXIV — «Археология в России»; БСЭ. Т. XIV — «Гольштадская культура»; БСЭ. Т. XXIV — «Доисторическая Европа»; БСЭ. Т. XXIV — «Железный век на территории СССР» и другие.

⁸ «Новый Восток» № 18 за 1927 год; ср. «Железный век в Восточной Европе», стр. 248—250, 254—255.

⁹ «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы». Т. I, стр. 14.

¹⁰ «Что дала археологическая наука для понимания древнего периода русской истории» (в Сборнике в честь гр. П. С. Уваровой, М. 1916).

¹ «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы», Т. I, стр. 8. Л. 1925.

² Там же, стр. 9.

изучения тот длинный период времени, который она до сих пор считала по отношению к истории собственно России доисторическим, и не отмежёвываться от него, так как если в этот период нельзя говорить об истории русских государств, то на значительном протяжении его можно говорить об истории русского народа, а ещё раньше — об истории его предшественников, а может быть, и предков русского народа в нашей стране. Русская археологическая наука должна, со своей стороны, подходить к той же цели, оторвавшись от накопления материала, которым она почти исключительно занималась до сего времени»¹.

Таким образом, Ю. В. Готье предугадал пути, по которым пошло развитие советской науки. Это тем более знаменательно, что приведённые выше строки были написаны почти 20 лет назад, в 1925 г., когда археологическая наука в Советском Союзе переживала период временного застоя. Ю. В. Готье не удовольствовался теоретической постановкой вопроса. Ему принадлежит первый и пока единственный и непревзойдённый опыт воссоздания древнейшей истории Восточной Европы на основании археологического и исторического материала. Я имею в виду его замечательные по замыслу и исполнению «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы», первый выпуск которых вышел в 1925 г., а второй под заглавием «Железный век в Восточной Европе» — в 1930 году.

Ю. В. Готье, кроме археологии, широко привлекал и другую смежную с историей дисциплину — историческую географию. Его замечательный очерк Замосковского края, охватывающий границы, природные условия и административное деление края, основан на скрупулёзном сопоставлении исторических данных с современными сведениями по местной географии и положен в основу превосходной историко-географической карты, приложенной к книге. Не будучи новатором в этой области (напомню работы М. К. Любавского), Ю. В. Готье внёс много ценного в историческую географию — науку, даже до наших дней мало разработанную.

Таков был Ю. В. Готье как историк. Глубокий исследователь сложных социально-экономических явлений, поразительной добросовестности исследователь учреждений XVIII в., талантливый художник, воскрешавший живые образы давно умерших людей, он никогда не успокаивался на достигнутых результатах, всегда искал новых путей.

Научная пытливость Ю. В. Готье особенно проявляется в поисках новых и часто необычных материалов. Только что окончив университет, он заинтересовался шведскими источниками русской истории, до него почти не встречавшимися в научном обиходе. За короткий срок Готье изучил шведский язык и в 1897 г. отправился в Швецию, где и ознакомился с фондами Стокгольмского государственного архива. В результате этой архео-

графической поездки он ввёл в научный русский обиход «Известия Пальмквиста о России»² и документы, сохранившиеся в семейном архиве графа Брахе; последние он издал в 1911 году³. Выбор имеющихся в архивных бумагах гр. Брахе известий о жизни в осаждённом Сигизмундом Смоленске, об организации его обороны, происходившей в нём классовой борьбе свидетельствует об исключительной тонкости, с которой издатель сумел определить научную ценность извлечённого им из архивной пыли источника.

Заслугой Ю. В. Готье является также его постоянное стремление знакомить западно-европейский учёный мир с достижениями русской исторической науки. В течение ряда лет (с 1910 по 1924) он печатал в журнале «Revue historique», издаваемом в Париже, исчерпывающие обзоры русской исторической литературы, не прерывая эту работу даже в бурные революционные годы. Начав ещё в досоветское время с обзора русской исторической литературы 1909 г., Ю. В. Готье довёл эти обзоры до 1927 года. Не довольствуясь общими историографическими обзорами, он поместил в том же журнале заметку о напечатанных в то время в русском переводе записках опричника Штадена, явившихся новинкой для западноевропейских учёных⁴. Но особенно достойно внимания, что в 1929 г. Юрий Владимирович дал в «Revue historique» обзор украинской литературы с 1917 по 1928 год⁵. В этом сказалась широта взглядов этого старого учёного, сумевшего оценить значение украинской исторической науки как самостоятельной отрасли советской науки, и это в те годы, когда её значение далеко не было общепризнанным.

Образ Ю. В. Готье как крупного учёного был бы неполон, если бы мы не коснулись его научно-педагогической деятельности. В течение почти сорока лет (1902—1941) с небольшими перерывами он преподавал в высших учебных заведениях Москвы. Свою преподавательскую деятельность Ю. В. Готье начал ещё в царское время на Московских высших женских курсах в 1902 г. и в Московском университете в 1903 году. Когда началась Великая отечественная война Советского Союза, он был профессором Московского государственного университета и Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ). Как лектор, Юрий Владимирович пленял простотой и ясностью изложения, красочностью характери-

² «Археологические заметки и известия» № 3—4 за 1899 год и документы, касающиеся осады Смоленска в 1610—1611 годах.

³ «Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг.». М. 1912. См. в предисловии историю открытия и опубликования этих документов.

⁴ «Revue historique». 1910, t. 105, I, p. 148—160; 1912, t. 109, p. 134—145; 1913, t. 114, I, p. 138—152; 1915, t. 118, II, p. 325—335; 1917, t. 124, II, p. 305—315; 1928, t. 159, I, p. 136—141; 1928, t. 157, I, p. 93—123.

⁵ *Ibidem*. 1929, t. 162, I, Septembre—Octobre, p. 133—146.

¹ «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы». Т. I, стр. 18.

стик, широтой эрудиции. Его курс истории XVIII в., известный специалистам в рукописи, заслуживает напечатания. Как и во всей научной деятельности, Ю. В. Готье поражает разнообразием своей тематики. Общие курсы сменяются специальными курсами по истории землевладения, по археологии, по истории южных славян. С обычной отзывчивостью он откликался на все запросы молодёжи.

Прекрасный лектор, Ю. В. Готье принадлежал к той группе новаторов в деле высшего образования, которые в основу преподавания в вузах ставили не лекционные курсы, а семинарские занятия. Превосходный руководитель студенческих семинаров, требовательный и вместе с тем неизменно благожелательный, он с большим мастерством направлял первые шаги своих слушателей в области исследовательской работы и оставил после себя целую школу серьёзных научных работников.

Но научно-общественная деятельность Ю. В. Готье не ограничивалась педагогической работой. Очень большой отрезок его жизни — свыше 30 лет (1898—1930) — связан с работой в библиотеке Румянцевского музея, при советской власти преобразованной во Всесоюзную библиотеку имени В. И. Ленина, сначала в качестве учёного секретаря музея, потом главного библиотекаря, заведующего отделом истории СССР и заместителя директора библиотеки. Те, кто, как я, имели случай близко наблюдать эту сторону деятельности Юрия Владимировича как в Румянцевском музее, так и в Ленинской библиотеке, могли оценить это сочетание в одном лице энергичного администратора и крупного учёного, возглавлявшего большую научную работу библиотеки, и приветливого хозяина, радушно открывав-

шего перед новичками сокровища одного из самых крупных книгохранилищ нашей страны и руководившего их первыми несмелыми шагами в лабиринте накопленных десятилетиями книг.

Живо откликнулся Ю. В. Готье и на назревшую после Великой Октябрьской социалистической революции потребность в радикальной реорганизации библиотеки. Уже в 1919 г. он выступил в «Библиотечном обозрении» по этому вопросу¹. Под его наблюдением и при его непосредственном участии проведены были все коренные реформы, легшие в основу современной научной структуры Ленинской библиотеки: образование научных отделов, составление систематического каталога и т. д. Как и в научной работе, и тут проявились все качества Юрия Владимировича: живость мысли, понимание очередных задач, отвращение к шаблону.

Только теперь, после смерти академика Юрия Владимировича Готье, подытоживая результаты его научной и общественной деятельности, мы можем оценить его большие заслуги на поприще русской исторической науки. Перед нами во весь рост встаёт фигура крупного учёного, необычайно скромного, но игравшего большую роль в научной жизни нашей страны и в дореволюционную эпоху и после победы Октября и оставившего громадное научное наследство. Друзья и ученики Ю. В. Готье потеряли в его лице отзывчивого и сердечного товарища, внимательного и чуткого руководителя, прекрасный образ которого будет всегда жить в памяти тех, кто его знал.

¹ «Библиотечное обозрение» за 1919 год. Кн. I.

ВАЖНЕЙШИЕ ТРУДЫ АКАДЕМИКА Ю. В. ГОТЬЕ*

Труды общего характера

История СССР. Т. I. С древнейших времён до конца XVIII века. Под ред. проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова, чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина. М. Соц. экгиз. 1935.

Ю. В. Готье написаны:

Введение. § 3. Исторические источники, стр. 15—18.

Восточная Европа до II в. н. э. Раздел А. Гл. III, стр. 34—46.

Движение народов Азии в Восточную Европу в IV—VII вв. Гл. V, стр. 56—65.

Закавказье в XI—XII вв. Раздел Б. Гл. II, § 2, стр. 153—162.

Дворянская империя 1725—1762 гг. Раздел В. Гл. IX, стр. 645—687.

Дворянская империя при Екатерине II. Гл. X, § 3—8, стр. 695—723.

Французская буржуазная революция и Россия в конце XVIII в. Гл. XI, стр. 724—727, 733—740.

Русская культура XVIII в. Гл. XII, стр. 740—750.

Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад. Иванов. 1915. 207 стр.

История южных славян (курс лекций). М. О-во взаимопомощи студентам-филологам при ИМУ. 1916. 388 стр. (Литографированное издание, не просмотренное автором).

* Хронологический перечень трудов Ю. В. Готье за 1897—1940 годы см. в кн. «Юрий Владимирович Готье». Сост. Н. М. Асафова. Под ред. В. А. Федосеева. М. Всесоюзная книжная палата. 1941. 27 стр. (Материалы к библиографии трудов учёных СССР. Серия истории. Вып. 1-й).

стик, широтой эрудиции. Его курс истории XVIII в., известный специалистам в рукописи, заслуживает напечатания. Как и во всей научной деятельности, Ю. В. Готье поражает разнообразием своей тематики. Общие курсы сменяются специальными курсами по истории землевладения, по археологии, по истории южных славян. С обычной отзывчивостью он откликался на все запросы молодёжи.

Прекрасный лектор, Ю. В. Готье принадлежал к той группе новаторов в деле высшего образования, которые в основу преподавания в вузах ставили не лекционные курсы, а семинарские занятия. Превосходный руководитель студенческих семинаров, требовательный и вместе с тем неизменно благожелательный, он с большим мастерством направлял первые шаги своих слушателей в области исследовательской работы и оставил после себя целую школу серьёзных научных работников.

Но научно-общественная деятельность Ю. В. Готье не ограничивалась педагогической работой. Очень большой отрезок его жизни — свыше 30 лет (1898—1930) — связан с работой в библиотеке Румянцевского музея, при советской власти преобразованной во Всесоюзную библиотеку имени В. И. Ленина, сначала в качестве учёного секретаря музея, потом главного библиотекаря, заведующего отделом истории СССР и заместителя директора библиотеки. Те, кто, как я, имели случай близко наблюдать эту сторону деятельности Юрия Владимировича как в Румянцевском музее, так и в Ленинской библиотеке, могли оценить это сочетание в одном лице энергичного администратора и крупного учёного, возглавлявшего большую научную работу библиотеки, и приветливого хозяина, радушно открывав-

шего перед новичками сокровища одного из самых крупных книгохранилищ нашей страны и руководившего их первыми несмелыми шагами в лабиринте накопленных десятилетиями книг.

Живо откликнулся Ю. В. Готье и на назревшую после Великой Октябрьской социалистической революции потребность в радикальной реорганизации библиотеки. Уже в 1919 г. он выступил в «Библиотечном обозрении» по этому вопросу¹. Под его наблюдением и при его непосредственном участии проведены были все коренные реформы, легшие в основу современной научной структуры Ленинской библиотеки: образование научных отделов, составление систематического каталога и т. д. Как и в научной работе, и тут проявились все качества Юрия Владимировича: живость мысли, понимание очередных задач, отвращение к шаблону.

Только теперь, после смерти академика Юрия Владимировича Готье, подытоживая результаты его научной и общественной деятельности, мы можем оценить его большие заслуги на поприще русской исторической науки. Перед нами во весь рост встаёт фигура крупного учёного, необычайно скромного, но игравшего большую роль в научной жизни нашей страны и в дореволюционную эпоху и после победы Октября и оставившего громадное научное наследство. Друзья и ученики Ю. В. Готье потеряли в его лице отзывчивого и сердечного товарища, внимательного и чуткого руководителя, прекрасный образ которого будет всегда жить в памяти тех, кто его знал.

¹ «Библиотечное обозрение» за 1919 год. Кн. I.

ВАЖНЕЙШИЕ ТРУДЫ АКАДЕМИКА Ю. В. ГОТЬЕ*

Труды общего характера

История СССР. Т. I. С древнейших времён до конца XVIII века. Под ред. проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова, чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина. М. Соц. экгиз. 1935.

Ю. В. Готье написаны:

Введение. § 3. Исторические источники, стр. 15—18.

Восточная Европа до II в. н. э. Раздел А. Гл. III, стр. 34—46.

Движение народов Азии в Восточную Европу в IV—VII вв. Гл. V, стр. 56—65.

Закавказье в XI—XII вв. Раздел Б. Гл. II, § 2, стр. 153—162.

Дворянская империя 1725—1762 гг. Раздел В. Гл. IX, стр. 645—687.

Дворянская империя при Екатерине II. Гл. X, § 3—8, стр. 695—723.

Французская буржуазная революция и Россия в конце XVIII в. Гл. XI, стр. 724—727, 733—740.

Русская культура XVIII в. Гл. XII, стр. 740—750.

Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад. Иванов. 1915. 207 стр.

История южных славян (курс лекций). М. О-во взаимопомощи студентам-филологам при ИМУ. 1916. 388 стр. (Литографированное издание, не просмотренное автором).

* Хронологический перечень трудов Ю. В. Готье за 1897—1940 годы см. в кн. «Юрий Владимирович Готье». Сост. Н. М. Асафова. Под ред. В. А. Федосеева. М. Всесоюзная книжная палата. 1941. 27 стр. (Материалы к библиографии трудов учёных СССР. Серия истории. Вып. 1-й).

Русские на Балканском полуострове. «Учёные записки Пед. ин-та имени К. Либкнехта». 1939. Т. 4. Серия историческая. Вып. 2-й, стр. 3—9.

Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии. «Исторический журнал» № 1 за 1940 г., стр. 94—99.

История народов СССР

Железный век в Восточной Европе. М.—Л. ГИЗ. 1930. 280 стр., илл. 2 карты.

Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. Т. I. Каменный век. Бронзовый век. Железный век на юге России. Л. Брокгауз—Ефрон. 1926. 271 стр. 1 карта.

Колонизация славянами Восточноевропейской равнины до половины XIII века. В кн. «Книга для чтения по русской истории», составленной при участии профессоров и преподавателей, под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. Т. I. М. Сытин. 1904. 270—289 стр.

Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края. Груды секции археологии Института археологии и искусствоведения Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Т. IV. 1928. 138—144 стр.

Первые земские соборы и их происхождение. «Научное слово», Кн. 3-я. 1903. 47—61 стр.

Боярская дума XV—XVII столетий. В кн. «Русская история в очерках и статьях» под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. Т. 3. Киев. 1912. 124—142 стр.

Смутное время. Очерк истории революционных движений начала XVII столетия. М. ГИЗ. 1921. 151 стр.

Экономические последствия смуты в народном хозяйстве. В кн. «Смутное время в Московском государстве». М. «Задруга». 1913. 230—241 стр.

Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. Изд. 2-е, просмотр. М. Соцэкгиз. 1937. III. 411 стр. 1 карта.

Материалы по исторической географии Московской Руси. В его кн. «Замосковский край в XVII в.». Изд. 2-е, просмотр. М. Соцэкгиз. 1937. Приложение. 371—407 стр. 1 карта.

Из истории хозяйственных описаний Московского уезда в XVI—XVII веках. (По документам Московского архива министерства юстиции.) «Журнал министерства народного просвещения» № 3 за 1902 г., стр. 67—118.

Крестьяне в XVII столетии. В кн. «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем». Юбилейное издание. Т. I. М. Сытин. 1911. 14—35 стр. илл.

Заметки по истории защиты южных границ Московского государства. «Исторические известия» № 2 за 1917 г., стр. 47—57.

Известия Пальмквиста о России. «Археологические заметки и известия» № 3—4 за 1899 г., стр. 65—98.

Балтийский вопрос в XIII—XVI вв. «Историк-марксист» № 6 за 1941 г., стр. 87—95.

Готье Ю. и Бахрушин С. Культурные и политические связи России и Англии в XVI—XVII вв. «Исторический журнал» № 12 за 1941 г., стр. 65—70.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Перевод с англ. Ю. В. Готье. М. Соцэкгиз. 1938. 308 стр., илл. 1 карта.

К вопросу об изучении внутренней торговли России в XVIII столетии. В кн. «Сергею Фёдоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. Сборник статей, посвящённых С. Ф. Платонову». СПб. 1911. 454—461 стр.

Из истории законодательной мысли XVIII века. Наказ главной полиции в уложенной комиссии 1767 г. В кн. «Россия и Запад. Исторические сборники под ред. проф. А. И. Заозерского». Сборник I. Пгр. «Academia». 1923. 103—106 стр.

История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727—1775 гг. М. Общество истории и древностей российских. 1913. 472 стр. 3 карты.

Из истории передвижений населения в XVIII веке. М. Общество истории и древностей российских. 1908. 26 стр.

Отделение судебной власти от административной. В кн. «Судебная реформа», стр. 181—204. Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. М. «Объединение». 1915.

Государственные крестьяне при Николае I и реформа графа Киселёва. В кн. «Книга для чтения по истории нового времени». Т. 4. Ч. 2-я. «Сотрудник школ». А. К. Залеской и г-во Сытина. 1914. 207—239 стр.

Граф Павел Дмитриевич Киселёв. В кн. «Освобождение крестьян. Деятели реформы». М. «Научное слово». 1941. 54—88 стр.

К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович 1865—1881. Сборник Публичной библиотеки СССР им. Ленина. II. М. 1928. 107—134 стр.

Борьба прасительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. «Исторические записки». 1938. Кн. 2-я, стр. 240—299.

Н. Савицкая

СЛОБОДЫ ИНОСТРАНЦЕВ В МОСКВЕ XVII ВЕКА

Е. Звягинцев

В 1643 г. одиннадцать священнослужителей Москвы подали царю Михаилу Фёдоровичу коллективную челобитную¹. Они били царю челом не больше и не меньше, как о полном запрещении иностранцам селиться в центральных частях Москвы. Челобитчиков возглавляли два священника: поп Прокопей от церкви Николая (в нынешнем Армянском переулке) и поп Федосей от Космодемьянской церкви (на углу улицы Маросейки и Старосадского переулка). Попы Прокопей и Федосей в своей челобитной указывали на явное засилье иноверцев: они-де скупают у русских людей дворы и дворовые места, ставят свои молитвенные дома близ православных церквей, от чего «всякое осквернение русским людям бывает», а православные приходы «пустеют».

Против доступа в Москву иностранцев поднимало свой голос не одно духовенство. В 20—40-х годах XVII в. русские купцы в своих челобитных также неоднократно заявляли недовольство усиливавшимся просачиванием в Москву иноземных, главным образом западноевропейских коммерсантов. От них, по словам челобитчиков, чинится якобы русской торговле «великая теснота», из-за их «лукавого умыслу» русские купцы претерпевают убытки многие². Просители с московскими купцами во главе убеждали правительство защитить их и «не пущать» английских, гамбургских, брабантских, голландских и датских немцев³. В первой половине XVII в. в московской купеческой среде было заметно особое раздражение против английских купцов, сохранявших за собой часть торговых привилегий, какие они получили ещё в XVI веке. Для отражения интересов русских купцов, по мнению челобитчиков, не следует допускать иноземцев внутрь страны и в Москву.

Указанные коллективные домогательства свидетельствовали, что Москва XVII в. при всей своей видимой замкнутости была местом, куда направлялась довольно сильная

волна иммиграции из-за границы. Ещё задолго до крутых реформ Петра I, открывших Россию для почти свободного въезда и поселения иностранцев, в Москве раздавалась разноязычная речь приезжих с Запада и Востока выходцев из разных государств, оседавших здесь на продолжительное или постоянное жительство.

Не раз случалось, что правительственная власть, проникаясь интересами отдельных влиятельных групп московского общества, ставила разные формальные препятствия приезду и переселению в Москву иноземцев той или иной национальности. В XVII в. таких рогаток ставилось даже больше, чем в XVI веке⁴. Но жизнь обычно опрокидывала эти искусственные препоны.

Рост государственной территории России в XVI—XVII вв. происходил такими неудержимо быстрыми темпами, какие были неизвестны Европе. Средоточием этого бурного роста политического организма страны неизменно оставалась Москва. Вот почему она несмотря на все временные катастрофы: опустошительные эпидемии, частые пожары, неоднократные татарские погромы, польское вторжение и т. д. — не согнула «крепкой выи в бедовой своей судьбе», а стояла нерушимо, крепла и росла, в то время как сотни других когда-то густо населённых городов приходили в упадок или даже вовсе исчезали.

В Москву стекались иноземцы разных наций и самых разнообразных профессий, привлекаемые самим московским правительством или же по своей воле тянувшиеся к крепнувшей Москве. Приток иноземцев мог быть несколько задержан или временно ослаблен, но не прекращался. Ещё в допетровской Москве мы уже видим ряд местностей, заселённых иностранцами. Это иноземные слободы, или колонии.

Проследим, какие именно слободы этого рода возникали и существовали в течение XVII века. Говорить о XVII в., минуя более раннее время, мы считаем вполне законным по следующим соображениям. В начале XVII в. Москва пережила подряд несколько потрясений: голодовку 1601—1603 гг., гражданскую войну и, наконец, польскую интервенцию. Последняя настолько обессилила Москву, что у сторонних наблюдателей, не учитывавших жизненных сил великого города, возникало серьёзное опасение, будет ли вообще

¹ Снегирёв И. «О начале и распространении лютеранских и реформатских церквей в Москве», стр. 11. М. 1862; Никольский А. «Историческое описание московской Космодемьянской церкви на Покровке», стр. 59. М. 1888.

² Акты Археографической экспедиции. Т. IV за 1646 г., № 13, стр. 14—23.

³ Напомним читателю, что на языке москвичей XVII в. немцами часто назывались все западноевропейцы неславянского происхождения.

⁴ Мулюкин А. «Приезд иностранцев в Московское государство», стр. 208. СПб. 1909.

дальше существовать Москва. Петрей де Ерлезунда, представитель шведского короля, в следующих выражениях подытоживал свой рассказ о кровопролитных событиях, разыгравшихся в марте 1611 г.: «Таков был страшный и грозный конец знаменитого города Москвы». По словам Петрея, Москва «была разорена и разрушена до основания»¹.

В этом поспешном приговоре о гибели Москвы было преувеличение, весьма обычное для описаний и записок о России заезжих иностранцев. Но общее наблюдение Петрея об исключительных бедствиях и разрушениях Москвы от польской интервенции правильно. Вполне понятно, что после такого бедствия строиться и расселяться приходилось заново, и в настоящее время нам затруднительно установить преемственную связь между иностранными колониями XVI и XVII веков. Начинаем поэтому свой обзор с последних.

В ближайшие же годы после изгнания поляков из Москвы вновь организованное московское правительство приступило в оборонных целях к переустройству и перевооружению военных сил, к усилению крепостных сооружений в городах, в том числе и в Москве. Даже после того как непосредственная угроза независимости Московского государства со стороны поляков миновала, мир с Польшей, заключённый в 1634 г., всё-таки не мог почитаться вполне обеспеченным. Смоленск всё ещё был в чужих руках. Ещё мелькали тени самозванцев, заготовленных про всякий случай польскими панами. Швеция не угрожала вмешательством в русские дела только потому, что была занята войной в Германии и сама находилась во враждебных отношениях с Польшей.

В таких условиях надо было перевооружаться во что бы то ни стало. Нужно было завести и укомплектовать наряду с прежними стрелецкими полками и дворянским ополчением полки так называемого «иноземного строя», солдатского и рейтарского. Полки надо было спешно обучить новому военному строю. И Москва обнаружила большое маневренное искусство в использовании технических преимуществ того самого Запада, откуда нависла угроза.

По выражению одного исследователя, московское правительство развило в 20—30-е годы лихорадочную деятельность в приискании иностранных специалистов военного и военно-технического искусства². Из-за границы были приглашены инструктора: офицеры, артиллеристы, мастера «зелёного» (порохового) дела, градодельцы,

рядовые бойцы и т. д. Некоторая часть этих наёмных иностранцев, обзаведясь семьями и дворами, окончательно поселилась в Москве. По приглашению правительства в Москву приезжали также разные специалисты и невоенных профессий: архитекторы для обстройки сильно пострадавшего Кремля; для дворцовых нужд — врачи, аптекари, мастера предметов обихода и роскоши, золотых и серебряных вещей, часовщики, портные, скорняки; для правительственных учреждений — переводчики, печатники, знатоки почтовой организации и т. д. С прекращением постоянных военных угроз восстанавливались также торговые связи с границей. Под давлением финансовых затруднений правительство спешно налаживало торговлю, пытаясь организовать даже вывоз за границу русского хлеба. Возобновился проезд в Москву иноземных коммерсантов и торговых агентов, часть которых также оседала на жительство в русской столице.

Таким образом, в первую половину XVII в. в Москве, поблизости от административного и торгового центра города, возникло довольно значительное поселение иностранцев. Его местонахождение благодаря сохранившимся переписям московских дворов 1620 и 1638 гг.³ мы теперь в состоянии достаточно точно определить. Это район Маросейки и переулки, расположенные между Маросейкой и Кировской (нынешние Лучников, Комсомольский и Армянский переулки). Именно отсюда исходила указанная выше жалоба русского приходского духовенства на то, что в Москве «немцы покупают дворы и дворовые места дорогою ценою пред русскими людьми, вдвой и больше» и что от тех немцев «приходы их пустеют».

В 1638 г. в этом районе было зарегистрировано 57 дворов иноземцев, не считая владений иноземцев-военных, у которых дворы не подлежали переписи. Иностранцы содержали в этом районе свой «мирской», т. е. общественный, двор с торговыми складами, а также молитвенный дом, где проповедовал и отправлял богослужение протестантский «поп Индрик». Наличие у иноземцев «мирского» двора и молитвенного дома предполагает существование в Москве вероисповедной общины иноземцев. Даже по переписи 1620 г., здесь отмечены дворы иноверческих служителей культа, судя по фамилиям, английского происхождения: «немецкого попа Юрия Томасова» и «немецкого дьячка Якова Юстрова». Жившие в колонии иностранцы принадлежали к нескольким национальностям; среди них были англичане, голландцы, немцы, датчане; по вероисповеданию они были протестантами и реформа-

¹ Петрей де Ерлезунда П. «История о великом княжестве московском», стр. 25. М. 1867.

² «Архив истории труда в России». Кн. 6—7 за 1923 год. Птр. Ст. И. Любименко «Труд иноземцев в Московском государстве», стр. 55.

³ «Росписной список города Москвы 1638 г.», стр. 111—121. Изд. Русского военно-исторического общества, М. 1911; «Переписи московских дворов XVII столетия», стр. 11—15. М. 1896.

тами. Преобладали «торговые английские немцы», которые стали здесь обосновываться ещё, быть может, до «смуты» ввиду дворовой тесноты и застроенности в Китай-городе, где у них на Варварке имелось торговое подворье с половины XVI века¹.

Это маросейское поселение иностранцев, врезавшееся в гущу населённой и давно обжитой части Москвы, не занимало тогда сплошной и обособленной территории. Иноземческие дворы были расположены в общих кварталах попеременно с дворами русских жителей. Но самое поселение уже приобретало явно выраженный характер иностранной колонии, начавшей, таким образом, развиваться с первой половины XVII века.

Кроме Маросейки перепись 1638 г. отмечает существование ещё двух небольших иноземческих дворовых групп, размещавшихся неподалёку друг от друга. Первая из них была в Огородниках, за Мясницкими воротами, в районе Козловского и Харитоньевского переулков. Здесь находился «некрещёный немец приходный двор, а на нём ропата», т. е. молитвенный дом; рядом стоял двор «немецкого попа Мартына». Вторая группа иноземческих дворов в числе 4 была расположена за Сретенскими воротами, среди дворов Печатной слободы². Упомянем ещё об одном пункте Москвы, где пытались обосноваться иностранцы. Это близ Гнезниковского переулка, на улице Горького, там, где до последнего времени сохранялся Шведский переулок. Здесь в царствование Михаила Фёдоровича был передан шведам под «свейский купеческий двор» застроенный земельный участок и было вместе с тем предоставлено шведам право отправлять богослужение по своей вере сначала в домах, а потом и в церкви³. Однако значительной группы шведских дворов вокруг подворья не сохранилось, возможно по той причине, что подворье дважды горело: в 1634 и в мятежном, 1648 году.

Дальнейшему расширению поселений иностранцев на Маросейке, в Огородниках и в Печатной слободе был положен предел в конце 40-х годов. Под влиянием духовенства и в связи с общим разрывом англо-русских торговых отношений правительство решило перенести молитвенные дома иноверцев и самые их дворы за тогдашнюю городскую черту, т. е. за пределы незадолго перед тем сооружённого земляного вала — по нынешнему Садовому кольцу. Для выселяемых из внутренних частей Москвы иностранцев и для поселения вновь прибывавших из-за границы было отведено особое место. Это была Ново-немецкая слобода — новоиноземная колония, быстро достигшая значительных

размеров и внешнего благоустройства: «Это был уголок Западной Европы, приютившийся на восточной окраине Москвы»⁴.

II

Дореволюционное название нынешней Бауманской улицы — Немецкая — указывает на основную магистраль новой колонии иностранцев. Нынешнее название Кировых переулков отражает прежнее местонахождение в колонии протестантских церквей — кирок.

Указом 1652 г. иностранцам была предоставлена для заселения совершенно свободная территория, которая вскоре же начала застраиваться домами иностранцев. По переписи 1665 г., т. е. всего лишь 13 лет спустя после указа, в новой слободе насчитывалось уже 204 двора, а в дальнейшем число колонистов продолжало неуклонно расти. В годы возникновения колонии между нею и городской чертой — валом — имелся довольно значительный пространственный разрыв; впоследствии этот разрыв всё более и более сокращался и наконец исчез.

Иностранцы, жившие до того в своих домах в центре Москвы и теперь вынужденные перебраться в отведённое им предместье, неохотно и не сразу подчинились правительственному распоряжению, но вскоре они свыклись со своим обособленным районом, а многие из них были даже очень довольны: здесь их не стесняли ни враждебное отношение православного духовенства, ни подозрительность и насмешки местного «простолюда». Известный в XVII в. писатель Олеарий в своём сочинении о Московии передаёт со слов самих обитателей слободы, что вытеснение их из города оказалось «столь же больно, как, например, было бы больно для рака утопление его, ради наказания, в воду»⁵.

В колонии были представлены почти все европейские народы: англичане, голландцы, немцы, французы, итальянцы, датчане, шведы и др. Большую часть дворовладельцев в 1665 г. составляли военные люди: из общего числа 204 две трети, т. е. 142 двора, принадлежали военным служилым командным чинам: полковникам, подполковникам, капитанам, майорам, поручикам, ротмистрам и прапорщикам. Остальные 62 двора принадлежали разным мастерам, торговым людям, врачам, аптекарям, пасторам, переводчикам и пр.⁶ При отводе земельных участков правительство обычно сообразовалось со служебным положением колониста. Чем старше был чин, тем просторнее ему отводилось место под усадьбу. Нормы земельного обеспечения были таковы: генералы и штаб-офицеры получали 800 кв. саж., обер-офицеры — 450 кв. саж., офицеры — 150 кв. саж., капитаны, сержанты и обозные — 80 кв. са-

¹ См. «Исторический журнал» № 10—11 за 1941 г., ст. «Английский двор в Москве XVI в.», стр. 141—144.

² «Росписной список города Москвы», стр. 208—212.

³ Цветаев Д. «Вероисповедное положение протестантских купцов в России XVI—XVII вв.», стр. 16—26. М. 1885.

⁴ Ключевский В. «Курс русской истории». Т. III, стр. 348. М. 1908.

⁵ Олеарий А. «Описание путешествия голштинского посольства», стр. 346. СПб. 1906.

⁶ Сборник «Москва в её прошлом и настоящем». Т. II. Ч. 2-я, стр. 24. М. 1910. Ст. В. В. Нечаева «Иноземские слободы в Москве».

женей. Из невоенных обитателей к первой категории отнесены были доктора, а во второй — аптекари, мастера золотого, серебряного и канительного дела. Торговым людям и вдовам, переселённым из города, выделены были такие же участки, какие были у них раньше; те же, у кого не было в городе своих домов, получили только по 48 кв. саженей¹. Перевод иноземцев за городскую черту сопровождался, как видим, даровым отводом им земельных участков, причём размер этих участков обычно соответствовал пригодности данного лица и его значению в военной или дворцовой службе. Иностранцы рассматривались как люди полезные, и по степени полезности их расценивали и жаловали.

Весьма далёкое от общих идей веротерпимости, московское правительство, однако, мирилось с существованием в новоиноземной колонии четырёх иноверческих церквей лютеран и кальвинистов — черта, любопытная для XVII в., века религиозных войн и преследований в Западной Европе. Гораздо суровей относилось правительство к католикам, которым до самого конца XVII в. не разрешалось иметь костёл, но католики всё же жили в иноземной слободе, служили и торговали наравне с протестантами. В глазах некоторых иноземцев, гонимых на своей родине за религиозные убеждения, Москва представлялась хоть и отдалённым географически, но привлекающим своей веротерпимостью городом. Здесь, казалось им, можно было найти убежище, службу и признание. Атмосфера идейной нетерпимости на родине заставила, например, эмигрировать шотландца Патрика Гордона и привела его в 60-х годах в Москву, где он прижился и стал одним из виднейших военных специалистов последней четверти XVII века.

Но, разумеется, в Москве ожидало горькое разочарование тех, кто надеялся встретить здесь свободу религии, независимо от пригодности к царской службе. Так, вместо гостеприимства нашёл свою гибель в иноземной слободе некто Кульман из Бреслауля, экзальтированный мистик, «духовидец», ведший в Европе скитальческую жизнь из-за преследований за свои идеи. В Лондоне он наслышался много лестного о Москве и в надежде на свободное распространение своих взглядов приехал под чужим именем в этот обетованный город. Однако и протестантские пастыри Немецкой слободы и православное кремлёвское духовенство признали Кульмана опасным еретиком. Вместе со своим последователем — купцом Нордерманом — Кульман в 1689 г. был судим, пытан и сожжён в срубе за то, что он и Нордерман «чинили в Москве многие ереси и свою братию иноземцев прельщали».

В общем московское правительство, нуждавшееся в европейских специалистах, и прежде всего в военных, скрепя сердце обнаруживало некоторую терпимость по отношению к протестантам. Религиозный фронт отступал перед фронтом собственно воен-

ным. Православные дозунги меркли и перед торговыми интересами Москвы. С другой стороны, в Западной Европе наблюдался избыток военных в результате Тридцатилетней войны. Отсюда тяга в Москву, где иммигрантам предлагали государево жалованье, а при усердии обещали продвижение по службе и обогащение. Приток иностранцев не прекращался, и с течением времени загородная слобода слилась с городом, превратившись в его оживлённейшую часть. Так как иноземная слобода начала застраиваться с самого начала на свободной, ничем не занятой территории, то неудивительно, что выходы из Западной Европы в планировку своей московской колонии и в свои частные постройки перенесли некоторые внешние черты европейских городов. Это сообщало колонии характер несколько большего внешнего благоустройства по сравнению с беспорядочной застройкой старомосковских кварталов. К тому же по своему материальному достатку и служебному положению дворовладельцы колонии были обеспеченнее, чем большинство рядовых обывателей Москвы.

Некоторое превосходство наружного вида иноземной слободы давало отдельным историкам и писателям повод чрезмерно преувеличивать значение этой слободы для европеизации Москвы и России. В частности крайне преувеличивали роль иноземной колонии в формировании вкусов, взглядов и преобразовательных планов Петра I. Находили, что контраст между внешним обликом старой Москвы и новоиноземной слободы имел здесь даже решающее значение. В действительности, как увидим, такого поразительного контраста не было.

Иностранец Корб, секретарь австрийского посольства, побывавший в Московской слободе в самом конце XVII в. и ведший здесь свой известный дневник, записал в нём далеко не лестные наблюдения о наружном благоустройстве указанной слободы. По его свидетельству, после какого-то продолжительного дождя «улицы слободы стали непроходимыми: повсюду там разбросаны повозки, которые так глубоко заехали в грязь, что лошади бессильны их вытащить»².

По словам другого иностранца, де Бруна, весной 1702 г. грязь в Немецкой слободе «доходила лошадям по брюхо». И лишь после такого вопиющего накопления грязи, по приказанию царя, а не по инициативе жителей слободы, были предприняты работы по очистке и осушке слободской территории³.

Примерно то же можно сказать и о бытовой стороне жизни в иноземной слободе. Культурный уровень пёстрого населения колонии не представлял контраста с общим культурно-бытовым уровнем московских обывателей того времени.

Духовенство Москвы, добываясь в 40-х го-

² Корб И. «Дневник». Запись 16 мая 1699 г., стр. 149. СПб. 1906.

³ Де Брун «Путешествие через Московию», стр. 59 и 63. М. 1873.

¹ Полное собрание законов. Т. I. № 85.

лах вытеснения иностранцев за город, стремилось изолировать русское население от иноземного влияния, но цель эта была достигнута лишь в слабой мере. Неизбежное общение между москвичами и иностранцами колонии, естественно, приводило их к взаимным влияниям; завязывались родственные связи, возникали разные позаимствования, раздвигался общий духовный кругозор, и вместе с тем ослаблялась национальная ограниченность. Так вместе с территориальным и культурным ростом Москва становилась не только политическим центром объединённого многонационального государства, но и местом международного общения.

III

Кроме московских иноземных поселений, в которых жили иммигранты из разных западноевропейских стран — Англии, Голландии, Франции и пр., — в Москве XVII в. существовали и другие нерусские поселения, где проживали выходцы, например, польско-литовского происхождения; это была так называемая Старопанская слобода¹. В древней Москве слово «паны» чаще всего связывалось с понятием польской и литовской национальностей. Названная слобода находилась «промеж Сыромятной и Мельничной слободы», в нынешнем Молотовском районе, близ Чкаловской улицы, где и до сих пор четыре переулочка носят название Сыромятнических, а один — Мельничного. Уже по переписи 1620 г. здесь отмечались дворы «кормовых иноземцев» — Шимановского, Сушинского, Стручинского, Лобачевского и др. По переписи 1638 г.² здесь существовал иноземный посёлок в 52 двора, из числа которых лишь один двор принадлежал «немчину», подавляющее же большинство дворовладельцев были литовцы и поляки с такими же характерными фамилиями — Ян Хотимовский, Качинский, Закревский, Гвоздецкий и т. д.

Иноземцы этой слободы в 50-х годах не были переведены в новоиноземную слободу, куда были перемещены англичане, немцы, французы. По этой причине, а также, быть может, в силу своей национальной родственности слобожане Старопанской колонии довольно скоро ассимилировались с москвичами.

Другая Панская слобода находилась в Замоскворечье, на Якиманке, в районе нынешних Бабьегородских и Мароновского переулков. Здесь также проживали служилые «белорусские шляхтичи» — разные Березицкие, Складовские, Бугайские, Замыцкие, Яновские: Но, судя по переписи 1669 г., в этой Панской слободы жили некоторые

иноземцы и других национальностей³. Так, мы встречаем здесь иностранца, видимо англичанина, — Анца Томаса. Ряд иноземцев, обитавших в этом углу Замоскворечья и названных в переписи «иностранцами», обозначались русскими прозвищами, вроде Фёдорова, Кудрявцева, Куликова. Имелся, например, двор «голландской земли торгового немчина» Рутца, он же «короля датского прикащик»; этот иноземец, одно время влиятельный в Москве коммерсант, именовался ~~Давыдом Микулаевым~~. Ряд дворовладельцев замоскворецкой Панской слободы зарегистрирован в 1669 г. как служивший в полках иноземного строя: ротмистры, высшие чины рейтарского строя, капитаны и поручики солдатского строя, селитренныи мастер и подмастерье, трубачи, литавришники и другие. Военнослужащие-иноземцы высших рангов здесь, видимо, не проживали. Судьба этого панского поселения на юго-западе Москвы XVII в. была та же, что и Старопанской слободы в Сыромятниках: к XVIII в. оно уже утратило свою национальную обособленность.

На севере старой Москвы, за Сретенскими воротами, у Земляного вала, к концу XVII в. широко раскинулась ещё одна иноземная колония — Мещанская слобода, от которой ведут своё название нынешние Мещанские улицы.

Слово «мещане» в XVII в. не обозначало того, что под ним разумелось позже. В XVII в. мещанами называли городских жителей польско-литовских городов; следовательно, слово это заключало в себе указание на иноземное происхождение, а не на сословное состояние, как это понималось в конце XVIII и в XIX веке.

Мещанская слобода в Москве возникла в 1671—1672 годах. За годы продолжительной войны России с Польшей и после неё в Россию, в том числе в Москву, попало много военнопленных из городов Польши, Литвы и Прибалтики, немало прибыло оттуда и вольных выходцев. Из этих-то польской и литовской «породы» мещан и была по указу правительства укомплектована отдельная слобода.

Перепись 1684 г., произведённая в новой слободы, вместе с частью дворов соседней, Троицкой, насчитывала 690 дворов, т. е. довольно большое количество. Отметим, что в этой именно иноземной слободы в XVII в. появились в Москве первые группы выходцев-евреев⁴, которые и обосновались здесь в качестве полноправных слобожан. Можно указать ряд еврейских семейств, осевших в Москве в то время, когда ещё существовал общий закон о воспрещении евреям въезда в Московское государство.

В восточной части Москвы XVII в. за го-

¹ Сборник «Московский край в его прошлом». Ч. 2-я, стр. 124. М. 1930.

² «Росписной список города Москвы 1638 г.», стр. 234.

³ «Переписные книги города Москвы 1668—1676 гг.», стб. 37—38 и 109—111. М. 1886.

⁴ Кунин И. «Евреи в Москве XVII в.». «Еврейская старина» за 1913 год. Вып. 1-й, стр. 96—101.

русским валом, как и Мещанская слобода, находилась слобода Греческая на бывшей Николо-Ямской, теперь Ульяновской, улице. Точных её размеров и социального состава мы не знаем. Надо думать, что по числу дворов она не была значительной (в конце века здесь была размещена часть стрельцов).

В XVI—XVII вв. Москва оказывала широкое гостеприимство представителям греческого духовенства, со свитой которых приезжало немало и греческих купцов. К последним московское правительство относилось, однако, иначе, чем к греческим монахам. Не всегда разрешая торговым грекам проникать в Москву, оно ограничивало их торговлю южными городами, главным образом Путивлем; но греки умели обходить запрещения, появляясь в Москве вопреки всяким указам или просто добиваясь отмены их¹.

Таким образом возникла греческая колония. Служилые и торговые греки образовали небольшую колонию и в самом центре торговой Москвы — в Китай-городе, на Никольской улице (ныне улица 25 Октября). Здесь греческим монахам был предоставлен Никольский монастырь, где совершалось богослужение на греческом языке. Кроме монахов на территории Никольского монастыря в отдельных жилых постройках проживали, и постоянно и временно, греки немонашеские, в том числе греки-торговцы.

Следует добавить имеющиеся сведения и о так называемом Крымском дворе, существовавшем в Москве до самого конца XVII века. Этот двор находился по соседству с Панской слободой в Замоскворечье, близ нынешнего Крымского вала и Крымского моста. Крымский двор представлял собой группу обнесённых высоким тыном жилых и нежилых строений и был предназначен московским правительством для приезжавших от крымского хана послов и гонцов. Обслуживая формально дипломатические надобности, Крымский двор фактически служил не только местом пребывания ханских послов с их довольно многочисленной свитой, но и местом татарского торгового дела, так как каждое посольство из Крыма в Москву было вместе с тем и торговой экспедицией. При обратном возвращении из Москвы в Крым следом за послами и гонцами выезжала вереница подвод, груженных закупленными в русской столице товарами. Таких заездов иногда было по несколько в год. Крымские татары охотно торговали лошадьми, скупали в Москве меха, кожу, металлическую и деревянную посуду и пр.

Крымский двор являлся своеобразной разновидностью иноземной колонии: здесь обитали татары, не бывшие постоянными жи-

телями Москвы. Вместе с тем это не был только посольский двор со сменявшимися представителями иноземной страны, а нечто среднее между посольским двором и постоянным татарским поселением.

Крымский двор существовал с конца XVI века. Позже в том же Замоскворечье, в его северовосточной части, возникла Татарская слобода. Находилась она в районе теперешних Татарских улиц и трёх Толмачевских переулков. Последнее название сохранилось от бывшей здесь в XVII в. Толмацкой слободы, где проживали в своих дворах толмачи и переводчики, т. е. лица, переводившие устную речь и письменные документы с русского языка на иностранный и обратно. Некоторые из этих толмачей и переводчиков были сами иноземцы, и в этой своей части Толмацкая слобода была слободой иноземной.

Наличие в Москве особой Толмацкой слободы — явление очень показательное, говорящее о том, что Москва в XVII в. вовсе не была таким варварским, замкнутым миром, как её иногда рисуют. Имея многообразные дела с иностранцами, Москва постоянно нуждалась в посредничестве переводчиков. Не только такие приказы, как Посольский и Иноземный, но и другие правительственные места и приказы часто вынуждены бывали пользоваться толмачеством иностранцев; при торговых сделках приходилось прибегать к услугам толмачей и частных лиц. Толмацкие дворы имелись в разных районах столицы; но в Замоскворечье мы видим целую слободу, населённую толмачами, вероятно теми именно, которые состояли на постоянной службе в правительственных учреждениях Кремля.

Иностранцы на территории Москвы XVII в. расселялись отдельными гнёздами — слободами. Такая локальность размещения была характерной чертой XVII в. в отличие от позднейшего времени, когда местожительство проживавших в Москве иностранцев не связывалось с какой-либо определённой местностью. Но черта эта отнюдь не вытекала из какого-нибудь исключительного положения или существенного ограничения иностранцев. В древней Москве и русские выходцы, переселявшиеся из других городов, группировались по признаку своего происхождения: были, например, слободы и сотни — Новгородская, Дмитровская, Устюжская, Ржевская. Имеющиеся же сведения о многочисленных в Москве иноземных слободах говорят за то, что Москва XVII в. была чужда нетерпимой враждебности по отношению к иностранцам. Наоборот, она умела, не теряя собственного национального лица, преодолевать свою замкнутость, широко открывая двери для иноземного общения.

¹ Мулюкин А. «Приезд иностранцев в Московское государство XVI—XVII вв.», стр. 207 и 209. СПб. 1909.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

«*Организация Красной Армии 1917—1918*». Сборник. Составили: Г. Костомаров и Р. Голубева. Под редакцией чл.-корр. АН СССР проф. И. Минца и проф. И. Разгона. Госполитиздат. М. 1943. 192 стр. 5 руб.

Сборник интересен тем, что, рассказывая об организации Красной Армии, он показывает наиболее характерные, отличительные черты этой армии, так ярко и полно проявившиеся в Великой отечественной войне против германского фашизма.

Из двухсот документов, собранных в книге, примерно третья часть печатается впервые. Две основные мысли красной читью пронизывают сборник. Первая: Красная Армия, как армия регулярная, создавалась, росла и крепла в борьбе с германским империализмом, в борьбе с армией кайзера Вильгельма, с генералами кайзеровской армии — Гофманом, Эйхгорном, Гренером, — мечтавшими о свержении большевистского правительства. Вторая мысль заключается в том, что Красную Армию отличает с момента её возникновения глубоко народный, а потому и революционный характер.

В Красную Армию шли сначала добровольцами лучшие представители рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Армия создавалась из наиболее сознательных и передовых представителей советского народа. Основным костяком её являлась Красная гвардия, постепенно пополнявшаяся новыми формированиями. В организации Красной Армии принимали непосредственное участие народы молодой Советской республики. Приступая к организации армии, советское правительство пыталось использовать все достижения техники и опыт мировой войны 1914—1918 годов.

Первая глава сборника — «От Красной Гвардии к Красной Армии» — является как бы вводной. Она показывает, как отряды Красной гвардии шли на фронт беззаветно сражаться с внутренней контрреволюцией и агентурой германского империализма.

28 (15) января 1918 г. были опубликованы декреты Совнаркома об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии и об учреждении Всероссийской коллегии по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии (стр. 24—25). 29 (16) января 1918 г. Совнарком издал декрет об отпуске первых средств (20 млн. руб.) на содержание Красной Армии и организационные расходы. Через два дня — 31 (18) января — был издан приказ о формировании в Петроградском округе 1-го корпуса Красной Армии

(стр. 26). 14 февраля (н. ст.) был опубликован декрет об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота (стр. 34). Одновременно был издан приказ № 130 — об организации в Петрограде, Ораниенбауме, Москве, Твери и Казани курсов по подготовке командного состава для Красной Армии (стр. 35—36). Однако датой рождения Красной Армии стало 23 февраля 1918 г., когда молодая Красная Армия наголову разбила немецких захватчиков под Псковом и Нарвой. Таким образом, первая серьёзная боевая проверка молодой армии в схватке с хваленными вильгельмовскими войсками стала официально признанным днём рождения Красной Армии.

21 февраля 1918 г. Совнарком обратился ко всем трудящимся нашей родины с воззванием «Социалистическое отечество в опасности», в котором обязал все силы и средства страны предоставить «на дело революционной обороны». В тот же день было опубликовано воззвание Совнаркома к трудящемуся населению всей России (стр. 56—59).

Сборник хорошо отражает тот подъём, которым был охвачен народ, вставший на борьбу против германских империалистов, а также огромную работу, проведённую по укреплению сил молодой Красной Армии.

Главнокомандующий Петроградским военным округом прекратил демобилизацию армии и привёл все полки округа «в боевую готовность». 6-й Туккумский латышский полк был немедленно направлен в Псков (стр. 40).

Главнокомандующий западным фронтом А. Мясников отдал распоряжение организовать отпор немецким захватчикам на линии Витебск—Орша—Могилёв—Гомель. Часть сил была двинута ещё дальше на запад с целью «задержки противника и порчи путей его наступления» (стр. 41). Характерно, что частям Красной Армии рекомендовалось действовать методами «малой войны», т. е. по-партизански.

Сообщение Совнаркома о провокационном наступлении германских войск всколыхнуло всю страну, вплоть до самых отдалённых её окраин

Призыв Совнаркома нашёл широкую поддержку среди войск гарнизона. Белорусский национальный комитет, рабочие уральского завода, профсоюз текстильщиков, Екатеринославский совет обратились к рабочим с призывом выступить на борьбу с немецкими полчищами. С таким же призывом обратился тов. Ворошилов к украинским рабочим.

Героический Петроград, цитадель революции, являлся примером умело организованной борьбы с германскими захватчиками.

Получив сообщение о падении Пскова, ВЦИК и Комитет обороны обратились по радио с заявлением: «Петроградский пролетариат организует оборону Петрограда. Все силы мобилизованы. Революционной столице предстоит, быть может, выдержать долгий период прямой осады. Петроград не сдастся до последней минуты» (стр. 72).

Героические традиции прошлого город Ленина нерушимо хранит и теперь, в борьбе с гитлеровскими шайками.

Приняв твёрдое решение не сдавать Петроград, Петроградский комитет обороны обратился к кадровым офицерам с воззванием принять участие в обороне города. Это предложение потом вылилось в общее решение использовать старых военных специалистов.

Заслушав доклад тов. Ярославского об организации Красной Армии, Московский совет также признал желательным использовать «кадровое офицерство, но обязательно под контролем политических руководителей» (стр. 89).

Под председательством тов. Фрунзе состоялась конференция губернских военных отделов Московского военного округа. На этой конференции докладчик тов. Подвойский говорил о необходимости создать «боеспособную полуторамиллионную армию, которая бы по своей технике и силе не уступала японской и германской армиям. Необходимо воспользоваться всеми имеющимися у нас техническими силами, — заявил докладчик. — Мы привлечём генералов, офицеров и инженеров и будем у них учиться. Сама жизнь диктует нам этот путь» (стр. 92—94).

Таким образом, Красная Армия не отгораживалась от военного опыта и славных традиций старой армии. Она наследовала умение побеждать врага и училась искусству воевать у старых специалистов, поскольку они являлись носителями этого опыта. Ген. Брусилов, Бонч-Бруевич, адмирал Альфатер, Маниковский перешли на службу в Красную Армию.

Наряду с созданием боеспособной и хорошо оснащённой армии была поставлена и вторая задача — перестроить всё народное хозяйство для нужд ведения войны. Молодые руководители Красной Армии, работавшие под руководством Ленина и Сталина, ясно и чётко представляли себе задачи строительства новой армии.

Создание Красной Армии встречало одобрение и поддержку у киргизов (стр. 95), у крымских татар (Республика Тавриды), у

крестьян Украины. Трудящиеся слои населения охотно вступали в ряды Красной Армии, видя в ней вооружённую защиту советской власти. Граждане кабардинского селения Ашабова постановили рекомендовать в Красную Армию «самых сознательных наших товарищей», которые будут стойко защищать «только власть трудового народа». Татаро-башкирский комиссариат высказался за создание татаро-башкирского батальона Красной Армии (стр. 106—108). Съезд трудовых народов Терека единогласно заявил, что «свободные сыны Терской земли будут бороться до последнего человека и скорей примут славную смерть борцов за свободу, чем рабство и насилие чужеземного ига» (стр. 109). Съезд принял решение об организации военных сил и о нерасторжимости своего единения с Советской республикой.

На борьбу против германских интервентов объединились все народы Советской республики. В рядах Красной Армии сражались татары и эстонцы, латыши и русские, казаки и народы Терека; плечом к плечу с ними сражались чехословацкие части.

Главнокомандующий западным фронтом сообщал: «В Бахмаче совместно с советскими отрядами действуют чехи» (стр. 129). Несколькими днями позже сообщалось об успешном наступлении русских и чехословацких войск в направлении на Неман (стр. 131). Ген. Гофман в своих мемуарах «Война упущенных возможностей» указывал на ожесточённое сопротивление чехословацкой дивизии.

Сборник содержит ряд ярких документов о партизанском движении. Там, где немцам удавалось продвинуться вперёд, в тылу у них немедленно развёртывалась партизанская война (см. док. №№ 151, 154, 156 и др.).

Особенного внимания заслуживает документ, изданный чрезвычайным штабом Московского военного округа 18 марта 1918 г., — «Краткое наставление по организации партизанских действий». В этом документе обобщён большой опыт партизанской войны, суммированы наблюдения за тактикой противника.

Руководство партизанским движением делилось на четыре сектора: тверской, ржевский, вяземский и брянский. Это говорит о централизации руководства движением. Не только каждый сектор, но и каждый отряд имел штаб, в который назначались опытные военные работники. Были точно определены цели партизанской борьбы (стр. 134), указаны методы организации партизанских отрядов. Особенно подчёркивался неограниченный характер власти начальника отряда. В Невельском районе военный совет взял на себя организацию партизанских отрядов и снабжение их опытными руководителями.

Резюмируя настроение крестьян в районе Гомеля, в конце марта главное командование западного фронта докладывало Совнаркому: «Все крестьяне как один подняли меч для защиты земли и воли» (стр. 137).

22 апреля 1918 г. был принят декрет об обязательном обучении военному искусству (стр. 149, 151), с привлечением всех граждан «ко всеобщей трудовой и воинской повинности».

Последняя глава книги — «Строительство регулярной Красной Армии». Разгоравшаяся гражданская война и борьба против немецких захватчиков требовали создания большой регулярной армии. Народ на опыте всё более убеждался, что необходим общий отпор врагу.

Для руководства обороной страны Совнарком создал 1 апреля 1918 г. Высший военный совет, 3 апреля — Всероссийское бюро военных комиссаров. Был создан центр по руководству политической работой в армейских частях. В начале апреля при советах на местах были созданы комиссариаты по военным делам. Таким образом, был создан централизованный аппарат, который мог руководить строительством армии.

22 апреля 1918 г. тов. Свердлов утвердил текст торжественного обещания — присяги, которая давалась каждым воином при вступлении в Красную Армию (стр. 156—157).

Очень интересен ряд документов о создании регулярной армии (№№ 174, 177), адресованных военным руководителем М. Бонч-Бруевичем в Высший военный совет и председателю Совнаркома. 29 мая 1918 г. был издан первый декрет о принудительном наборе в Красную Армию в Москве, Петрограде и в прифронтовой полосе (стр. 163). С тех пор служба в Красной Армии — одна из священных обязанностей каждого советского гражданина.

1 июня 1918 г. большевики обратились с воззванием к трудящимся «Под ружьё». Генералы Эйхгорн, Скоропадский и Краснов при поддержке германских захватчиков восстанавливали старые, буржуазные, помещичьи порядки.

Большевики призывали немедленно создать революционную армию: «Добровольческие полки недостаточны, обязательный призыв должен быть проведён в жизнь» (стр. 163). И он был осуществлён.

Огромное значение для создания Красной Армии имел V Всероссийский съезд советов, собравшийся в Москве 10 июля 1918 года. Съезд подтвердил обязанность граждан в возрасте от 18 до 40 лет стать на защиту Советской республики от внешних и внутренних врагов (стр. 171). Съезд подчеркнул необходимость планомерного строительства Красной Армии под руководством Всероссийского главного штаба по

разработанным штатам и «при планомерном применении всех видов военной науки, какой она вышла из опыта нынешней войны» (стр. 172). Съезд категорически высказался за «использование опыта и знаний многочисленных военных специалистов из числа офицеров бывшей армии» (стр. 172). Вместе с тем была поставлена важнейшая задача в деле создания новой армии: «Воспитание нового командного состава, целиком проникнутого идеями рабочей и крестьянской революции» (стр. 172). Съезд чётко определил роль военных комиссаров, которые должны являться «блюстителями» неразрывной связи Красной Армии с новым, рабоче-крестьянским правительством.

29 июля последовали декреты Совнаркома об учёте граждан от 18 до 40 лет, годных к военной службе, и о призыве на военную службу бывших офицеров, врачей и военных чиновников (стр. 175, 176). Этими мероприятиями завершался переход к созданию регулярной армии. Регулярная армия была создана. Она крепла в боях с многочисленными врагами. Закалялись её ряды, росли и совершенствовались её командные кадры, опыт мировой войны обогащался опытом войны гражданской.

Красная Армия воспитала славных военачальников. Партия направляла в армию своих лучших политических и военных деятелей.

Во главе всей работы по созданию новой армии стояли два титана мысли — Ленин и Сталин. Они идейно вдохновляли и направляли всю работу по созданию армии. Под их руководством, пользуясь безграничной поддержкой трудящихся нашей родины, Красная Армия стала громить своих врагов.

В заключение необходимо сделать одно критическое замечание. Глава книги «Строительство регулярной Красной Армии» нуждается в дополнении материалом. Полезно было бы показать, как создавались отдельные национальные части Красной Армии и как велась в них политическая работа. Необходимо расширить хронологические рамки этой главы, хотя бы до конца 1918 г., до изгнания германских интервентов из нашей страны. В первых главах дан материал о борьбе с германскими оккупационными войсками по некоторым районам. Необходимо, чтобы эта книга значительно полнее отразила борьбу Красной Армии против германских интервентов и под Ленинградом, и на Украине, и в Крыму, и на Северном Кавказе. Эту задачу давно пора разрешить.

Проф. МГУ А. Сидоров

«Освобождённый Тихвин». Сборник документов и материалов о разгроме немецко-фашистских войск под Тихвином в декабре 1941 года. Лениздат. 1943. 91 стр. 5 руб.

Тихвинская операция 1941 г., небольшая по своим масштабам в сравнении с великими битвами за Москву, Сталинград и Орёл, займёт, тем не менее, почётное место в истории Великой отечественной войны Советского Союза.

Вместе с победами под Ростовом, под Москвой и в Крыму тихвинская операция зимы 1941 г. знаменует собой коренной перелом в ходе борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Сражение в районе Тихвина — одно из первых сражений, в которых наступавшие немецкие войска были не только остановлены, но и подверглись полному разгрому. Победа, одержанная под Тихвином, сорвала гитлеровский человеко-ненавистнический план — удушья город Ленина голодной блокадой. Значение её не раз подчёркивал в своих выступлениях товарищ Сталин.

Несомненное достоинство рецензируемого сборника — это то, что в нём опубликованы все высказывания товарища Сталина, относящиеся к тихвинской операции. Собранные вместе, эти высказывания с исчерпывающей полнотой характеризуют значение знаменитых боёв под Тихвином.

Первый и самый важный раздел сборника — «Бои за Тихвин» — оставляет у читателя чувство неудовлетворённости. Составители сборника слишком облегчили свою задачу: они совершенно не использовали фронтовую печать, откуда можно было бы почерпнуть интереснейшие материалы о тихвинской операции и её героях. В сборнике напечатаны лишь статьи, появившиеся в центральных газетах во время боёв за Тихвин и непосредственно вслед за их окончанием. И поскольку редакции центральных газет в то время, естественно, уделяли наибольшее внимание битве под Москвой, то целый ряд важнейших эпизодов боёв за Тихвин вообще не получил отражения в сборнике.

Известно, например, что несколько частей: сапёрная, мотопонтонная, танковая — за героизм, проявленный в этих боях, были преобразованы в гвардейские. Об их боевых делах в сборнике нет ни слова.

Ещё более существенный недостаток первого раздела сборника — это то, что отсутствует обобщающая статья, которая позволила бы читателю представить себе ход тихвинской операции. Между тем такая статья в нашей литературе имеется: это «Тихвинская операция» подполковника Чикина, опубликованная в № 1 «Военной мысли» за 1943 год. Сборник «Освобождённый Тихвин» подписан к печати 25 мая 1943 года. Таким образом, составители его имели полную возможность перепечатать статью подполковника Чикина. Эта статья помогла бы также читателю «Освобождённого Тихвина» лучше разобраться в остальных материалах сборника. Сейчас разобраться в них нелегко, поскольку авторы статей, написанных в разгар операции, не могли, например, указывать

названий населённых пунктов, за которые шли бои. Большую помощь оказали бы читателю и схемы, иллюстрирующие статью подполковника Чикина (в своём нынешнем виде сборник не содержит даже карты театра военных действий).

Читателю, не знакомому с ходом военных действий после освобождения Тихвина, вряд ли будет понятно, почему составители сборника включили в него статью генерал-майора Федюнинского «Волховская операция». Автор этой статьи, появившейся в печати в конце 1941 г., не мог писать о том, что его войска, разгромившие немцев на левом берегу Волхова, наступали во взаимодействии с группировкой генерала армии Мерецкова, которая после освобождения Тихвина нанесла поражение немцам на правом берегу реки, и что обе операции были частью единого плана нашего командования. В статье подполковника Чикина, опубликованной позже и в другой обстановке, этот вопрос изложен ясно и понятно.

Следовало бы также использовать показания немцев, взятых в плен под Тихвином, захваченные в боях немецкие письма и документы. Эти материалы очень поучительны.

Составители сборника не дали себе труда исправить отдельные неточности, вкрапившиеся по тем или иным причинам в перепечатанные ими статьи, которые, как уже указывалось, писались в разгар боёв. Так, на стр. 9 говорится о разгроме под Тихвином 12-й танковой дивизии немцев, а на стр. 10 эта дивизия именуется моторизованной. Неверно, далее, что действовавшему в районе Тихвина 39-му мотомехкорпусу немцев были приданы части 3-й танковой дивизии (стр. 8). Эта дивизия входила в состав танковой армии Гудериана и одновременно с боями за Тихвин была разгромлена севернее Тулы (см. об этом сообщение Совинформбюро от 13 декабря 1941 г. «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы»). Ошибки имеются, впрочем, и в коротеньком предисловии к сборнику. Авторы его говорят, например, о разгроме под Тихвином германской армии генерала Шмидта. На самом деле под Тихвином действовала не армия, а 39-й мотомехкорпус, которому были приданы некоторые другие части. Составители сборника должны были знать об этом из перепечатанной ими статьи генерал-майора Ляпина и из сообщения Совинформбюро «Ещё удар по войскам врага», где войска генерала Шмидта именуется не армией, а группой. Этому термину и следовало придерживаться.

С непростительным легкомыслием отнеслись составители сборника к вопросу о награждении орденами и медалями СССР начальствующего и рядового состава, отличившегося в боях за Тихвин. Под таким заголовком опубликовано в сборнике сообщение о том, что приказом по войскам Волховского фронта от 25 декабря 1942 г. награждена группа начальствующего и рядового состава бывшего третьего отдельного гренадерского батальона (стр. 50—51). Далее следуют фа-

милли 8 человек, награждённых орденами, и 10 человек, награждённых медалями СССР.

Наша родина щедро награждает своих героев. Сотни участников боёв за Тихвин удостоились правительственной награды ещё в декабре 1941 года. А если верить составителям сборника, то за тихвинскую операцию награждено всего 18 человек, притом через год после боёв!

Далее. Составители почему-то вообще не сочли нужным напечатать в сборнике сообщения о преобразовании в гвардейские тех частей, которые отличились в боях за Тихвин.

Второй раздел — «Фашистские варвары ответят за все свои злодеяния» — составлен значительно более удачно, чем раздел «Бои за Тихвин». Тихвинский район — один из первых районов, освобождённых от немецких захватчиков. Вслед за Ростовом здесь была впервые сорвана маска с гнусного «нового порядка» гитлеровцев. Опубликовав все акты о разрушениях и зверствах, учинённых гитлеровцами в городе Тихвине и Тихвинском районе, напечатав рассказы колхозников, пострадавших от немецких грабителей и убийц, составители сборника, безусловно, сделали большое и нужное дело. Неясно

только, почему наряду с рассказами колхозников в сборнике не помещены рассказы горожан: ведь в городе Тихвине немцы зверствовали ничуть не меньше, чем в окрестных деревнях!

Третий и четвёртый разделы сборника обстоятельно рассказывают о трудовой победе, одержанной на полях Тихвина вслед за победой военной. С радостью читатель узнаёт, что в трудных условиях военного времени трудящиеся города Тихвина и Тихвинского района сумели за короткий срок восстановить значительную часть того, что было разрушено немецкими дикарями, что сельское хозяйство района уже оказывает значительную помощь героическому Ленинграду, что вскоре вновь откроется разорённый немцами музей композитора Римского-Корсакова.

Сборник в целом несмотря на его некоторые положительные стороны, нужно признать плохим. Составители не справились с поставленной задачей. «Сборник документов и материалов о разгроме немецко-фашистских войск под Тихвином» не даёт сколько-нибудь полной картины этого разгрома.

В. Голант

«Документы обвиняют». Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Вып. 1-й. Огиз. Государственное издательство политической литературы. М. 1943. 253 стр. 7 руб.

В рецензируемом нами сборнике приведены документы о чудовищных зверствах немецких оккупантов во временно захваченных ими городах и сёлах Советского Союза за период с начала Великой отечественной войны по март 1942 года. Эти документы относятся, следовательно, к начальному периоду войны. Многие из того, что раскрылось в позднейшее время, особенно на краснодарском и харьковском судебных процессах, в первый период войны ещё не было нам известно.

Тем не менее объявления и приказы, изданные немецкими оккупантами во временно захваченных ими советских районах, акты о бесчеловечных расправах немецко-фашистских убийц и мародёров с мирным советским населением, протоколы о зверских расправах гитлеровцев с советскими военнопленными, фотографические снимки истерзанных и замученных красноармейцев и командиров, попавших в плен к немецко-фашистским негодям, протесты немецких военнопленных, бывших свидетелями этих зверств, посланные Международному комитету Красного креста, — все эти документы, собранные в сборнике, производят потрясающее впечатление.

Из этих документов видно, что чудовищные зверства, массовое истребление советских граждан фашистские изверги производят по прямому указанию германского правительства и верховного командования немецкой армии.

Сборник открывается нотами народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова от 27 апреля 1942 г. и от 6 января 1942 г., в которых советское правительство обнародовало факты чудовищных злодеяний немецко-фашистских захватчиков во временно оккупированных ими советских районах и поставило вопрос об ответственности германского правительства и командования за эти преступления.

Сборник состоит из пяти разделов. Разделам, характеризующим ограбление гитлеровцами мирного советского населения и насилия над ним, разрушение фашистскими палачами советских городов и сёл, национальной культуры народов СССР, а также истребление советских военнопленных, составители сборника предпослали соответствующие статьи международной конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, принятые Гаагской мирной конференцией 1907 года¹. Это наглядно показывает, что злодеяния фашистских преступников являются к тому же ещё и наглым нарушением международных соглашений, подписанных Германией. Так, например, статья 28-я при-

¹ Решения этой конференции, как известно, дополнили конвенцию, выработанную ещё на I Гаагской конференции 1899 года. На Гаагской конференции присутствовали 21 европейское государство, 19 государств Америки и 4 государства Азии. В 1909 г. к решениям этой конференции присоединилась и Германия.

ложения к названной конвенции, приведённая в первом разделе сборника, гласит: «Воспрещается отдавать на разграбление город или местность, даже взятые приступом» (стр. 47).

Наглым издевательством над этим постановлением является, например, приведённый в том же разделе сборника пункт 3-й приказа немецкого коменданта по посёлку Солнцево: «Всё другое имущество... как то: весы, мешки, зерно, соль, керосин, бензин, клеёнки, кастрюли, шторы, занавеси, ковры, патефоны с пластинками должны быть доставлены в комендатуру германского штаба в помещении бывшего родильного отделения солнцевской больницы не позднее 12 часов. Виновные в нарушении настоящего приказа будут расстреливаться» (стр. 49).

В статье 56-й международной конвенции 1907 г. говорится: «Собственность общин, учреждений церковных, благотворительных и образовательных, художественных и научных, хотя бы принадлежащих Государству, приравнивается к частной собственности. Всякий преднамеренный захват, истребление или повреждение подобных учреждений, исторических памятников, произведений художественных и научных воспрещаются и должны подлежать преследованию» (стр. 90).

Немецкие варвары цинично и нагло нарушили и эту статью конвенции и, следуя приказу главнокомандующего генерал-фельдмаршала фон Рейхенау о том, что «никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения», разрушили величайшие культурные ценности нашего народа.

Широко известные акты о разгроме усадьбы-музея Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, дома-музея гениального русского композитора П. И. Чайковского в Клину, истринского монастыря «Новый Иерусалим», построенного великими зодчими Растрелли и Казаковым, и ряд других актов, приведённых в сборнике, показывают вандализм гитлеровских орд, вызывающий величайшее негодование у каждого культурного человека.

Статья 6-я приложения к конвенции 1907 г. разрешает привлекать военнопленных к работам при условии, если эти работы не являются «слишком обременительными» и не имеют «никакого отношения к военным действиям». А статья 4-я второй главы приложения о военнопленных той же конвенции предписывает гуманное обращение с военнопленными: «Военнопленные находятся во власти неприятельского Правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво. Всё, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остаётся их собственностью» (стр. 204).

Чудовищные насилия и злодеяния, которые гитлеровские палачи творили и творят над бойцами и командирами Красной Армии, попавшими к ним в плен, являются вопию-

щим нарушением общепринятых международных норм ведения войны.

В секретном приказе гитлеровского командования об обращении с русскими военнопленными даются обратные директивы: «Всякое снисхождение, человечность по отношению к военнопленным строго преследуются. Германский солдат всегда должен давать пленному чувствовать своё превосходство. Всякое нарушение со стороны пленного таит опасность и требует применения оружия. По пленным открывать огонь без предупреждения» (стр. 206).

Такого же характера директивы содержит и ряд других приказов, приведённых в сборнике. Германское командование неоднократно требует применения труда военнопленных на самых опасных военных работах. Приведём выдержку из приказа по 203-му немецкому пехотному полку от 2 ноября за № 109: «Верховный главнокомандующий армии генерал-фельдмаршал Рунштедт приказал, чтобы вне боевых действий, в целях сохранения германской крови, поиски мин и очистки минных полей производились русскими военнопленными. Это относится также и к германским минам» (стр. 208). Из приказа по 76-й немецкой пехотной дивизии «№ 665/41 секр. 11 октября», пункт 6-й: «Необходимо применять для работ, связанных с опасностью для жизни, пленных и отдельных лиц из местного населения» (стр. 208). Из приказа по 464-му пехотному полку 253-й немецкой пехотной дивизии от 20/X—41 г., разд. «Особые замечания»: «Необходимо иметь в виду минированную местность. Использование сапёров не всегда возможно. Батальоны должны вести бой сами, не ожидая помощи. Я рекомендую для этого, как с успехом практиковалось в первом батальоне 464 ПП, использовать военнопленных (особенно русских сапёров)» (стр. 208).

Все эти приказы осуществлялись со свойственной гитлеровской армии беспощадностью и жестокостью.

Многочисленные документы, акты о зверствах немцев над русскими военнопленными, протесты, посланные Международному комитету Красного креста в Женеву немецкими военнопленными, являвшимися свидетелями этих зверств, отдельные показания немецких военнопленных, леденящие кровь фотоснимки замученных бойцов и командиров Красной Армии показывают, как эти гнусные приказы германского командования проводились в жизнь.

Сборник является огромной силы обвинительным актом против германского фашистского государства и его армии. Он неопровержимо свидетельствует ещё раз о том, что руководители германского разбойничьего правительства и верховного командования немецкой армии, как и исполнители их предписаний, — уголовные преступники, которым место на скамье подсудимых.

В. Олексина

«Краткие сведения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии наук СССР». Изд. АН СССР. Вып. I—X. М.—Л. 1939—1941.

В конце 1941 г., когда Ленинград сжимало кольцо блокады, там вышел X выпуск «Кратких сообщений ИИМК».

Начав с сравнительно небольшого по объёму первого выпуска в 1939 г., «Краткие сообщения ИИМК» очень быстро развились в объёмистые книжки, насыщенные сведениями о новых научных открытиях, публикациями и рефератами. Выход их в свет был всегда радостным событием на историческом фронте. Орган Института превращался постепенно в регулярно выходящий журнал, на страницах которого освещалась не только деятельность Института, но и важнейшие работы местных учреждений и отдельных исследователей.

Десять выпусков «Кратких сообщений ИИМК»¹, вышедших за короткий срок, за два с небольшим года, из которых последний был годом войны, содержит свыше 160 статей, сообщений, рефератов и публикаций. Они отражают различные области археологических знаний и деятельности Института, а также свидетельствуют об обогащении всей советской археологии новыми памятниками, открытыми за этот короткий срок. При этом нужно помнить, что в «КС» отражена далеко не вся работа советских археологов, так как значительная её часть публиковалась в органе Института — «Советской археологии»² — и капитальной археологической серии «Материалы и исследования по археологии СССР»³.

Наиболее полно отражён в «КС» раздел палеолита и неолита: ему посвящено более 45 статей и заметок. И это естественно, так как именно в этой области за последние годы было сделано много новых открытий и проведено немало археологических исследований. За период существования советской власти территория России ещё более обогатилась памятниками древнейшей поры истории человечества. Крым и Средняя Азия, Украина и арктический Север, Южный Урал и дальний северовосток Сибири включились в археологическую карту палеолита и неолита СССР. О размахе археологической работы и развитии научной методики, сочетающей археологический метод с методами геологии, палеозоологии, палеонтологии, антропологии, палеоботаники и почвоведения, свидетельствует обзор 67 докладов, сделанных на III конференции по изучению четвертичного периода, состоявшейся в Киеве в 1939 г. и посвящённой итогам научных достижений 1938 г. (III, 44—53).

¹ В дальнейшем «Краткие сообщения ИИМК» обозначаются «КС», римская цифра в скобках обозначает номер выпуска «КС», а арабская — страницу.

² В дальнейшем «Советская археология» обозначается «СА».

³ В дальнейшем «Материалы и исследования по археологии СССР» обозначаются «МИА СССР».

Одним из крупнейших по значению районов палеолитических местонахождений является Украина и, в частности, берега Десны. П. И. Борисковский исследовал наиболее раннюю верхнепалеолитическую стоянку под Новгородом-Северским (Пушкарки I) с хорошо сохранившимися следами большого коллективного жилища — полуземлянками площадью около 50 кв. м, с очагами и скоплением костных остатков животных; стены жилища были укреплены в нескольких местах вертикально вкопанными костями мамонта (II, 10—12; IV, 34—36). Последующие раскопки памятника позволили дать приблизительную реконструкцию этого жилища (VII, 81—86). Раскопки другой верхнепалеолитической стоянки — Костенки IV на Дону — дали исключительно интересный комплекс из двух больших коллективных жилищ (34×5,5 и 21×5,5 м), представлявших собой неглубокие длинные выемки с очагами и шалашеобразными двускатными покрытиями. Повидимому, эти жилища входили в состав крупного посёлка и размещались по определённому плану (ст. А. П. Рогачёва, IV, 36—41). Палеолитическое местонахождение на реке Сейме, близ Рыльска, намечает связующее звено между изученными районами палеолитических местонахождений Дона и Десны (ст. С. Н. Замяткина, VIII, 96—101). Произведённое Трубчевским музеем обследование среднего течения Десны выявило ряд новых памятников переходного к неолиту типа и неолитических (ст. В. П. Левенок, X, 95—99).

Количество пунктов местонахождений памятников позднего палеолита в Крыму достигает ста. Критический пересмотр материала ряда местонахождений кремнёвой индустрии позволил С. Н. Бибикову отнести значительную их часть к неолитической поре, чем заполняется существовавший до того времени и не поддававшийся объяснению перерыв в цепи археологических этапов между палеолитом и ранним металлом в Крыму (IV, 26—31). Подвергнутая специальному изучению кость человека из стоянки в гроте Кюик-Коба свидетельствует о том, что рука древнего обитателя Крыма ещё хранила черты универсальной, но примитивной хватательно-опорной лапы (ст. Г. А. Бонч-Осмоловского, II, 6—8)⁴.

Среди новых среднеазиатских палеолитических памятников первое место, бесспорно, принадлежит открытой А. П. Окладниковым в гроте Тешик-Таш в отрогах Гиссарского хребта (югозападный Узбекистан) стоянке раннего палеолита; в культурном слое были обнаружены вторые в СССР останки неандертальского человека —

⁴ См. монографию Бонч-Осмоловского Г. А. о памятнике Грот Кюик-Коба. Палеолит Крыма. Вып. I. М.—Л. 1940, и рецензию А. П. Окладникова («КС», IX, 125—128).

ребёнка 8—10 лет (II, 8—9)¹. Этим же исследователем был изучен синхронный Тешик-Ташу памятник — временное убежище в гроте Амир-Темир в горах Байсун-Тау (VI, 67—69). Найденные покойным Г. В. Григорьевым следы среднепалеолитической стоянки в Самарканде дали предварительные указания, облегчающие дальнейшие поиски памятников палеолита в Средней Азии (VIII, 89—90).

Южноуральская экспедиция, руководимая С. Н. Бибиковым, нашла лишь в бассейне реки Юрюзани 6 палеолитических пещерных стоянок, заполняющих в известной мере огромное «белое пятно» на карте палеолита между Волгой и Томском. В пещере Бурановской было найдено также неолитическое погребение и, повидимому, относящееся к этому периоду изображение лося и гарпуна, сделанное охрой на стене пещеры (III, 35—39). Новой точкой на археологической карте Приуралья является открытая М. В. Талицким верхнепалеолитическая стоянка в пойме реки Чусовой, близ Молотова, со следами временных шалашеобразных жилищ и кострищ (IV, 41—42).

Обзор новых палеолитических местонахождений Южной Сибири и опыт их исторической периодизации сделан Г. П. Сосновским (VII, 86—90). Открытая А. П. Окладниковым в 1936 г. верхнепалеолитическая стоянка на реке Ангаре, около села Буреть, является одним из крупнейших памятников каменного века в Сибири. Раскопки 1936—1940 гг., произведённые с исключительной тщательностью, позволили дать детальную реконструкцию посёлка человека начала послеледниковой эпохи (V, 40). Жилища представляли собой овальные в плане шалаша площадью около 25 кв. м, построенные в основном из костей животных; нижние стойки из крупных костей мамонта были упрочены каменными плитами и целыми черепами носорога; для сооружения кровли жилища человек использовал рога северного оленя, переплетая и связывая их между собой. Жилища Бурети объясняют огромное скопление оленьего рога Мальтинской (Сибирь) и Шуссенридской стоянок. Они сходны также с жилищами эскимосов и чукчей северо-востока Сибири и Америки и дают возможность включить в исследование сибирского палеолита этнографический материал. Найденная в Бурети женская статуэтка передаёт характерную тяжёлую меховую одежду чукотско-эскимосского типа (V, 59—61; X, 16—31). Недалеко от раскопок посёлка было обнаружено позднейшее неолитическое семейное погребение мужчины, женщины и ребёнка, интересное по ритуалу и хорошо сохранившимся деталям убора (VII, 90—93).

Вопросам древнейшей истории народов Сибири и Севера было посвящено специальное совещание комиссии по этногенезу АН СССР. Доклады, зачитанные на совещании, опубликованы в IX выпуске «КС». Доклад

А. П. Окладникова, давший сводную картину сибирского неолита, показал, что уже в это время намечаются территориальные группировки древних племён Сибири, у которых можно установить точки соприкосновения с культурой позднейших племён Сибири. Так, например, одежда энеолитических жителей Прибайкалья очень близка костюму современных эвенков, верования которых объясняют многое в неолитическом погребальном ритуале (IX, 5—18). Работа В. Н. Чернецова по этногенезу обских югов намечает основные этапы истории Среднего и Нижнего Приобья на материале открытых автором интереснейших памятников I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. Процесс этногонии хантов (остяков) и манси (вогулов) заканчивается к V в. н. э.; одним из его условий были связи племён северозападной Сибири со степными скотоводческими племенами, носителями традиций скифо-сарматской культуры (IX, 18—28). Работы С. А. Токарева (IX, 58—62) и А. П. Окладникова (IX, 63—79) посвящены происхождению якутов. Ленская археологическая экспедиция, руководимая А. П. Окладниковым, открыла в долине Лены, между Якутском и Олекминском, ряд памятников неолита и бронзы Якутии, положив тем самым прочное основание изучению древнейшей истории племён, из которых сложилась народность якутов-сахаларов. Статья А. В. Мачинского о памятниках древней эскимосской культуры на Чукотке освещает вопрос о связях населения крайнего северо-востока Сибири неолитической поры (IX, 80—89).

Особую группу памятников каменного века даёт территория Карело-Финской ССР, обладающая большим количеством стоянок и местонахождений от арктического палеолита, открытого и изученного Б. Ф. Земляковым (II, 12—13; VII, 21—27), до позднего неолита. Исследованиями последних лет установлено, что каменный век на территории Карело-Финской ССР продолжался до середины I тысячелетия до н. э. (ст. В. И. Равдоникаса, VII, 11—15). Озёрный край дал за последние годы ряд первоклассных памятников неолита. Знаменитый неолитический могильник на Оленьем острове Онежского озера, состоявший из 150 погребений с богатейшим инвентарём, открытый и изученный В. И. Равдоникасом и Н. Н. Чернягиным, отражён в «КС» лишь одной заметкой Е. В. Жирова об антропологическом облике оленеостровцев, обнаруживающем монголоидные черты (VI, 51—54)².

Поздненеолитическим поселениям северо-восточного берега Онежского озера посвящены статьи Н. Н. Гуриной (V, 62—64; VII, 28—36). Из этих памятников интересна стоянка на мысу Вой-Наволок 9, давшая картину рыболовецкого посёлка с рядом зимних полуземляночных жилищ и летних лёгких шалашей и навесов. Обилие грузил свидетельствует о ловле рыбы сетями; орудия изготовлены преимущественно из кварца и рога. Длительное переживание неолита

¹ См. Окладников А. П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. «СА», VI, 5—22.

² Более подробная информация в статье В. И. Равдоникаса. «СА», VI.

в Прионежье автор объясняет устойчивость хозяйственной основы жизни — рыболовства. Работы 1940 г. увеличили количество неолитических стоянок; среди них особенно интересно поселение Оров-Наволок (1200—800 лет до н. э.), где неолитический в основной массе инвентарь сопровождался находками следов меди или бронзы (IX, 114—120). С новыми памятниками каменного века в северной полосе Европейской части СССР знакомят статьи В. И. Смирнова и Б. Ф. Землякова (стоянка на реке Кузнечихе в Архангельске; IX, 90—101), Г. А. Чернова (стоянки Большеземельской тундры; IX, 101—111) и Г. И. Горецкого (стоянки около г. Кеми; IX, 111—114).

Так же плодотворны были работы археологов в лесном Заволжье и Верхнем Поволжье. В статье А. Я. Брюсова об археологических исследованиях в Вологодской области 1937—1940 гг. (X, 99—108) охарактеризован ряд новых неолитических памятников конца III—начала II тысячелетий до н. э. Из них наибольший интерес представляет свайное поселение на реке Модлоне, хорошо сохранившее конструкцию жилищ и исключительно богатое находками (до тысячи на 1 кв. м), в том числе изделиями из кости и дерева. На небольшом участке Верхней Волги О. Н. Бадер обнаружил 36 неолитических памятников второй половины III и II тысячелетия до н. э.; в районе Петровских озёр были постоянные посёлки, откуда население выходило к берегам Волги для сезонной рыбной ловли, оставив здесь следы своего временного пребывания. Сопоставление верхневолжских памятников неолита с памятниками раннего металла (фатьяновская культура) позволило О. Н. Бадеру утверждать, что эти памятники принадлежали разным племенам, находившимся на различных этапах хозяйственного развития (II, 13—14). Интересное неолитическое жилище на притоке Мологи — реке Яне — описано в заметке Л. Я. Крижевской (VIII, 102—105). Краткое изложение большой работы по историческому обобщению и археологической периодизации памятников I тысячелетия до н. э. в Верхнем Поволжье даёт статья П. Н. Третьякова (II, 24—26)¹.

Северокавказская экспедиция ИИМК дала исключительно богатые результаты, отражённые лишь в краткой информации покойного А. П. Круглова о работах 1939 г. (V, 65—69). Основной отчётный и исследовательский материал экспедиции был опубликован Институтом в специальном томе «Материалы по археологии Кабардино-Балкарии»: неолитический могильник в Нальчике, поселение эпохи бронзы у хутора Долинского и др. («МИА СССР» № 3). В III и V выпусках «КС» помещены две работы Б. Б. Пиотровского по истории Урарту, сделанные с характерной для автора широтой эрудиции и обстоятельностью аргументации. В статье «Урарту и Закавказье»

освещаются значение Ванского царства в древней истории и истории культуры Закавказья и роль урартов в этногонии закавказских народов. Статья «Припонтийские халдеи и урарты» посвящена чрезвычайно важному вопросу — о неправильном отождествлении припонтийских халдеев с урартами. В большой статье Б. А. Куфтина «К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии» (VIII, 5—36) дана сжатая характеристика культуры открытых автором погребальных памятников Триалети середины II тысячелетия до н. э., поразительных по варварской роскоши погребального ритуала и драгоценного инвентаря. Труд автора «Археологические раскопки в Триалети» (т. I, 1941) удостоен Сталинской премии.

Работа по эпохе бронзы отражена в «КС» лишь немногими мелкими заметками². Б. Е. Деген-Ковалевский сделал попытки уточнить датировки «больших Кубанских курганов», определив их время рубежом II и I тысячелетий до н. э. (II, 14—17). Ю. В. Подгаецкий опубликовал краткую информацию о новых памятниках бронзовой эпохи на Среднем Дону конца II—начала I тысячелетия до н. э., характеризующихся значительным развитием металлургии (II, 17—19).

Генезису ананьинской культуры посвящена статья А. В. Збруевой. В эпоху бронзы граница лесостепи находилась значительно севернее, в связи с чем в Прикамье встречаются поздние памятники степной бронзы. Воздействие более передовой степной культуры привело к упрочению скотоводства и земледелия, являющихся хозяйственной основой общества ананьинского этапа; вторым конститутивным элементом ананьинской культуры была предшествующая ей лесная так называемая сейминская культура, от которой идут формы основных орудий труда ананьинской эпохи (IX, 37—42). Антропологический тип людей этого времени, по данным Т. А. Трофимовой, обнаруживает монголоидные черты, указывающие на начавшееся ещё в доананьинскую пору смешение европеоидного и монголоидного типов на границе леса и степи (IX, 42—47). Первичная информация об археологических работах Куйбышевской экспедиции и наиболее интересном памятнике — Луговском могильнике, — изученном А. В. Збруевой, существенно дополняет данный круг вопросов (X, 108—111).

Статьи Г. П. Сосновского (VIII, 36—42) и А. П. Окладникова (VIII, 106—112) о погребениях на Ангаре (VII—II вв. до н. э.) дают материал для характеристики местных таёжных племён, обладавших своеобразной культурой, отличающейся от сибирской степной. Писаницы (рисунки на камне) того же времени, изданные Г. П. Сосновским, представляют интересные изображения животных и облавной охоты на оленей (VI, 54—58). Заметка К. В. Сальникова о

¹ См. Третьяков П. Н. К истории племён Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. «МИА СССР» № 5. М. и Л. 1941.

² Значительное число крупных работ этого раздела помещено в I т. «МИА СССР» — «Археологические памятники Урала и Прикамья». М. и Л. 1941.

раскопках городища Чудаки (Челябинская область) даёт описание интереснейшего поселения второй половины I тысячелетия до н. э. с рядом больших (до 130 кв. м) и малых полуземляночных жилищ патриархальных семей (V, 69—71). Истории древнейшей сибирской металлургии посвящены заметки С. С. Черникова (район верховьев Иртыша; II, 22—23) и А. А. Иессена (Приенисейский край; V, 45—47), дающие ценные сведения не только исторического, но и практического значения (вопрос о месторождениях олова).

Великолепные памятники культуры древнекыргызской (хакасской) аристократии VII—X вв. н. э. открыты С. В. Киселёвым и Л. А. Евтюховой — богатейшие погребения в каменных курганах Копёнского чаатаса (могильника). Предварительные данные о них опубликованы в «КС». Драгоценные изделия из золота и серебра, прекрасно орнаментированные сосуды, набор седельных блях, образующих целые охотничьи оцены, по-новому освещают сложный характер искусства и культуры азиатских степей, близкой сасанидскому Ирану и Китаю эпохи Тан (III, 39—42).

Большая и многообразная работа специалистов ИИМК как в области непосредственного полевого исследования древнейших памятников истории человека в СССР, так и в плане широкого обобщения добытых новых материалов подготовила коллектив к выполнению труднейшей задачи — написанию I тома «Всемирной истории». Работа эта, прерванная войной, нашла частичное отражение в «КС». Удачным образцом новой исторической интерпретации обширного археологического материала европейского неолита является статья Е. В. Кричевского «Мезолит и неолит Европы» (IV, 6—12), в которой автор даёт целостную историческую концепцию рождения неолита, появления его различных вариантов, их эволюции и перехода к новому этапу — культуре раннего металла. На место антиисторической концепции буржуазной археологии, сводившей сложную картину жизни неолитической Европы к скрещиваниям и передвижениям четырёх «культурных кругов», автор поставил вполне конкретную, определяемую процессом выделения земледельческих и скотоводческих племён эволюцию европейской культуры III—II тысячелетий до н. э. Развитием и детализацией тем этой работы является статья того же автора «Из истории Дунайского Повисовья в неолитическую эпоху» (VIII, 49—62).

К числу подобных же исследований, посвящённых вопросам древнейшей культуры человечества, относятся статьи А. П. Окладникова о происхождении лука и его месте в истории первобытного человека (V, 17—22) и П. И. Борисковского «Освоение огня» (VI, 47—51)¹.

Разделу античной археологии посвящены 14 статей и заметок, касающихся главным

¹ Более 20 крупных работ по истории каменного века опубликовано в специальном томе «МИА СССР» — «Палеолит и неолит СССР». М. и Л. 1941.

образом вопросов археологического изучения античных колоний Северного Причерноморья. Статьи Т. Н. Книпович о новых работах по раскопкам Ольвийского некрополя дают предварительную публикацию новых погребений архаического времени, свидетельствующих о различиях культуры местного населения и греческих колонистов (VI, 80—82; X, 112—120)². Та же проблема ставится в заметке О. А. Аргамоновой о следах древнейшего догреческого поселения VII—VI вв. до н. э. на острове Березань с остатками жилищ чрезвычайно примитивных форм, в виде ямы-землянки (V, 49—54).

Статья П. Н. Шульца о раскопках Варваровского поселения на правом берегу Буга, в 42 км выше Ольвии, также содержит интересные данные о материальной культуре местного негреческого населения, сохраняющего в сравнительно поздний период (IV в. до н. э.) свой архаический облик. Открытый раскопками жилищно-хозяйственный комплекс состоял из ряда колоколообразных землянок, связанных между собой подземными, вырытыми в лёссе ходами и представлявших в этом смысле прототип позднейших славянских грунтовых жилищ. С жилищами связаны ямы для хранения хозяйственных припасов. Повидимому, население посёлка было ещё полукочевым, и скотоводство составляло важнейшую отрасль его хозяйства, но в то же время оно было знакомо и с земледелием (V, 71—75).

Особый раздел работы античного сектора ИИМК составляла деятельность Боспорской экспедиции, начавшей с 1932 г. систематические раскопки боспорских городов Мирмекия и Тиритаки (см. доклад В. Ф. Гайдукевич, I, 6—7). Специальная статья В. Ф. Гайдукевич о раскопках Тиритаки знакомит читателя с рядом интересных открытий, сделанных Боспорской экспедицией ИИМК в 1939 году. Они подтвердили предположение, что Тиритака была специфическим промышленным центром, важнейшим промыслом которого была засолка рыбы. Засолочные ванны занимали в I—III вв. н. э. значительную часть городской территории. Открытые в 1939 г. 5 рыбозасолочных ванн общим объёмом около 42 куб. м характеризуют масштаб заготовок, рассчитанных, несомненно, на экспорт. При одном из рыбозасолочных комплексов была найдена плотно закупоренная амфора IV—V вв. н. э. с остатками нефти, что свидетельствует об использовании нефти в качестве горючего уже 1500 лет назад. В открытых в этом же раскопочном сезоне остатках городского дома позднеримского времени, погибшего от пожара, сохранился интересный вещевой инвентарь домашнего обихода и хозяйства. При доме была небольшая рыбозасолочная ванна, ви-

² Стчёты о раскопках Ольвии в 1935—1936 гг. вместе с материалами и исследованиями изданы в I томе «Ольвия» Института археологии АН УССР. Киев. 1940. См. рец. В. Ф. Гайдукевич. «КС», X, 130—136.

дим, для заготовки домашних припасов, а также небольшой «тарапан» для выжимки винограда. Вместе с открытой крупной винодельней II в. до н. э. эта частная винодельня III—V вв. н. э. даёт интересный материал для характеристики виноделия на Боспоре. Жизнь в Тиритаке продолжалась до VI—VII вв., когда город прекратил своё развитие (IV, 54—58). Одной из ценнейших находок—тиритацкому монетному кладу—посвящена специальная статья А. Н. Зографа (VI, 58—61); клад содержит 2693 монеты, относящиеся к 234—276 гг. н. э., и является исключительно ценным источником для изучения истории Боспора и, в частности, для характеристики денежного кризиса, постигшего экономику Боспора в середине III в.¹

Большой исследовательский опыт коллектива антиковедов ИИМК позволил подойти к решению сложной задачи написания капитальной «Истории античной культуры», работа над которой успешно велась до войны.

Археологическое изучение территории Средней Азии получило со времени существования советской власти необычайно широкий размах. С результатами работы за период 1919—1939 гг. знакомит обзор А. Ю. Якубовского (VI, 14—23). Институт принимал участие в больших экспедициях, осуществлявшихся рядом организаций, что позволило охватить археологическим исследованием обширные районы Средней Азии и поставить крупные стационарные раскопки.

Интереснейшие результаты работы Хорезмской экспедиции 1937—1939 гг., возглавлявшейся С. П. Толстовым, отражены лишь обзором итогов работ 1939 г., в организации которых принимали участие 8 учреждений, представлявших 4 республики и 5 городов. Собранные экспедицией обширные материалы открыли неизвестную до того древнюю культуру Хорезма, памятники которой были погребены в песках Каракумов и Кызылкумов. Археологическая карта значительной части Хорезма включает теперь памятники огромного периода — от неолита до эпохи великих хорезмшахов. Открыты разнообразные типы поселений и изучена их история, обследованы интереснейшие памятники архитектуры и изобразительного искусства, найдены хорезмийские монеты и другие многочисленные источники, позволяющие судить о своеобразии и высоком уровне культуры Хорезма. Раскопки городища Джанбас-Калы открыли богатое вещевыми находками сооружение последних веков до н. э. — атеи-кеде (храм огня), служившее домом общественных собраний (последние века до н. э.). Это позволило сделать вывод о значительных пережитках первобытно-общинного строя в быту эллинистического Хорезма.

¹ Отчётные материалы раскопок Тиритаки и Мирмекия за 1932—1934 гг., а также ряд исследований отдельных объектов опубликован ИИМК вместе с отчётами о раскопках Херсонеса (1931—1933) в томе «МИА СССР» — «Археологические памятники Боспора и Херсонеса». М.—Л. 1941.

Изучен первый точно датированный комплекс античной хорезмийской культуры — крепость Аяз-Калы (конец I—начало II в. н. э.). Обследование зоны мёртвого Беркут-калинского канала и арыка Чермен-яб выяснило интересные стороны древней ирригации и истории культурных земель Хорезма, а также систему крепостей и фортов XI—XIII вв., защищавших торговые пути Хорезма (VI, 70—79).

Экспедиция 1939 г. в долину реки Заравшана положила начало археологическому изучению города Пайкенда и продолжила раскопки городища Тали-Барзу в центре Согда, начатые Г. В. Григорьевым в 1936 году. Культурные наслоения памятника охватывают время от I тысячелетия до н. э. до начала VIII в. н. э. и достигают 18 метров. Раскопки позволили наметить основные вехи истории древнего города Ривдада — столицы домусульманских владетелей Согда — и дали многообразный материал по истории культуры и искусства. Не меньший исторический интерес представляет открытие согдийского замка VII—VIII вв. н. э. на горе Муг: здесь были найдены документы из архива согдийского царя, написанные на бумаге, коже и палках (VI, 24—34). Раскопки города Варахша — столицы владетелей Бухарского оазиса III—IV вв., — произведённые В. А. Шишкиным, привели к открытию развалин дворцового здания, украшенного росписью и прекрасной алебастровой скульптурой, свидетельствующими о высоком развитии искусства, связанного с искусством Индии (X, 3—15). Раскопки древнего Термеза позволили установить с большой полнотой историю города от III в. до н. э. до XVIII—XIX вв. и открыли ряд архитектурных памятников различных эпох, остатки городской канализации, роскошный дворец правителей Термеза XI—XII вв. площадью около 7 тыс. кв. м с богатой декоративной отделкой и другие объекты (VIII, 113—116).

Археологические исследования 1939 г. в Семиречье, производившиеся под руководством А. Н. Бернштама, охватили ряд памятников. Беркарринский могильник III в. до н. э.—II в. н. э. около озера Бийли-Куль дал богатый материал для характеристики древних кочевых племён Казахстана. Обследование Алмаатинской области выяснило в основных чертах древнюю историческую географию края и определило местонахождение и характер культурных напластований древней столицы кочевников-карлуков Коялык-Койлык. В 1939 г. был открыт Кенкольский могильник на реке Талас, раскопки которого дали блестящие находки, в том числе хорошо сохранившиеся ткани и одежды, предметы вооружения и т. п., освещающие культуру кочевников рубежа н. э. Исследования Чуйской долины были завершены составлением её археологической карты, одновременно были начаты стационарные работы на древних урочищах городов Сарыга и Беласугуна (IV, 42—48).

Специальная статья А. Н. Бернштама (VI, 34—43) посвящена истории согдийской колонизации Семиречья. В другой статье автор публикует данные о первоклассном памятнике прикладного искусства — золотой

диадеме из найденного в Каргалинском ущелье в 1939 г. погребения. Автор определяет его как погребение шамана начала н. э. и считает диадему шаманским головным убором (V, 23—31). Социалистическое переустройство Средней Азии и связанные с ним огромные ирригационные работы поставили перед археологами задачу — осуществить археологический надзор за этим гигантским строительством. Статья М. Е. Массона даёт краткое представление об интереснейших материалах, полученных в итоге наблюдения за строительством Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина, давшего как бы грандиозный «археологический разрез» Ферганской долины (VI, 52—54).

Важнейшей проблемой, разрабатывавшейся ИИМК в последние годы, была этногония славян и в особенности восточных славян. Формирование древнейшей культурной общности племён Поднепровья, Поднестровья и Повисленья, как показывает интересная работа Е. Ю. Кричевского (III, 3—13), намечается уже на грани неолита и бронзы. На этой огромной территории и складываются протославянские племена (венеды, лугии, племена Дакии и др.). Археологические памятники Поднепровья позволяют установить линию связи от скифов-земледельцев к восточным славянам-антам. Праславянские племена Среднего и Верхнего Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. отличались друг от друга по уровню культурного развития: северные племена были более отсталыми. Борьба славянства с Византийской империей в VI—VII вв. вызвала передвижение северных племён к югу, консолидацию восточного славянства и окончательное сложение в последующие столетия в условиях борьбы с воинственными соседями основ русского государства (доклад М. И. Артамонова; VI, 3—14). Рефераты докладов П. Н. Третьякова, посвящённых результатам углублённого исследования славянства, особенно лесной полосы (II, 3—5; V, 10—16), отражают итоги больших работ, опубликованных в I томе специальной серии «Этногенез славян»¹, поэтому в «КС» эти конкретные штудии нашли очень слабое отражение. Статья М. А. Тихановой посвящена мало разработанному в науке вопросу о роли района Западного Причерноморья (Дакии и Нижней Мезии) в развитии культуры Поднепровья и Поднестровья в первые века н. э. (VIII, 67—71).

Информационная заметка Г. П. Гроздилова подводит краткие итоги изучения памятников I тысячелетия н. э. в Волхово-Мсатинском районе (II, 26—27). Война прервала начатую в 1940 г. обширную работу Славянско-днепровской экспедиции, которая ставила своей задачей выявление и изучение славянских памятников I тысячелетия н. э. С программой и результатами работ 1940 г. знакомит статья руководителя экспедиции П. Н. Третьякова (X, 120—124).

Большая работа ИИМК в области поисков, исследования и обобщения новых па-

мятников истории СССР с древнейших времён и до позднего средневековья, отражённая в рассмотренных выпусках «КС» лишь в небольшой мере, послужила основой для успешного разрешения коллективом Института сложнейшей задачи — написания первых двух томов капитальной «Истории СССР». В них в систематическом и целостном изложении дана история колоссальной территории Союза от появления на ней человека и до образования Киевского государства².

В области русской археологии особый интерес представляют отдельные статьи М. К. Каргера, посвящённые археологическим раскопкам последних лет в Киеве. История Киева до эпохи Владимира Святого получила теперь предварительное освещение. В VIII—IX вв. на месте современного города было три отдельных городища. Одно занимало небольшую площадь на отроге Киевской горы, второе располагалось на Щекавице, третье — на Киселёвке. Языческие некрополи этих городищ содержат погребения горожан-ремесленников и воинов-дружинников. В эпоху Владимира ров, отделявший древнее городище на Горе, был засыпан и на его месте построена Десятинная церковь (I, 9—10; VI, 61—66). Раскопки остатков древнейшего памятника русского зодчества — Десятинной церкви, — помимо ценных историко-архитектурных сведений, дали ряд новых чрезвычайно интересных археологических данных. Таковы погребения X и XI веков. Одно из них, по предположению автора, является погребением князя Ростислава Мстиславича (1093 г.) и замечательно тем, что сохраняет при христианском ритуале старую, языческую традицию положения трупа с оружием, в данном случае мечом с великолепно отделанными серебром ножнами (IV, 12—20). Второе погребение, обнаруженное под фундаментом Десятинной церкви, принадлежало к языческому некрополю X в. и содержало останки богатого дружинника-воина, погребённого в срубе с оружием и боевым конём (V, 79—82).

Особый интерес представляет открытие тайника Десятинной церкви, тщательное исследование которого позволило воскресить один из трагических эпизодов обороны Киева от монголов в 1240 году: укрывшиеся в храме горожане пытались вырыть подземный ход из тайника к склону горы и избежать гибели, но были погребены в нём под обломками рухнувшего храма. При останках людей, погибших в тайнике, был найден исключительно богатый археологический материал (X, 75—85). Анализ серии обломков мраморного саркофага, собранных при очистке засыпки тайника Десятинной церкви, позволил автору поставить вопрос о принадлежности этой гробницы к погребению князя Владимира Святого или его жены, византийской принцессы Анны (VII, 76—80).

Статьи М. К. Каргера и Н. Н. Воронина (III, 14—27) об архитектуре Галицко-Волынского княжества посвящены историко-

¹ «МИА СССР», VI. М.—Л. 1941, а также монография П. Н. Третьякова в V томе «МИА СССР».

² Издана Институтом на правах рукописи. «История СССР». Т. I и II. М.—Л. 1939.

культурным и художественным связям Западной Украины с Киевом и с великорусским центром—Владими́ро-Суздальской землёй XII—XIII веков.

Л. А. Мазулевич в интересной статье ставит вопрос о взаимосвязи архитектурного развития XIV—XVI вв. Эстонии и Новгородско-Псковской земли (X, 47—53). Этому вопросу посвящены статьи Х. Питса об архитектуре средневекового Таллина (X, 40—47), обзор археологических работ в Эстонии за 20 лет Г. Моора (X, 89—95) и заметка Г. И. Мосберг об этническом составе населения Прибалтики по археологическим данным (VIII, 71—81).

На специальном пленуме ИИМК, посвящённом древнейшему прошлому Карело-Финской ССР, были заслушаны названные выше доклады В. И. Равдоникаса, Н. Ф. Землякова и Н. Н. Гуриной (VII). Отметим представляющую особый интерес часть доклада В. И. Равдоникаса, посвящённую вопросам формирования культуры карельского народа и её связи с русской культурой (VII, 15—19).

Из отдельных статей и заметок в области русской археологии отметим информацию Я. В. Станкевич о раскопках Михайловского могильника IX—X вв. под Ярославлем (II, 27—28); работы И. И. Ляпушкина по славяно-русским поселениям на Дону и Тамани IX—XII вв. (IV, 58—62; VI, 89—92); первичное сообщение Н. Н. Воронина об открытии остатков дворцового ансамбля XII в. в Боголюбове (II, 29—30); статью А. Д. Варганова об обнаруженных им фрагментах фресковой росписи XIII в. в Суздальском соборе (V, 38—40). Новую область археологического исследования открывает предварительная информация С. А. Таракановой о сплошном обследовании сельских поселений и боярских усадеб в пятинах Великого Новгорода, намечающем интересную историко-географическую картину новгородской деревенской периферии (V, 40—45). Краткие сведения о результатах ряда экспедиций 1938 г. по изучению древнерусских городов (Старая Ладога, Новгород, Псков, Владимир и Боголюбое) помещены в общем обзоре работы ИИМК (I, 14—16).

Общим вопросам истории культуры древней Руси посвящены частью упоминавшаяся выше статья М. И. Артамонова (VII, 11—14) и доклад Н. Н. Воронина (VII, 3—10). В последнем автор подводит основные итоги работы коллектива авторов I тома «Истории культуры древней Руси», особенно подчёркивая различие культуры Киевской Руси и культуры периода феодальной раздробленности, роль ремесла и города в формировании русской культуры, высокий уровень культуры домонгольского времени и роль монголов в появлении симптомов «отсталости».

Ряд статей «КС» посвящён вопросам археологии и истории народов Восточной Европы, с которыми соприкасалась древняя Русь. В статье М. В. Талицкого «К этногенезу коми» на основе сопоставления археологических данных и сведений письменных источников дана своеобразная концепция формирования народа коми. Кар-

тина конкретного поселения X в.—Родановского городища — родового посёлка с крупными (50—60 кв. м) домами большесемейных общин с их хозяйственным бытом даёт яркое представление о культуре раннего этапа жизни коми. Процесс оформления коми-народа прогексал под влиянием Руси (Вычегодская группа) и волжских болгар (Верхнекамская группа) (IX, 47—54). Антропологические данные по коми, приведённые в заметке Н. Н. Чебоксарова, не расходятся с заключениями этой статьи (IX, 54—58).

Интересный материал для древнейшей истории мордвы дают изученные Е. И. Горюновой протомордовские городища Теньгушевское и Нароватовское. Первое, относящееся к началу н. э., представляло родовой посёлок с рядом большесемейных полуземлянок с глинобитными очагами и разнообразным хозяйственно-бытовым инвентарём; хозяйство посёлка сочетало примитивное подсечно-мотыжное земледелие со скотоводством; была также развита охота; знакомство с плавкой железа и медным литьём ещё не вытеснило окончательно кремнёвые орудия (V, 76—79).

Отсутствие погребальных памятников на территориях, заселённых восточномордовскими племенами, дало В. В. Гольмстен основание предположить, что в этих районах был распространён способ наземного погребения. Собранные автором данные (Ибн-Фадлан, мордовский фольклор) доказывают, что таким способом являлось погребение умерших на деревьях, известное у ряда примитивных народов (V, 56—58).

Статья В. В. Гольмстен и Е. И. Горюновой «О мордовском «феодализме» направлена против модернизации рядом историков общественного строя мордвы; на основе учёта археологических и этнографических данных авторы убедительно показывают полную несостоятельность теории мордовского «феодализма», порождённой односторонним использованием скудными письменными источниками и неправильной интерпретацией мордовского фольклора (VIII, 42—48). Работа небольшого коллектива сотрудников ИИМК — специалистов по истории и археологии народов Поволжья.— была завершена законченной перед войной монографией «История культуры мордовского народа», впервые обобщившей накопленный в прошлом и особенно за период существования советской власти огромный исторический материал.

Из больших археологических работ по изучению Болгар, проводимых А. П. Смирновым, в «КС» дана информация лишь об одном интереснейшем памятнике — бане XIV в., хорошо сохранившей свою конструкцию и детали архитектурной отделки. Находящаяся по соседству с главной площадью Великих Болгар баня представляла богатейшее сооружение из белого камня и кирпича с цветной штукатуркой стен, лепными украшениями, фонтаном в виде 12-лепесткового цветка, центральным отоплением и водопроводом для горячей и холодной воды. Сходная по своему типу с восточными банями, особенно крымскими, баня, открытая в Болгарах, вероятно, принадлежала к числу трёх

бань, упоминаемых при описании города автором XIV в. Абульфедой (VI, 82—88).

Археологическое изучение средневекового Крыма представлено тремя статьями. А. Л. Якобсон, давно работающий над памятниками Херсонеса, опубликовал интересный материал из раскопок 1940 г. — три гончарные печи XI—XII вв., производившие кровельную черепицу и хозяйственную посуду. Обстоятельно описанная система работы гончарных мастерских приводит автора к ряду ценных выводов об организации средневекового ремесла (X, 53—62). В другой работе, анализирующей материалы раскопок жилых кварталов Херсонеса XIII—XIV вв., А. Л. Якобсон даёт картину городской планировки и социальной топографии города (V, 31—38). Заметка С. Н. Бибилова, посвящённая малоизученным крепостным сооружениям позднесредневекового Крыма, описывает остатки небольшого укрепления XIV—XV вв. мангупского княжества — Чоргунского исара (исар-стена). Заметка Л. И. Лаврова о домонгольском доме-башне Адиюх в Черкесии описывает редкое в западном Предкавказье военно-бытовое сооружение

типа западноевропейского донжона (VII, 98—101). Статья А. М. Беляницкого об организации ремесла в Самарканде XV—XVI вв. определяет виды ремёсел, характеризует эволюцию социального положения ремесленников, разделение труда внутри мастерской (VI, 43—47).

Подытоживая наш обзор, выразим пожелание, чтобы ИИМК как можно скорее восстановил довоенный размер и продуктивность своей исследовательской работы, идя всё дальше по завещанному основателем Института академиком Н. Я. Марром пути превращения археологии в подлинно историческую науку — историю материальной культуры, выводы которой строятся на широкой основе всех видов исторических источников. Надо также пожелать, чтобы Институт и издательство Академии наук СССР обеспечили восстановление и бесперебойное издание исключительно ценных «Кратких сообщений ИИМК».

Н. Воронин

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Институт истории АН СССР в 1943 году

Война потребовала коренной перестройки всей работы Института истории Академии наук СССР. Эта перестройка шла, с одной стороны, по линии популяризаторской, массовой работы в партийных и военных организациях, в печати, особенно фронтовой, радио, с другой — по линии расширения научно-исследовательской работы по тем проблемам, значение которых выдвинулось на первый план в дни Великой отечественной войны.

Великая отечественная война вызвала огромный интерес к военному прошлому нашей родины, к борьбе русского народа с захватчиками, к вопросам развития военного искусства, к созданию русской армии и флота. Этой настоятельной потребности отвечает подготовленный Институтом в 1943 г. сборник «История русского флота» (т. I) под редакцией проф. К. Б. Базилевича и капитана 1-го ранга Н. В. Новикова. Хронологически сборник охватывает историю русского флота с древнейших времён до конца XIX века. В статьях проф. К. В. Базилевича «Морские походы Киевской Руси» и «Создание русского флота при Петре Великом», проф. М. Н. Тихомирова «Борьба русского народа за море в XVII—XVIII вв.» и др. показано, как создавался и рос военно-морской флот, как шло совершенствование военной науки, как формировались героические традиции русских моряков, наконец, показаны история развития техники военно-морского дела и роль флота в научных открытиях.

Сборник рассчитан на широкий круг советской интеллигенции и офицеров флота, в нём сочетается доступность изложения с научной трактовкой вопросов. Последующий этап развития военно-морского искусства и флота войдёт во II том сборника,готавливаемый также Институтом.

История русской армии и военного искусства освещена в сборнике «История русской армии и военного искусства», I том которого Институтом подготовлен и выйдет в ближайшее время. Этот том открывается статьёй акад. Б. Д. Грекова, посвящённой вопросам военной организации восточных славян и Киевского государства. В статьях канд. исторических наук В. И. Шункова, М. Г. Рабиновича и Н. М. Коробкова отражены следующие этапы развития русской армии и военного искусства, показан тот самостоятельный путь, каким шёл русский народ в организации своей армии и вооружения. Заканчивается сборник

статьёй проф. Н. М. Коробкова о русском военном искусстве второй половины XVIII века. В центре внимания исследователя находится полководческая деятельность великого реформатора русской армии и творца нового военного искусства — А. В. Суворова. Редактор сборника — генерал-майор Н. А. Таленский.

Не менее интересен и II том сборника. В него входят статьи о русской армии в 1812 г., о М. И. Кутузове, о крупном военном деятеле Д. А. Милютине, военном мыслителе М. И. Драгомирове, о русской армии в период Крымской и русско-турецкой, русско-японской войн и первой мировой войны, а также статья о военной промышленности XIX в. и т. д.

Значительный интерес представляют и другие работы Института. Сектор истории славянских народов подготовил к печати в истекшем году две большие коллективные работы. Первая из них, под названием «Балканские народы между первой и второй мировыми войнами», на огромном статистическом, экономическом и историческом материале показывает положение балканских народов за этот период, фиксируя внимание на их борьбе за свою политическую независимость и государственную целостность. Этот сборник выходит под редакцией проф. З. Р. Неядлы. Второй сборник иного характера. Это работы большого коллектива сотрудников Института под названием «Культурные связи южных славян с Россией». Цель сборника — показать, как на протяжении веков развивались самобытная культура южных славян и их культурные связи с Россией. В этот сборник включены статьи чл.-корр. АН СССР В. И. Пичеты «История южных славян в русской историографии XIX—XX вв.», «Юрий Крижанич» и др., чл.-корр. АН СССР С. К. Богоявленского «Культурные отношения между русскими и сербами в XVII—XVIII вв.», «Борьба сербов с немецкой агрессией», проф. М. Н. Тихомирова «Исторические связи русского народа и южных славян» и др.

По истории западных славян в 1943 г. подготовлена многолетняя работа В. И. Пичеты — II том «Истории Польши», излагающий историю Польши с 1785 до 1863 года.

Сектор истории стран Востока подготовил сборник под названием «Международные отношения на Тихом океане в эпоху

империализма». Авторам сборника удалось привлечь большой, мало использованный у нас материал и дать новое освещение ряда интересных моментов сложного переплёта международных интересов на Тихом океане с 70-х годов прошлого столетия до 1941 года.

В области истории русского народа Институт истории закончил работу по истории русской культуры под ред. акад. Б. Д. Грекова. Прослеживая развитие культуры Киевской Руси, русского средневековья и нового времени вплоть до конца XIX в., авторы этой работы показали тот самостоятельный путь, каким шло развитие русской культуры, показали её самобытность и связь с лучшими образцами Запада.

Авторами отдельных статей являются чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушин, д-р исторических наук: С. Н. Валк, И. И. Смирнов, М. В. Нечкина, Ш. М. Левин и др. Автор раздела о культуре Киевской Руси — акад. Б. Д. Греков.

Все вышеперечисленные коллективные работы входили в общий академический план 1943 г., являясь, таким образом, основными объектами работы Института.

В области индивидуальных исследований акад. Р. Ю. Вилпер закончил большую, заново написанную работу «Возникновение христианства». Он же сдал в печать оригинальное исследование «Александр Македонский в Средней Азии»; чл.-корр. АН СССР С. Б. Веселовский подготовил к печати большую монографию «История феодального землевладения в Северовосточной Руси XV—XVI вв.»; чл.-корр. АН СССР С. К. Богоявленский представил работу под названием «Россия и Сербия XVII в.»; проф. Н. М. Дружинин завершил многолетнюю работу о государственных крестьянах XIX в. под названием «Государственные крестьяне и реформа Киселёва», т. I «Предпосылки и сущность реформы», и в настоящее время работает над II томом, который должен быть закончен в текущем году; проф. М. В. Нечкина написала исследование по истории народного движения в Средней Азии «Андижанское восстание 1898 г.» и работает над историей декабристов. Большой интерес представляют работы Ф. О. Нотовича «Очерки дипломатической борьбы 1914—1918 гг.», «Разгром Германии и её союзников в 1918 г.» и «Подготовка вероломного нападения на Советскую республику в 1918 г.».

Это далеко не полный перечень подготовленных Институту научных исследований. В 1943 г. ряд сотрудников представил и защитил диссертации на степень доктора исторических наук, имеющие самостоятельное большое научное значение: А. Ф. Миллер защитил диссертацию под названием «Мустафа-паша Байрактар», А. А. Губер — «Филиппинская республика 1896—1898 гг.», М. А. Коростовцев — «Письмо в древнем Египте», А. В. Мишулин — «Античная Испания», Н. Г. Бережков — «Литовская метрика как исторический источник» и др.

Большая научно-исследовательская работа, которая проводится в Институте, на-

шла отражение в оживлённой деятельности секторов.

Были заслушаны научные доклады по истории СССР дооктябрьского периода: С. К. Богоявленского «К истории г. Ташкента», акад. Б. Д. Грекова «Псковские ссудные грамоты», Моравского «Разрядный приказ как военное министерство и главный штаб Московской Руси», М. Н. Тихомирова «О происхождении названия «Русь», чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина «Избранная рада царя Ивана IV», проф. К. В. Базилевича «Национальные силы в борьбе за создание русского государства», полковника С. Ф. Найда «Революционные движения в русском флоте в период реакции» и много других.

Были заслушаны доклады по сектору СССР советского периода: С. И. Черномордика (ныне покойного) «Московский пролетариат 1905—1907 гг.», чл.-корр. АН СССР П. И. Лященко «Экономика Москвы в системе русского капитализма 1890—1914 гг.», Н. В. Адинской «Образование БССР» и др.

С интересом прошли доклады по всеобщей истории: З. К. Эггерт «Вопрос о полводной войне в политической жизни Германии 1914—1916 гг.», Е. И. Рубинштейн «Польский вопрос в Германии и пангерманистская пропаганда», А. Я. Гуральского «Установление в Германии фашистской диктатуры и превращение Германии в главный очаг войны» и др.

Оживлённо прошли доклады в секторе истории славянских народов: З. Р. Неедлы «Задачи советского славяноведения», акад. Ю. В. Готье (ныне покойного) «Бисмарк и польский вопрос», Н. В. Пигулевской «Византия и славяне в VI в.», С. Ш. Гринберга «Немецкая агрессия в славянском фольклоре» и др.

Развитие научной работы в Институте выразилось и в организации научных групп, объединяющих историков не только Института истории, но и вне его. Такими являются группы по изучению эпохи Петра Великого, истории Англии, Византии, истории крестьянства, коллективизации, истории Москвы. В стадии организации находятся группы по истории культуры, истории народов Прибалтики, Украины и Белоруссии.

Значителен план, намеченный Институту на текущий, 1944 год. Прежде всего — организация новых секторов: сектора военной истории во главе с генерал-майором Н. А. Таленским, сектора исторических научно-вспомогательных дисциплин и редакционно-издательского сектора.

Сектор военной истории должен сплотить вокруг себя не только историков Института, но и вообще всех военных историков, способствовать научной разработке вопросов военной истории и искусства, содействовать широкой популяризации военно-исторических знаний и росту молодых кадров. Сектор вспомогательных исторических дисциплин ставит задачей подготовку и издание исторических документов, памятников, а также научную разработку таких дисциплин, как палеография, археография, историческая география и др.

В плане Института на 1944 г. утверждены такие работы, как «История второй мировой войны», «История русского военного флота» (т. II), «История русской культуры» (т. II), «История Москвы» (т. I), «История крестьянства» (автор — акад. Б. Д. Греков), «История пролетариата» (автор — чл.-корр. АН СССР А. М. Панкратова), «Польша в международных отношениях в первой половине XIX в.» (автор — чл.-корр. АН СССР В. И. Пичета), «Исторический словарь» (под руководством академиков В. П. Потёмкина, Б. Д. Грекова и др.), «История коллективизации» (под руководством чл.-корр. АН СССР П. И. Лященко) и многие другие.

По истории Москвы ведётся большая исследовательская работа, ставятся доклады, ведётся монографическая разработка вопросов. Первый том под редакцией чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина охватывает историю Москвы с древнейших времён до конца XVIII в., второй том — XIX в., третий и четвёртый томы под редакцией проф. Б. М. Волина дают историю Москвы в XX в. и в советский период; V и последний том посвящён роли Москвы в период Великой отечественной войны.

«История коллективизации» (в нескольких томах), подготовляемая Институтом истории совместно с институтами экономики и права АН СССР, должна показать истоки зарождения колхозного движения, период перелома в колхозном движении, колхозное строительство и, наконец, роль колхозов в период Отечественной войны.

Работа кафедры истории Башкирского государственного педагогического института в годы Великой отечественной войны

Старейшее высшее учебное заведение Башкирии — Педагогический институт — с честью выполняет требования, которые к нему предъявляет страна в период Великой отечественной войны. Почётное место в работе Института занимает кафедра истории.

Работа преподавателей истории теснейшим образом увязана с задачами Великой отечественной войны. В лекциях по истории СССР, а также средней и новой истории освещается история борьбы русского народа с немецкими захватчиками. Организованы специальные курсы о военном прошлом русского народа (проф. Н. Петровский) и по истории Великой отечественной войны. Прделана большая работа по разоблачению фашистской фальсификации исторического процесса.

Большим достижением Института является организация лекций по историографии СССР. Курс этот ранее здесь не читался.

Кафедра неплохо организовала практические занятия, консультации, самостоятельную работу студентов. Успеваемость студентов по историческим дисциплинам повысилась по сравнению с довоенным временем.

В 1944 г. будет продолжаться работа над «Историей второй мировой войны» (коллективный труд). I том этой работы под названием «Обострение империалистических противоречий и начало второй мировой войны (1929—1939)» должен выйти в текущем году. Задача этого тома — показать складывание блока фашистских поджигателей войны, проследить нарастание противоречий между фашистскими и демократическими странами и показать роль Германии как агрессора и зачинщика второй мировой войны.

Помимо этих больших работ, вокруг которых объединяется основной коллектив Института, ведётся монографическая разработка проблем из истории крестьянства и рабочего класса, из истории культуры, международных отношений, революций 1848—1849 гг. на Западе, генезиса германского империализма, по вопросам подготовки второй мировой войны и др.

В издательском портфеле Института имеются следующие работы: сборники «Партизанское движение в СССР», «Фашизм и фашистская фальсификация истории», «Кто такие национал-социалисты», работа А. Л. Сидорова «Экономика России в период первой мировой войны» и др.

Научной работе Института сопутствует работа по воспитанию научных кадров из числа аспирантов и докторантов Института. Некоторые из них принимают деятельное участие в работе секторов, в подготовке сборников и в других начинаниях Института.

Л. Иванов

Кафедра вела и ведёт научно-исследовательскую работу. Преподаватель П. А. Ермилов защитил кандидатскую диссертацию по истории Италии; доцент Г. Цветков готовит докторскую диссертацию по истории германской революции 1918—1919 гг.; доцент В. Дядиченко дал ряд научно-исследовательских статей по истории Украины для журналов и для учебников по истории Украины; проф. Н. Петровский готовит монографию по истории воссоединения украинского народа с русским; старший преподаватель В. Петров ведёт научно-исследовательскую работу в области историографии; доцент Д. Введенский готовит интересную работу по истории Русской секции I Интернационала, кроме того он работает над историей Башкирии (Высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина о Башкирии); доцент Р. Раимов готовит работы, показывающие роль башкирского народа в освободительных войнах России.

Недавно кафедра обсуждала кандидатскую диссертацию своего бывшего преподавателя, ныне гвардии майора Н. Н. Гульцева, награждённого двумя орденами и медалью.

Доц. Г. Цветков

CONTENTS:

Order No. 16 of the Supreme Commander-in-Chief of the Armed Forces of the U. S. S. R., Moscow, February 23, 1944.—The Red Army—the army of the unity and comradeship in arms of the peoples of the U. S. S. R. ARTICLES: Gorbunov T., Secretary of the Central Committee of the C. P. (B) of Byelorussia Lenin and Stalin in the struggle for the freedom and independence of the Byelorussian people. Chebaevsky F. The Volga Flotilla in the Civil War of 1918—1920. Fedyaeva A. The struggle of the Baltic peoples against the German invaders in 1918. Baevsky D. Beginning of the restoration of the Donets Basin in 1920. Kokiev D. A fascist falsification of the history of the Ossetins. Molok A., Prof. of Leningrad University—Francs-tireurs in France during the War of 1870—1871. Arkhangel'sky, S., Prof. of Gorky University—English diplomacy and the war between Venice and Turkey in the forties and fifties of the 17th century. ANNOUNCEMENTS AND PUBLICATIONS: Stein B., Prof. (School of Higher Diplomacy)—Concerning the formulation of the Statutes of the League of Nations. Bakhrushin S. (Corresponding Member of the Academy of Sciences of the U. S. S. R.)—Yuri Vladimirovich Gauthier. Savitskaya N. The more important achievements of Academician Y. V. Gauthier. Zvyagintsev E. The free colonies of foreigners in Moscow in the 17th century. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. CRITICAL ARTICLES AND REVIEWS. CURRENT EVENTS.

SOMMAIRE:

Ordre du jour du Commandant en chef des forces armées de l'U. R. S. S. en date du 23 février 1944. n° 16, Moscou. L'Armée rouge, Armée de l'unité et de l'amitié des peuples de l'U. R. S. S. ARTICLES: Gorbounov T., secrétaire du C. C. du P. C. (b) de Biélorussie.—Lénine et Staline dans la lutte pour la liberté et l'indépendance du peuple biélorussien. Tchebaevski F. La flotille de guerre de la Volga pendant la guerre civile (1918 — 1920). Fediaeva A. La lutte des peuples de la Baltique contre les envahisseurs allemands en 1918. Baïévski D. Le début du rétablissement du bassin du Donetz (1920). Kokiev D. A propos d'une falsification fasciste de l'histoire de l'Ossète. Molok A., professeur à l'Université de Léninegrad.— Les francs-tireurs en France pendant la guerre de 1870 — 1871. Arkhangel'ski S., professeur à l'Université de Gorki. — La diplomatie anglaise et la guerre turco-venitienne au milieu du XVIIe siècle. COMMUNICATIONS ET PUBLICATIONS: Stein B., professeur à l'École supérieure de diplomatie.—La préparation du statut de la Société des Nations. Bakhrouchine S., membre-correspondant de l'Académie des sciences de l'U. R. S. S., — Iouri Vladimirovitch Gauthier. Savitskaïa N. Les principaux ouvrages de l'Académicien I. V. Gauthier. Zviaguintsev E. Les slobodas ou colonies étrangères à Moscou au XVIIe siècle. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. REVUE. CHRONIQUE.

INHALT:

Befehl des Oberbefehlshabers der Streitkräfte der Sowjetunion vom 23. Februar 1944. Nr. 16. Moskau.—Die Rote Armee—die Armee der Einheit und Freundschaft der Sowjetvölker. ARTIKEL: Gorbunow T., Sekretär des ZK der KP (B) Bjeloruslands—Lenin und Stalin im Kampf für die Freiheit und Unabhängigkeit des bjelorusischen Volkes. Tschebajewski F. Die Wolga-Kriegsflotille im Bürgerkrieg 1918—1920. Fedjajewa A. Der Kampf der baltischen Völker gegen die deutschen Okkupanten im Jahre 1918. Bajewski D. Der Beginn des Wiederaufbaus des Donbass (1920). Kokijew D., Prof.—Ueber eine faschistische Fälschung der ossetischen Geschichte. Molok A., Professor der Leningrader Universität—Die Francs-tireurs in Frankreich zur Zeit des Krieges 1870—1871. Archangelski S., Professor der Gorki Universität—Die englische Diplomatie und der venezianisch-türkische Krieg in den 40er und 50er Jahren des 17. Jahrhunderts. MITTEILUNGEN UND PUBLIKATIONEN: Stein B. Professor der diplomatischen Hochschule—Aus der Geschichte der Entstehung des Statuts des Völkerbundes. Bachruschin S., Korresp. Mitglied der Akademie der Wissenschaften der UdSSR—Jurij Wladimirowitsch Gauthier. Sawitskaja N. Bedeutende Arbeiten des Akademiemitglieds J. W. Gauthier. Zwjagintzew E. Die Fremdenniederlassungen in Moskau im 17. Jahrhundert. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. KRITISCHE BEITRAEGE UND UEBERSICHTEN. CHROHIK.
